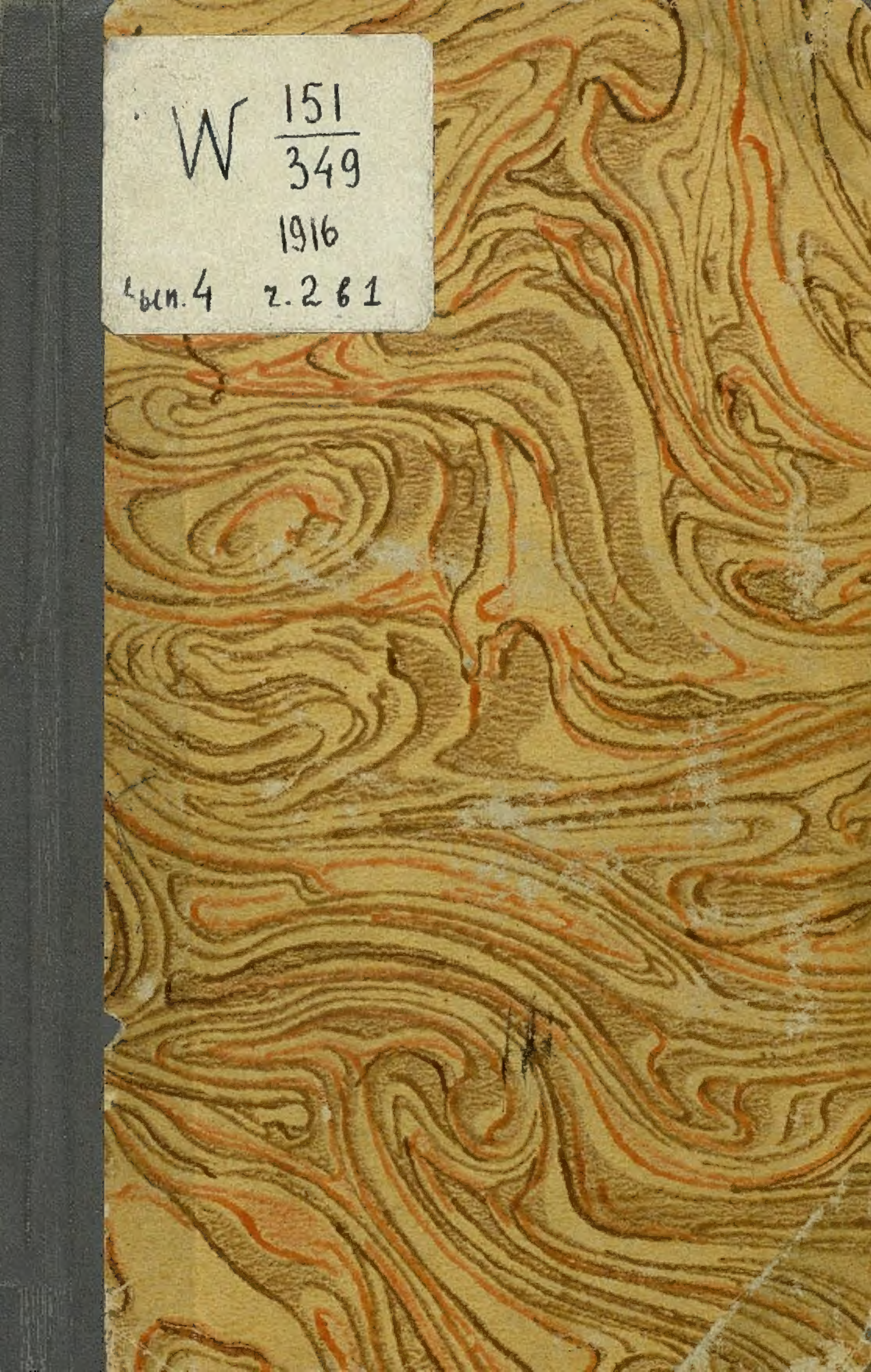

W 151/349
1916
вып. 4 г. 2 6 1

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

МОСКВА, КУДРИНСКАЯ САДОВАЯ, д. № 6, кв. 6.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и РАБОТЫ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ и ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗНАНІЯМЪ,
издаваемыя подъ редакціей П. Б. СТРУВЕ.
Выпускъ IV.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

Часть вторая.

ритика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

ВЫПУСКЪ I.

облема производства—Проблема вмѣненія—Проблема т. н. распредѣленія—Политическая экономія и бухгалтерія—Цѣна и доходы.

ИЗДАНІЕ
. П. Рябушинскаго. Москва 1916 г.

Предисловіе.

Когда началась война, предлагаемыя главы второй части книги „Хозяйство и цѣна“ были частью уже отпечатаны, частью же набраны. Тогда я отложилъ въ сторону эту работу, за окончательной отдѣлкой которой меня застали іюльскіе дни 1914 г. Но съ конца 1915 г. я вновь смогъ за нее взяться и рѣшилъ теперь же выпустить въ свѣтъ первыя пять главъ второй части моего труда, которыя лежали давно готовыя. Въ этомъ видѣ работа почти закончена, если не считать двухъ заключительныхъ главъ, которыя должны завершить мой критическій пересмотръ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи, и многочисленныхъ экскурсовъ и приложеній, которые, не укладываясь въ корпусъ текста, будутъ содержать разнаго рода иллюстраціи и дополненія къ нему.

Первоначальный набросокъ главъ I—II былъ напечатанъ въ „Извѣстіяхъ Политехническаго Института Императора Петра Великаго“ за 1908 и 1910 гг. (Отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ).

Главы III—IV въ значительно сокращенномъ видѣ были напечатаны подъ заглавіемъ „Политическая экономія и бухгалтерія“ въ журналѣ „Русская Мысль“ (ноябрь 1913 г.). Тамъ же (январь 1916 г.), подъ

заглавіемъ „Новая классификація доходовъ и общее понятіе ренты", была напечатана и глава V.

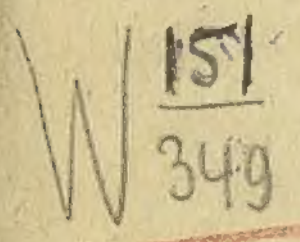
Всѣ эти главы писались однако не какъ отдѣльныя статьи, а какъ части цѣлой книги, причемъ главы I и II были въ первоначальномъ видѣ написаны и напечатаны задолго до выхода въ свѣтъ первой чачти «Хозяйство и цѣна». Вмѣстѣ съ нею настоящій выпускъ составляетъ осуществленіе нѣкотораго цѣльнаго систематическаго плана.

Двѣ заключительныя главы, а также всѣ экскурсы, приложенія и указатели составятъ второй выпускъ второй части, съ выходомъ котораго все сочиненіе будетъ совершенно закончено.

Авторъ.

20-го января
1916 г.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и РАБОТЫ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ и ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗНАНІЯМЪ,
издаваемыя подъ редакціей П. Б. СТРУВЕ.
Выпускъ IV.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія
по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

ВЫПУСКЪ I.

Проблема производства—Проблема вмѣненія—Проблема т. н. распредѣленія—Политическая экономія и бухгалтерія—Цѣна и доходы.

ИЗДАНІЕ
П. Рябушинскаго.
Москва 1916 г.

Типографія Р. Г. Шредера. Гороховая, 49.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 1 апрѣля 1916 г.

Посвящается

незабвенной памяти

дорогого друга

Андрея Михайловича

РЫКАЧЕВА,

12-го ноября 1914 года погибшаго на войнѣ.

Отдѣлъ третій.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Глава первая.

Проблема производства.

I.

1. Нѣсколько вводныхъ замѣчаній. Постановка и разъясненіе проблемы т. н. „производства". Матеріалистическое приравненіе „благъ" къ „вещамъ" (стр. 1—3). 2. Естественный и экономическій аспектъ т. н. производства. Можетъ ли „техника" быть противопоставляема „хозяйству"? Въ хозяйствѣ не можетъ быть технической цѣлесообразности, которая не совпадала бы съ раціональностью экономической. Можно ли устранить понятіе производства? Мнѣніе Лифманна (стр. 3—6). 3. Проблема законности натуралистическаго, или естественнаго аспекта въ политической экономіи. Зависимость совокупной цѣнности запаса отъ его массы (стр. 6—7). 4. Проблема прибавочной цѣнности. Рѣшеніе проблемы у физіократовъ. Съ точки зрѣнія натуралистической физіократическое рѣшеніе непререкаемо (стр. 7—9). 5. Приплодъ скота какъ реальный первообразъ процента на капиталъ. Разъясненія Гайниша. Смыслъ этихъ разъясненій (стр. 9—13). 6. Прибавочнаго продукта внѣ использованія растительныхъ (вегетативныхъ) процессовъ существовать не можетъ (стр. 13—14).

1. Исторія экономическихъ идей и ученій наполнена сложнымъ противоборствомъ разныхъ основныхъ мотивовъ [1]), и эта сложность усугубляется еще тѣмъ, что теоретическій аспектъ явленій на первый взглядъ представляется неотдѣлимымъ отъ этическаго. Мы уже говорили о мотивѣ, который можно назвать натуралистическимъ. Этотъ мотивъ побуждаетъ процессъ производства хозяйственныхъ благъ разсматривать какъ «естественный» процессъ созданія матеріальныхъ вещей. Хотя, какъ мы уже указывали, Аристотель является родоначальникомъ субъективизма, натурализмъ въ этомъ смыслѣ ему не былъ вовсе чуждъ. Этотъ натурализмъ лежалъ въ основѣ того отрицательнаго взгляда

[1]) Ср. выше: Часть I. Введеніе. О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія.

на процентъ, который былъ столь характеренъ для древней философіи вообще и такъ ярко выраженъ у Аристотеля.

Отрицаніе процента въ древней философіи не есть просто и только этическая идея: въ основѣ его лежитъ теоретическое убѣжденіе, что деньги не могутъ въ томъ же естественномъ смыслѣ рождать новыя деньги, какъ скотъ даетъ свой приплодъ. И это отрицаніе «производительности» денегъ совершенно непререкаемо съ натуралистической точки зрѣнія.

Любопытно, что этотъ натуралистическій мотивъ гораздо долговѣчнѣе того своего спеціальнаго, исторически обусловленнаго, примѣненія къ проблемѣ процента, которое связано съ именемъ Аристотеля. Съ тѣмъ, что деньги рождаютъ деньги, давно уже практически и этически примирились, не переставая въ то же время натуралистически утверждать непроизводительность денегъ. Это мы ясно видимъ у Локка. Болѣе того, рядомъ съ натурализмомъ, отрицавшимъ за деньгами экономическую производительность, у теоретиковъ эпохи переходной отъ антично-средневѣковой аристотелевской доктрины къ «политической экономіи» новаго времени, у меркантилистовъ идетъ наивно-реалистическое признаніе, что деньги суть богатство κατ᾽ ἐξοχήν. Не слѣдуетъ конечно, преувеличивать значеніе этого мотива въ меркантилизмѣ, но отрицать его тоже нельзя. Натурализмъ и наивный реализмъ образуютъ, наконецъ, неразрывное единство въ физіократическомъ ученіи о томъ, что только земледѣліе создаетъ чистый продуктъ.

Перейдемъ теперь къ проблемѣ производства по существу. Въ процессѣ образованія благъ они какъ-то создаются или «производятся». Рядомъ съ этимъ они «оцѣниваются» и превращаются въ «цѣнности». Долго человѣческая мысль, работая надъ экономическими вопросами, не задумывалась надъ тѣмъ, что въ этомъ двойномъ существованіи вещей, какъ «благъ» или «продуктовъ», и какъ «цѣнностей» заключается проблема. Она наивно-реалистически, или матеріалистически смѣшивала одинъ аспектъ, болѣе простой и грубый, съ другимъ, болѣе сложнымъ и тонкимъ, не отличала «благъ» отъ «цѣнностей» и объединяла ихъ въ одно общее понятіе богатства. На почвѣ этого смѣшенія выросла вся «трудовая» теорія богатства, перешедшая въ трудовую теорію цѣнности. На почвѣ этого смѣшенія—какъ показалъ Бемъ-Баверкъ—выросли и всѣ теоріи производительности капитала. Въ видѣ реакціи смѣшенію благъ, какъ «продуктовъ», съ благами,

какъ «цѣнностями», развилась противоположная тенденція мысли. Ее можно назвать экономическимъ идеализмомъ, или спиритуализмомъ, поскольку она ставитъ на первое мѣсто понятіе о цѣнности, какъ чисто духовное понятіе. Быть можетъ, безопаснѣе эту тенденцію именовать—какъ это обычно и дѣлается—субъективизмомъ, или психологизмомъ. Основная идея его можетъ быть выражена такъ: цѣнности, съ которыми оперируетъ экономистъ, не «создаются» и не «производятся», а суть психическія состоянія, или реакціи человѣка.

Можно было бы сопоставить этотъ экономическій психологизмъ съ феноменализмомъ въ теоріи познанія въ томъ смыслѣ, что оба они отказываются за психическими процессами искать еще какихъ-либо «объективныхъ» реальностей или «вещей». Съ этимъ экономическимъ психологизмомъ сближается и экономическій этицизмъ. Поскольку въ новѣйшемъ экономическомъ этицизмѣ на-лицо теоретическое содержаніе,—онъ долженъ принимать психологизмъ, какъ свою необходимую предпосылку, но этимъ и исчерпывается ихъ необходимая связь. Психологизмъ, какъ таковой, вовсе не обязанъ слѣдовать за этицизмомъ въ его пониманіи «естественнаго закона», отрицающемъ примѣненіе этого понятія къ общественно-экономическому процессу.

2. Въ настоящее время въ теоріи политической экономіи уже совершенно ясно различаются и разграничиваются два аспекта «производства»: съ одной стороны аспектъ «естественный»—производство, какъ процессъ созданія «благъ» или «продуктовъ» и, съ другой стороны, аспектъ «экономическій»—производство, какъ процессъ образованія «цѣнностей».

Но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что соотношеніе этихъ двухъ аспектовъ отнюдь еще не достаточно продумано во всемъ его значеніи и во всей его сложности.

Обычно эти два аспекта противопоставляются другъ другу, какъ техника и хозяйство. Въ новѣйшее время это противопоставленіе неоднократно дѣлалось въ весьма рѣзкой формѣ и, тѣмъ не менѣе, оно наталкивается на непреодолимыя трудности; вѣрнѣе, чѣмъ рѣзче техника отграничивается отъ хозяйства и противопоставляется ему, тѣмъ яснѣе ощущается отсутствіе у этого противопоставленія въ томъ широкомъ и основномъ смыслѣ, въ которомъ оно проводится, почвы въ реальныхъ фак-

тахъ. Послѣ той критики, которой Дитцель [2]) подвергъ извѣстное различеніе между техникой и хозяйствомъ, принадлежащее Герману, на этомъ не стоитъ подробно останавливаться. Ясно, что не можетъ быть «техническихъ» дѣйствій, которыя, будучи разумными, не были бы «хозяйственными». Техника, какъ таковая, есть цѣлесообразная дѣятельность и, уже въ силу одного этого, технической цѣлесообразности, которая не совпадала бы съ раціональностью экономической, въ хозяйствѣ быть не можетъ. Техника есть система средствъ для хозяйства, и отвлеченно отъ хозяйства она не есть нѣчто имѣющее реальное бытіе въ хозяйственной жизни. Та видимость независимости техники отъ хозяйства, которая служитъ мнимымъ основаніемъ для ихъ противопоставленія и отграниченія, создается тѣмъ, что техническое разсужденіе, разъ хозяйственной цѣлью поставлено его заданіе, есть разсужденіе исключительно и до конца естественно-научное. Но это не значитъ, чтобы техническое разсужденіе возможно было вести отвлеченно отъ хозяйственнаго заданія и чтобы результаты техническаго разсужденія и техническаго дѣйствія не нуждались въ санкціи хозяйства. Признакъ цѣлесообразности всякая техника черпаетъ въ задачахъ той дѣятельности, которая диктуетъ свои цѣли техникѣ. Поэтому можетъ быть столько «техникъ», сколько можетъ быть заданій, которымъ, какъ цѣли, техника подчиняется, какъ средство (техника военная, медицинская, художественная и т. д.). Если техника въ хозяйствѣ не есть какой-то естественный процессъ, руководящійся какими-то особыми неэкономическими критеріями, то въ какомъ же смыслѣ можетъ итти рѣчь объ «естественномъ» аспектѣ производства и не слѣдуетъ ли изъ политической экономіи совершенно устранить самое понятіе производства, какъ это дѣлаетъ въ сущности Лифманнъ? [3]). «Что земля производитъ извѣстныя вещества и продукты, что человѣческій трудъ можетъ преобразовывать эти вещества, что употребленіе капитала увеличиваетъ производственный эффектъ земли и труда и при случаѣ можетъ замѣнять человѣческій трудъ... это подчиняющіеся естественнымъ законамъ факты, которые лежатъ внѣ рамокъ хозяйственныхъ явленій и которые не суть причина хо-

[2]) Ср. Dietzel. Theoretische Sozialökonomik.

[3]) Robert Liefmann. Ertrag u. Einkommen auf der Grundlage einer rein subjectiven Werttheorie. Ein wirtschaftstheoretischer Versuch. Jena 1907.

зяйственной расцѣнки продуктовъ, созданныхъ посредствомъ обоихъ указанныхъ факторовъ производства. Невѣрно, что всякое производство, технически удавшееся, даетъ «выручку» въ экономическомъ смыслѣ... Нѣтъ причинно дѣйствующаго объекта, изъ котораго «происходятъ» блага, нѣтъ благъ, цѣнность которыхъ вытекала бы изъ того объекта, изъ котораго они происходятъ, какъ изъ своей «причины и условія». Наука о народномъ хозяйствѣ не есть ученіе о технически удавшемся производствѣ; оно есть ученіе о потребностяхъ, и послѣднія, являющіяся всегда субъективными, опредѣляютъ выручку хозяйственнаго дѣйствія. Выручка, такимъ образомъ, не получается отъ труда, отъ земли, отъ капитала. Она не возникаетъ такъ, какъ плоды выростаютъ на деревьяхъ. Она является причиной той оцѣнки продуктовъ, созданныхъ указанными факторами производства, которую даютъ этимъ продуктамъ люди, пользующіеся ими для удовлетворенія потребностей. Поэтому невозможно участію каждаго изъ этихъ факторовъ въ производствѣ вмѣнять различныя доли выручки, свести эту выручку къ факторамъ производства, какъ къ «причинно дѣйствующимъ объектамъ». «Ученіе о вмѣненіи», которое утверждаетъ, что факторы производства, земля, трудъ, капиталъ, «какъ издержки извѣстной цѣнности входятъ въ производство» и что «поэтому имъ изъ выручки должна быть вмѣнена извѣстная доля цѣнности» (Филипповичъ) и теорія пропорціональности, которая утверждаетъ, что выручка въ тѣхъ же пропорціяхъ должна быть сведена на отдѣльные факторы производства, въ которыхъ они употреблены при производствѣ, суть, на мой взглядъ, самыя крупныя и наиболѣе чреватыя слѣдствіями заблужденія современной экономической науки» [4]).

Работа Лифманна есть самое крайнее выраженіе субъективистическаго, или психологическаго отрицанія всякаго натурализма въ политической экономіи: естественную проблему созданія богатства она совершенно упраздняетъ, какъ проблему политической экономіи, подчеркивая въ то же время, что черезъ всю современную политическую экономію насквозь проходитъ смѣшеніе хозяйства и техники [5]).

---

[4]) Liefmann, l. c. 4—5. Цитируя Лифманна, я не воспроизвелъ его многочисленныхъ курсивовъ.

[5]) Ср. его предисловіе стр. IV.

Мы остановились на этой работѣ потому, что разсужденія Лифманна представляютъ для насъ удобный отправный пунктъ при выясненіи вопроса, въ какой мѣрѣ законенъ въ политической экономіи натуралистическій, или естественный аспектъ производства и каково его отношеніе къ «экономическому», въ которомъ, какъ показываютъ разсужденія Лифманна, исчезаетъ самое понятіе производствъ и связанныя съ этимъ понятіемъ проблемы. Проблему «вмѣненія», тоже затронутую въ разсужденіи Лифманна, мы пока оставляемъ въ сторонѣ.

3. Теперь мы займемся вопросомъ, можетъ ли эмпирическое или реалистическое разсужденіе совершенно отрывать оцѣнку благъ отъ ихъ созданія. Такое разсужденіе не можетъ и не должно ставить вопроса о причинной зависимости. Оно отправляется отъ простѣйшаго наблюденія, что оцѣнка блага есть функція его количества. Это наблюденіе лежитъ въ основѣ т. н. принципа предѣльной полезности.

При увеличеніи количества благъ цѣнность каждой единицы падаетъ. Но это не значитъ, что это паденіе цѣнности единицы всегда приводитъ къ тому, что совокупная цѣнность бо́льшаго «запаса» или «количества» блага меньше совокупности цѣнности ме́ньшаго «запаса». Такой случай возможенъ и бываетъ нерѣдко, но вообще говоря слѣдуетъ думать, что чаще наблюдается противоположный случай, когда совокупная цѣнность бо́льшаго запаса при понизившейся цѣнности единицы превосходитъ цѣнность меньшаго запаса. Во всякомъ случаѣ—какъ бы ни складывалось произведеніе цѣнности единицы продукта на его количество—зависимость не только единицы цѣнности, но совокупной цѣнности всего запаса отъ его величины не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ фактѣ этой зависимости - реальная основа связи между естественной проблемой созданія продукта и экономической проблемой образованія цѣнностей. Величина цѣнностей не независима отъ массы благъ. Мы можемъ пойти дальше и сказать, что нормальнымъ случаемъ указанной зависимости является прямая, положительная зависимость величины цѣнностей отъ массы благъ [6]. Для уясненія беремъ простѣйшій случай, когда при данной затратѣ труда и капитала масса благъ увеличивается. Нормально

[6]) См. таблицы и діаграммы въ приложеніи.

при этомъ цѣнность единицы падаетъ, а совокупная цѣнность растетъ. Это означаетъ, что чѣмъ производительнѣе производственный процессъ, тѣмъ большая величина цѣнности нормально прикрѣпляется къ его продукту. И потому или постольку созданіе цѣнностей зависитъ отъ созданія продуктовъ. Продуктъ есть условіе цѣнности.

Все это могло бы показаться банальностью, если бы мы не видѣли на примѣрѣ разсужденій Лифманна, какъ далеко зашелъ субъективизмъ и психологизмъ въ отрицаніи естественнаго аспекта производства. Въ свое время указаніе на необходимость различенія между физической производительностью и цѣнностною производительностью въ проблемѣ капитала было крупнымъ шагомъ впередъ, и несомнѣнно, что при разсмотрѣніи проблемы т. н. распредѣленія доходовъ игнорированіе этого различія было фатально. Но отсюда до отрицанія реальной связи между фактомъ и условіями созданія продукта и фактомъ и условіями образованія цѣнностей очень далеко. Теперь мы должны наоборотъ настаивать на томъ, что натуралистическая, или матеріалистическая точка зрѣнія, связывающая цѣнность съ продуктомъ, экономическій аспектъ производства съ естественнымъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ правомѣрна: она нащупываетъ реальную зависимость между реальными фактами. Ошибка натурализма заключается въ томъ, что въ немъ переходъ отъ одного аспекта къ другому совершается безсознательно, что подъ цѣнность просто подставляется продуктъ—это какъ разъ случилось съ Марксомъ въ III-мъ томѣ «Капитала», изъ чего и получилась основная антиномія теоріи трудовой цѣнности [7]). Наконецъ,—и тутъ Лифманнъ правъ со своей критикой—натурализмъ строитъ совершенно фантастическія построенія, когда онъ, въ предѣлахъ естественнаго аспекта производства, пытается развернуть и разрѣшить проблему «вмѣненія» въ ея полномъ объемѣ.

Изъ натуралистическаго аспекта производства вытекла и проблема образованія прибавочной цѣнности, какъ момента, объясняющаго фактъ того цѣнностнаго приращенія, которое равнозначуще образованію «чистаго дохода».

4. Откуда и какъ получается эта загадочная «прибавочная цѣнность»?

[7]) См. экскурсъ ~~IV~~ VII: Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности.

Если цѣнность прикрѣпляется къ продукту,—а мы видѣли, что таковъ неотразимый реальный фактъ—то не слѣдуетъ ли въ созданіи прибавочнаго продукта, т. е. въ натуральномъ процессѣ приращенія вещнаго субстрата хозяйственныхъ благъ, видѣть основу и причину образованія прибавочной цѣнности?

Повидимому, разсуждать слѣдовало именно такъ. И когда стали разсуждать такъ, то естественно было прійти къ построенію, что только тамъ, гдѣ видимымъ образомъ получается приращеніе вещнаго субстрата хозяйственныхъ благъ, гдѣ подлинно творится прибавочный продуктъ,—только тамъ образуется и прибавочная цѣнность. Таково земледѣліе и вообще сельское хозяйство, еще общее—вся область «производства» при посредствѣ растительныхъ (вегетативныхъ) процессовъ.

Въ этомъ разсужденіи заключается самый общій и самый основной смыслъ физіократической доктрины о производствѣ. Всего лучше, насколько я обозрѣваю литературу, онъ выраженъ итальянскимъ физіократомъ Ф. Паолетти въ словахъ, цитируемыхъ Марксомъ (въ Theorien über den Mehrwerth): «Подобное приращеніе вещества навѣрное никогда не происходило путемъ промышленности (arti) и оно въ ней невозможно. Промышленность даетъ веществу лишь формы, видоизмѣняетъ его: стало быть, собственно говоря, ничего не создается. Но, отвѣчаютъ мнѣ, промышленность даетъ веществамъ форму, стало быть она производительна. Если это не есть производство вещества (матеріи), то всетаки это—производство формы. Пусть такъ, я не буду возражать. Но это не есть созданіе богатства, болѣе того, это есть не что иное, какъ трата... Политическая экономія предполагаетъ и изслѣдуетъ вещное производство, которое только и встрѣчается въ сельскомъ хозяйствѣ, ибо только послѣднее умножаетъ вещества и продукты, образующіе богатство... Промышленность покупаетъ отъ сельскаго хозяйства сырье для обработки; ея трудъ придаетъ этому сырью только форму, какъ мы это развивали выше; онъ не прибавляетъ ничего къ этому сырью и не умножаетъ его. Дайте повару нѣкоторое количество гороха для того, чтобы онъ приготовилъ вамъ кушанье, онъ подастъ вамъ этотъ горохъ хорошо свареннымъ, приготовленнымъ на столъ, но въ такомъ же количествѣ, въ какомъ самъ его получилъ. Но дайте такое же количество гороха садовнику для того, чтобы онъ посадилъ его; онъ, когда придетъ къ тому время, вернетъ вамъ количество по мень-

шей мѣрѣ вчетверо большее того, которое онъ получилъ. Это есть подлинное и единственное производство» [8]).

Указаніе это въ извѣстномъ натуралистическомъ смыслѣ неопровержимо. Въ этомъ смыслѣ прибавочный продуктъ создается только вегетативными процессами. Любопытно, что Паолетти понималъ это въ еще болѣе натуралистическомъ смыслѣ, чѣмъ слѣдуетъ. Не зная еще «закона» сохраненія матеріи, онъ полагалъ, повидимому, что въ сельскомъ хозяйствѣ умножается матерія, какъ таковая, а не только опредѣленные виды вещества.

Подобно Бэкону, къ которому восходитъ ученіе о томъ, что человѣкъ, въ отличіе отъ природы, не создастъ вещества, а только формируетъ и видоизмѣняетъ его, онъ вѣрилъ, очевидно, въ твореніе матеріи природою [9]). Такого творенія, конечно, не происходитъ въ сельскомъ хозяйствѣ, даже въ натуралистическомъ смыслѣ. Но тѣмъ не менѣе въ извѣстномъ, менѣе философскомъ, болѣе наивномъ натуралистическомъ смыслѣ вегетативные процессы природы создаютъ прибавочный продуктъ. И создаютъ таковой только эти процессы.

5. Когда изъ n зеренъ получается $n+x$, тогда мы имѣемъ передъ собой созданіе прибавочнаго продукта, и $n+x$ можетъ быть больше n не только по вещной массѣ, но и по цѣнности. Когда скотъ даетъ приплодъ, этотъ приплодъ есть не только прибавочный продуктъ, но и естественная прибавочная цѣнность. И потому не только не удивительно, но совершенно и понятно

[8]) Karl Marx. Theorien über den Mehrwert aus dem nachgelassenen Manuscript „Zur Kritik d. politischen Oekonomie". Herausgegeben von Karl Kautsky. I. Die Anfänge d. Theorie vom Mehrwert bis Adam Smith. Stuttgart 1905. SS. 59—60. Цитата относится къ сочиненію I veri mezzi di render felici le societa, вышедшему въ 1772 г. и направленному противъ Meditazioni sulla economia politica Пьетро Верри. Сочиненіе Паолетти напечатано у Custodi. Scrittori classici Italiani. Economia politica. Parte Moderna. t. XX. Milano. 1804 pp. 105—371 (цит. мѣсто pp. 196—197).

[9]) Наоборотъ Верри отчетливо развивалъ мысль, что и силы природы не творятъ матеріи, а только ее видоизмѣняютъ. Tutti i fenomeni dell'universo, sieno essi prodotti dalla mano dell'uomo ovvero dalle universali leggi della fisica non ci danno idea di attuale creacione, ma unicamente di una modificacione della materia. Opere filosophiche e di economia politica del conte Pietro Verri. Tomo I. Milano 1835, p. 169. Cp. Custodi Parte mod. t. XV, p. 21. Cp. Marx. l. c. p. 61.

логично, что приплодъ скота есть не метафора для процента на капиталъ, а его реальный первообразъ, какъ это превосходно показалъ Гайнишъ.

«Греческое слово τόκος равно какъ латинское слово fenus оба указують на рожденіе. Τόκος происходитъ отъ τίκτω; fenus отъ корня fe, который тоже выражаетъ размноженіе. Глагола feo, правда, не существуетъ, онъ, повидимому, рано вышелъ изъ употребленія, но отъ него имѣются различныя производныя, которыя всѣ указываютъ на плодовитость. Таковы fenum, fecundus, fetus и прежде всего femina. Процентъ, такимъ образомъ, и въ греческомъ, и въ латинскомъ языкѣ первоначально означаетъ рожденное. Классическіе филологи до сихъ поръ держались того взгляда, что слова τόκος и fenus имѣли образное значеніе. Ими, будто бы, хотѣли выразить, что капиталъ съ такой же естественной необходимостью рождаетъ процентъ, какъ корова приноситъ теленка. Это воззрѣніе, неправильность котораго не можетъ быть, конечно, прямо показана, потому что не имѣется историческихъ памятниковъ, тѣмъ не менѣе носитъ на себѣ черты чего-то искусственнаго. Ибо прежде всего слѣдуетъ всегда предполагать, что какое-либо слово надлежитъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, а не образно. И кромѣ того было бы слишкомъ странною случайностью, что не только греки и римляне, но и многіе другіе народы обозначали одно и то же явленіе однимъ и тѣмъ же или схожимъ образомъ. Такъ, обозначеніе процента въ санскритѣ vrddhi происходитъ отъ vardh, что означаетъ животный, или, по крайней мѣрѣ, органическій ростъ. И точно также обстоитъ дѣло съ русскимъ словомъ «ростъ» и готскимъ «wōkrs»... Явственнѣе, чѣмъ въ русскомъ языкѣ, связь между процентомъ и приплодомъ скота выступаетъ въ другихъ славянскихъ языкахъ... Совершенно такъ же, какъ греки и римляне, обозначаютъ процентъ китайцы и калмыки».

Отсюда слѣдуетъ дальнѣйшій выводъ, чрезвычайно интересный и важный съ той теоретической точки зрѣнія, которая занимаетъ насъ въ настоящемъ контексѣ. «Скотъ есть прототипъ капитала. Въ видѣ своихъ дѣтенышей онъ приноситъ прибыль, которая въ первобытныхъ условіяхъ не можетъ быть выведена не изъ чего другого, какъ изъ самого капитала. Конечно, для сохраненія скота и для его умноженія необходимо пастбище, но оно въ ту эпоху, въ которую населеніе является чрезвычайно рѣдкимъ и земля еще не сдѣлалась предметомъ частной собствен-

ности, не играетъ роли въ издержкахъ содержанія скота. Не иначе обстоитъ дѣло съ факторомъ труда. Трудъ также необходимъ для сохраненія стадъ. Но эта затрата ничтожна. Къ тому же скотъ даетъ постоянно молоко и шерсть, которыя при низкомъ уровнѣ жизни достаточны для поддержанія наличнаго населенія. Пока пастушескій народъ живетъ, главнымъ образомъ, молокомъ, теленокъ является излишкомъ въ хозяйствѣ, излишкомъ, который можетъ разсматриваться, какъ чисто физическая выручка капитала, заключающагося въ скотѣ. Производительность капитала являлась, такимъ образомъ, первоначальной вещной производительностью, и проблема процента на капиталъ была навѣрное чѣмъ угодно, только не проблемой цѣнности».

«Именно то обстоятельство, что въ эпоху, въ которую еще не умѣли считать и въ которой представленія о цѣнности были такъ мало развиты, что мѣновыя цѣнности должны были опредѣляться сакральной санкціей или обычаемъ [10]), именно то обстоятельство, что въ эту эпоху люди могли такъ непосредственно-чувственно воспринимать производительность капитала, представляется лишь самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу того, что ссуда скотомъ была древнѣйшимъ процентнымъ займомъ. Не цѣнность коровы получалъ А отъ В въ ссуду съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года вернуть цѣнность коровы вмѣстѣ съ цѣнностью теленка; предметомъ займа была конкретная корова X и предметомъ, подлежавшимъ возврату, конкретная корова X съ конкретнымъ теленкомъ Y. Цѣнность коровы при этой сдѣлкѣ совершенно не принималась во вниманіе—въ чемъ можно было къ тому же выразить эту цѣнность въ такую эпоху, въ которую сама корова была мѣриломъ цѣнности? Объясненіе происхожденія процента ссудой скотомъ или требованіями возмѣщенія за похищенный скотъ потому представляется мнѣ столь правдоподобнымъ, что оно является психологически самымъ простѣйшимъ. Причина и слѣдствіе въ случаѣ ссуды скотомъ могутъ быть наблюдаемы вполнѣ явственно, и здѣсь, дѣйствительно, налицо то, чего требуетъ Аристотель: порожденіе подобно родителю. Насколько естественно отъ представленія о чисто вегетативномъ процессѣ прійти къ понятію о производительности капитала и

[10]) Тутъ Гайнишъ отдаетъ дань взгляду, опровергнутому нами въ части I въ главѣ „Цѣна указная и цѣна вольная“.

насколько трудно добыть это понятіе инымъ образомъ, явствуетъ изъ того, что въ литературѣ постоянно снова и снова обращаются къ скотоводству, когда желаютъ доказать производительность капитала. Такъ, даже трезвый пророкъ современной буржуазіи Бентамъ вынужденъ выводить производительность капитала изъ физической производительности животныхъ. Въ полемикѣ противъ извѣстнаго мѣста Аристотеля о непроизводительности денегъ, онъ указываетъ на то, что на деньги можно купить барана и овецъ, которые по истеченіи года принесутъ извѣстное число ягнятъ. Такимъ образомъ, для доказательства своего тезиса, онъ обращается къ скотоводству, физическую производительность котораго, конечно, никто не сталъ бы менѣе оспаривать, чѣмъ самъ Аристотель [11]).

Разъясненія Гайниша интересны для насъ тутъ не съ историко-генетической точки зрѣнія, а именно тѣмъ, что сквозь призму наивнаго, примитивнаго натуралистическаго воззрѣнія на капиталъ они показываютъ намъ реальное соотношеніе эмпирическихъ фактовъ, улавливаемое этимъ наивнымъ воззрѣніемъ. Конечно, совершенно напрасно Гайнишъ отрицаетъ въ примитивной проблемѣ процента на капиталъ элементы проблемы цѣнности. Проблема эта здѣсь на лицо. Во-первыхъ, экономическія условія, въ которыхъ развивается ссуда скотомъ, не настолько примитивны, чтобы въ экономическомъ сознаніи могло отсутствовать представленіе цѣны и цѣнности, а во-вторыхъ, по самому существу экономическаго явленія, разбираемаго Гайнишемъ, цѣнность тутъ прикрѣпляется къ продукту, и вещная производительность совпадаетъ съ производительностью цѣнностной. Въ разсужденіи Гайниша, которое не видитъ этой естественной прикрѣпленности цѣнности къ продукту въ данномъ комплексѣ явленій, не видитъ ея потому, что въ другомъ комплексѣ явленій цѣнность какъ бы открѣпляется отъ продукта, и вся проблема раздвояется,—въ этомъ разсужденіи обнаруживается насильственная монистическая тенденція, которая вообще такъ часто бываетъ присуща научному мышленію. Это — та презумпція единства объясненія, единства формулы, которая такъ властвуетъ надъ умами, хотя въ пользу ея нельзя привести ничего,

[11]) Ср. Michael Hainisch. Die Entstehung des Kapitalzinses. Leipzig u. Wien 1907. (Расширенное изданіе статьи въ Festgaben für Adolf Wagner. Leipzig. 1905). SS. 58—59, 71—72.

кромѣ нея самой, т. е., въ сущности, кромѣ метафизическаго предразсудка. Разсуждая позитивно и эмпирически, мы можемъ только сказать: есть случаи, когда цѣнностная производительность несомнѣнно обусловлена физической, или вещной производительностью, когда прибавочная цѣнность явственно прикрѣплена къ прибавочному продукту. И это не есть только историческое соотношеніе, характерное для какой-нибудь исторически опредѣленной стадіи хозяйственнаго развитія. Это есть соотношеніе, которое, въ области извѣстныхъ процессовъ производства, а именно въ тѣхъ процессахъ, которые связаны съ вегетативными процессами природы, можетъ быть наблюдаемо и наблюдается, дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ случаевъ.

6. Мы сказали, что прибавочный продуктъ не создается внѣ растительныхъ процессовъ. Что это значитъ?

Бёмъ-Баверкъ, какъ извѣстно, мѣтко различилъ два смысла, въ какихъ можно понимать производство, при помощи капитала, прибавочной цѣнности. «Это можетъ означать, что при помощи капитала производится количество цѣнностей большее, чѣмъ то, которое могло бы быть произведено безъ помощи капитала», и это «можетъ означать, что при помощи капитала производится количество цѣнностей бо́льшее, чѣмъ цѣнность самого капитала [12])».

Это различеніе Бёмъ-Баверка можетъ быть примѣнено не только къ прибавочной цѣнности, но и къ прибавочному продукту, причемъ мы, разбирая проблему съ болѣе общей точки зрѣнія, чѣмъ та, на которой стоитъ изслѣдователь, разсматривающій вопросъ о производительности капитала, можемъ вмѣсто капитала поставить вообще производительныя силы, находящіяся въ распоряженіи человѣка, не давая этимъ силамъ пока никакого ближайшаго опредѣленія. Точно такъ же, какъ Бёмъ-Баверкъ въ проблемѣ цѣнностной производительности, и мы въ проблемѣ производительности физической, или вещной будемъ подъ прибавочнымъ продуктомъ разумѣть только тотъ продуктъ, который обусловливается способностью производительныхъ силъ создавать свое собственное физическое приращеніе. Такой случай мы имѣемъ передъ собой въ примѣрѣ скота, дающаго приплодъ.

---

[12]) Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. Zweite Auflage. Innsbruck 1900, S. 131.

Такой же случай мы имѣемъ, въ сущности, и въ примѣрѣ садовника Паолетти, хотя этотъ случай конкретно не столь прозраченъ.

Формулируя такъ проблему прибавочнаго продукта, мы сразу видимъ, что прибавочнаго продукта внѣ использованія растительныхъ процессовъ дѣйствительно существовать не можетъ. Ибо прибавочный продуктъ въ этомъ случаѣ или въ этомъ смыслѣ можетъ существовать только при томъ условіи, которое формулировалъ еще Аристотель, а именно при условіи, чтобы порожденіе было подобно родителю, подобно въ натуралистическомъ смыслѣ.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ случаевъ вегетативнаго процесса, можетъ быть рѣчь не о созданіи прибавочнаго продукта, а только объ образованіи прибавочной цѣнности. Продуктъ тутъ потому прибавоченъ, что онъ оцѣнивается выше «издержекъ». Приращенія продукта тутъ никакого не бываетъ. Выраженіе прибавочный продуктъ тутъ prima facie лишено смысла. Извѣстно, что Марксъ часто употребляетъ выраженіе «прибавочный продуктъ». Это выраженіе въ его системѣ въ высшей степени нелогично и даже безсмысленно. Марксъ, вѣдь, строитъ трудовую теорію цѣнности, а не трудовую теорію производства—цѣнность же въ его системѣ только тогда и тѣмъ «прибавочна», что въ ней воплощенъ «прибавочный» трудъ. Прикрѣпляя прибавочную цѣнность къ прибавочному продукту, Марксъ въ сущности вводитъ въ свою трудовую теорію наивно-натуралистическій мотивъ, который съ нею не вяжется, но безъ котораго въ тоже время вся трудовая теорія виситъ въ воздухѣ какъ ультра-идеалистическая и въ тоже время расходящаяся съ элементарными психологическими фактами конструкція. А распространяя понятіе «прибавочнаго продукта» на всѣ процессы производства, Марксъ неправомѣрно, въ противорѣчіи съ эмпирической дѣйствительностью, расширяетъ сферу приложенія натуралистическаго мотива. Физіократы, говоря о produit net, были гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ Марксъ, говоря о Mehrprodukt'ѣ.

II.

1. Проблема прибыли есть проблема цѣнности. Опроверженіе разсужденій Туганъ-Барановскаго (стр. 15—19). 2. Не можетъ быть единаго и всеобъемлющаго понятія „производства". Споръ о производительности торговли и трактованіе ея теоріей трудовой цѣнности (стр. 19—24). 3. „Производство" и „пріобрѣтеніе". Разсужденія А. Фойгта, Эффертца и Ландри. Производительность и рентабельность (стр. 24—27). 4. Расхожденіе рентабельности и производительности есть расхожденіе интересовъ разныхъ хозяйствующихъ субъектовъ. Значеніе этого указанія (стр. 27—29). 5. Нѣсколько критическихъ замѣчаній о проблемѣ „максимума производительности" (стр. 29—32).

1. Выставленное нами положеніе, что «прибавочный продуктъ» создается только вегетативными процессами, означаетъ, что только въ случаѣ этихъ процессовъ имѣется налицо матеріальная, или натуральная сравнимость приращенія съ «производительными силами», его создавшими. Тамъ, гдѣ не имѣется такой сравнимости, неизбѣжно цѣнностное сравненіе «затратъ» и «выручки» (или «получки»).

М. И. Туганъ-Барановскій въ своемъ курсѣ [13]) пытался опровергнуть это положеніе, критикуя утвержденіе Бемъ-Баверка, что проблема прибыли есть проблема цѣнности, и пытаясь построить теорію прибыли, не прибѣгая къ понятіямъ цѣнности и цѣны.

Я не могу не остановиться здѣсь въ нѣкоторой мѣрѣ на аргументаціи Туганъ-Барановскаго, которая вплотную подходитъ къ занимающему насъ вопросу и рѣшаетъ его въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ мое построеніе.

«Вопреки утвержденію Бемъ-Баверка — говоритъ Туганъ-Барановскій — мотивированная теорія производительности совершенно удовлетворительно объясняетъ, почему цѣнность продукта превышаетъ цѣнность средствъ производства. Не будемъ говорить о первобытномъ хозяйствѣ, а предположимъ современное мѣновое капиталистическое хозяйство. Предположимъ, напримѣръ, что вводится какое-нибудь усовершенствованное орудіе производства—хотя бы бумагопрядильная машина. Въ результатѣ этого получается слѣдующее измѣненіе условій общественнаго хозяй-

[13]) Основы политической экономіи. Спб 1909 г. Стр. 638—660. См. второе изданіе. Спб. 1911, стр. 424—425.

ства. Съ одной стороны, увеличивается количество производимой пряжи—только для этого и вводится машина; но съ другой стороны, для того, чтобы машина имѣла примѣненіе къ производству, сама она должна воспроизводиться въ процессѣ общественнаго хозяйства—машина есть не только средство, но и продуктъ производства. Если мы обозначимъ количество пряжи до введенія машины, какъ A, то добавочное количество пряжи послѣ введенія машины можно будетъ обозначить какъ a; общая сумма пряжи послѣ введенія машины выразится, какъ $A+a$. Кромѣ этого, общественный продуктъ увеличится послѣ введенія машинъ этими самыми машинами, которыя должны воспроизводиться въ процессѣ общественнаго производства; обозначимъ эти машины буквой b. Такимъ образомъ, все увеличеніе общественнаго продукта послѣ введенія машинъ выразится, какъ a (добавочное количество пряжи) $+$ b (новыя орудія труда). Общественный продуктъ увеличился на $a+b$, а общественные расходы производства увеличились на b; благодаря введенію новыхъ средствъ производства при увеличеніи расходовъ производства на b продуктъ увеличился на $a+b$. Но сумма всегда болѣе одного изъ слагаемыхъ; слѣдовательно, и цѣнность увеличенія общественнаго продукта, вызваннаго введеніемъ новыхъ средствъ производства, не можетъ не превышать цѣнности этихъ средствъ производства.

«Такимъ образомъ, вопреки утвержденію Бемъ-Баверка—продолжаетъ Туганъ-Барановскій—мотивированная теорія производительности указываетъ, изъ какого источника можетъ быть оплачена прибыль капиталиста при введеніи улучшенныхъ пріемовъ и средствъ производства. Очевидно, что прядильная машина плюсъ добавочное количество пряжи (производимое при помощи этой машины) представляетъ собою по своей цѣнности нѣчто большее, чѣмъ сама эта машина — ибо добавочное количество пряжи во всякомъ случаѣ имѣетъ нѣкоторую цѣнность».

Подчеркнутыя нами мѣста показываютъ, что вопреки своему опроверженію Бемъ-Баверка, самъ Туганъ-Барановскій не можетъ отдѣлаться отъ представленія, что при тѣхъ предположеніяхъ, которыя онъ дѣлаетъ, созданіе «приращенія» есть проблема цѣнностная. И, конечно, воспроизведеніе машины, интересующее экономиста, не есть матеріальный, или натуральный

процессъ, а есть процессъ цѣнностный, процессъ образованія цѣнности. Тотъ фактъ, что большая цѣнность прикрѣпляется къ большему продукту въ приведенномъ примѣрѣ, отнюдь этого существа дѣла не мѣняетъ. Приращеніе a есть, конечно, матеріальное выраженіе увеличенія роста производительности производственнаго процесса. Но неравенство $A + b < A + a + b$, несмотря на свою математическую очевидность, построено въ экономическомъ разсужденіи Туганъ-Барановскаго на petitio principii: соотвѣтствующее слагаемое лѣвой стороны неравенства приравнивается соотвѣтствующему слагаемому правой стороны только въ процессѣ оцѣнки. Равенство $b = b$ не дано, оно реализуется въ цѣнностномъ процессѣ «воспроизведенія» машины. Здѣсь передъ нами довольно любопытный случай, когда самоочевидное на первый взглядъ, облеченное въ непререкаемую логическую форму «математическое» разсужденіе оказывается въ сущности элементарной логической ошибкой [11]).

И это—что весьма существенно—относится не только къ «народному хозяйству», но и къ хозяйству въ смыслѣ субъективнаго телеологическаго единства. Теорія Туганъ-Барановскаго такимъ образомъ невѣрна даже въ приложеніи къ «изолированному хозяйству». Ибо «все общественное хозяйство въ совокупности», которое разсматриваетъ Туганъ-Барановскій, есть «народное хозяйство», по методическимъ соображеніямъ, оцѣнку которыхъ я здѣсь оставляю въ сторонѣ, приравниваемое къ единичному хозяйству какъ субъективному телеологическому единству.

Въ сущности невозможность самаго понятія «прибавочнаго продукта», въ томъ смыслѣ, о которомъ мы говоримъ, вы-

[11]) Я воспользовался тутъ разсужденіями, вошедшими въ мою статью о первомъ изданіи курса Туганъ-Барановскаго („Русская Мысль", январь, 1910 г.). Во второмъ изданіи курса на мое возраженіе Туганъ-Барановскій отвѣчалъ разсужденіемъ, которое я рѣшительно отказываюсь понимать. Все его построеніе основано на мысли, что приращеніе продукта означаетъ всегда приращеніе цѣнности („добавочное количество пряжи во всякомъ случаѣ имѣетъ нѣкоторую цѣнность"), а въ своемъ возраженіи мнѣ онъ утверждаетъ, что „въ разбираемомъ примѣрѣ" „количество продукта остается . . . . изъ года въ годъ неизмѣннымъ". Но если количество продукта остается „неизмѣннымъ", то гдѣ же „увеличеніе количества продукта", о которомъ говоритъ самъ авторъ?! Тутъ явная логическая путаница, которая призвана прикрыть грубую логическую ошибку, сдѣланную авторомъ и лежащую въ основѣ всего его разсужденія.

текаетъ изъ того основного положенія, что не существуетъ a priori даннаго простого соотношенія пропорціональности между продуктомъ и цѣнностью. Бо́льшая масса продукта можетъ быть большей цѣнностью; но она можетъ быть и меньшей цѣнностью. И это, если стоять на точкѣ зрѣнія психологической теоріи цѣнности, вытекаетъ не изъ случайныхъ колебаній цѣны, а изъ заложеннаго въ самомъ понятіи предѣльной полезности имманентнаго соотношенія между количествомъ благъ и ихъ оцѣнного, или цѣнностью. Это та «парадоксія цѣнности», которую ученіе о предѣльной полезности, казалось бы, установило какъ непререкаемое пріобрѣтеніе экономической мысли.

Единственное убѣжище, въ которомъ можетъ укрыться разсужденіе Туганъ-Барановскаго, это—сведеніе всего «производства» къ затратѣ труда, трудовая теорія производства и цѣнности, согласно которой затраты труда образуютъ «сущность», «субстанцію» оцѣнокъ. Есть вообще два случая сравнимости и два способа сравненія различныхъ благъ: они могутъ быть сравнимы между собою и потому сравниваемы либо какъ «цѣны», либо какъ «сгустки» труда или какой-либо иной образующей цѣнность субстанціи. Теорія Туганъ-Барановскаго внѣ метафизической теоріи трудовой цѣнности, видящей за «цѣнами» нѣкую субстанцію цѣнности, не доказуема.

И на самомъ дѣлѣ теорія прибыли Туганъ-Барановскаго тѣснѣйшимъ образомъ связана съ его ученіемъ о трудовой стоимости, какъ стоимости абсолютной. Правда, Туганъ-Барановскій категорію стоимости не отождествляетъ съ категоріей цѣнности, а даже противополагаетъ одну другой. Дѣло, однако, вотъ въ чемъ. Подъ наименованіемъ абсолютной стоимости Туганъ-Барановскій вводитъ въ свое построеніе моментъ трудовой затраты, какъ абсолютную этическую категорію политической экономіи. Но поскольку политическая экономія остается политической экономіей, а не превращается въ этику, трудовыя затраты экономически сравнимы въ истинномъ смыслѣ этого слова только въ процессѣ оцѣнки, сравнимы лишь какъ цѣнности или, что̀ то же съ нашей строго эмпиристической точки зрѣнія, какъ цѣны. И допустивъ даже, что «прибавочный продуктъ», создаваемый при помощи капитала, не можетъ быть усмотрѣнъ въ качествѣ прибавочнаго иначе, какъ путемъ сведенія всего общественнаго «производства» къ общественнымъ трудовымъ затра-

тамъ, мы все-таки должны прійти къ выводу, что внѣ «теоріи цѣнности», какъ выражается Туганъ-Барановскій,—или внѣ процесса оцѣнки, сказали бы мы—самое понятіе «избытка общественнаго производства» не можетъ быть установлено.

Итакъ, сведеніе проблемы прибыли къ проблемѣ цѣнности во всякомъ случаѣ вѣрно, поскольку проблема прибыли есть проблема экономическая. Отрицая это, Туганъ-Барановскій полагаетъ, что «ошибочная критика Бемъ-Баверка вытекаетъ изъ того, что онъ разсматриваетъ проблему прибыли съ точки зрѣнія единичнаго хозяйства». Это указаніе Туганъ-Барановскаго поражаетъ своей странностью. Ибо—какъ уже нами выше указано—методъ разсмотрѣнія «всего общественнаго хозяйства въ совокупности» есть только разсмотрѣніе «системы хозяйствъ» какъ «хозяйства» (хозяйства такъ называемаго сингулярнаго, или единичнаго), т. е. какъ субъективнаго телеологическаго единства. А потому оно тоже означаетъ не что иное какъ отождествленіе такъ называемаго общественнаго хозяйства съ хозяйствомъ единичнымъ. Другими словами, «индивидуальное хозяйство» и «общественное хозяйство», поскольку хозяйство общественное мыслится, какъ нѣкоторое телеологическое единство, не суть вовсе разнородныя понятія. А въ томъ, что общественное хозяйство мыслится именно такъ, и состоитъ методъ разсмотрѣнія всего общественнаго хозяйства въ совокупности или методъ „схематическаго разсмотрѣнія цѣлаго общественнаго хозяйства“, который Туганъ-Барановскій возводитъ къ Кенэ, но который примѣнялся гораздо раньше и который, по моему глубокому убѣжденію, принесъ нашей наукѣ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы [15]).

2. Возражая противъ всеобъемлющаго понятія „прибавочнаго продукта“, которое выдвигаетъ Туганъ-Барановскій, я нисколько не отрицаю того, что умноженіе продукта есть матеріальная основа умноженія цѣнностей—фактически „парадоксія цѣнности“ обнаруживается рѣже, чѣмъ обратное соотношеніе. Но изъ признанія этой зависимости не вытекаетъ еще вовсе отождествленіе всѣхъ видовъ созданія хо-

[15]) Понятія „хозяйства“ и „системы хозяйствъ“ разъяснены выше въ первой части (отдѣлъ первый, глава первая).

зяйственныхъ благъ въ единомъ „натуралистическомъ" понятіи производства, создающаго „прибавочный продуктъ".

Этимъ наивнымъ матеріализмомъ, для котораго хозяйственный процессъ, обнимаемый словомъ „производство", всегда есть техническій процессъ приращенія или по крайней мѣрѣ превращенія вещныхъ благъ, порожденъ былъ и пресловутый споръ о производительности торговли. Когда каноническое право учило: Quicumque rem comparat non ut ipsam rem integram et immutatam vendat, sed ut materia sibi sit inde aliquid operandi, ille non est negotiator; qui autem comparat rem ut illam ipsam integram et immutatam dando lucretur ille est mercator qui de templo Dei ejicitur [16])—тутъ какъ и въ ученіи о непроизводительности денегъ у Аристотеля этическое построеніе имѣло извѣстный теоретическій смыслъ. И удивительно, какъ живучъ этотъ теоретическій смыслъ! Мы его встрѣчаемъ въ началѣ XIX вѣка у Іоганна Евсевія Лотца [17]) и, въ концѣ XIX вѣка, въ столь распространенномъ превосходномъ руководствѣ какъ „Grundriss der politischen Oekonomie" вѣнскаго профессора Филипповича [18]). Съ другой стороны, къ нему безсознательно или сознательно тяготѣетъ почти вся теорія соціализма.

Въ основѣ этого взгляда, по которому торговля отграничивается отъ производства, лежитъ мысль, что для приращенія цѣнности по существу необходимъ всегда какой-то матеріальный процессъ или матеріальный фактъ нѣкотораго приращенія вещныхъ благъ. Но именно въ торговлѣ такого приращенія вещныхъ благъ не происходитъ.

---

[16]) Это мѣсто въ Corpus juris canonici опирается на св. Іоанна Златоуста.

[17]) Ср. цитаты изъ Лотца у Franz Dochow. Untersuchung über die Stellung des Handels in der Volkswirtschaft Halle a. S. 1900. S. 3 u. ff. А также L. von Wiese въ цитированной ниже статьѣ въ сборникѣ въ честь Шмоллера.

[18]) Erster Band. Allgemeine Volkswirtschaftslehre въ 7-мъ изд. (Tübingen 1908) SS. 114 u. ff. Филипповичъ тутъ опирается на ниже цитируемаго А. Фойгта, а также на тоже замѣчательнаго, хотя иногда до юродивости страннаго, нѣмецкаго теоретика Эффертца, о которомъ рѣчь тоже ниже. Послѣдній же самъ указываетъ, что онъ продолжаетъ ходъ мыслей Родбертуса и Дюринга. Ср. дальше въ текстѣ.

Поэтому говорятъ, что торговля непроизводительна. Эти всѣ споры разрѣшаются удовлетворительно только при признаніи, что единаго и всеобъемлющаго экономическаго понятія „производства" нѣтъ и быть не можетъ и что правомѣрное употребленіе этого понятія не позволяетъ видѣть въ немъ высшаго понятія, подъ которое можно было бы подводить содержаніе хозяйственной дѣятельности. Слѣдуетъ прямо сказать, что „производство" въ разныхъ отрасляхъ техники есть съ конкретно-матеріальной точки зрѣнія совершенно различный процессъ [13]). „Производство" въ земледѣліи есть одно и совершенно не то, что въ промышленности, и „производство" въ горномъ дѣлѣ или, общѣе, въ экстрактивной промышленности опять-таки есть нѣчто отличное отъ „производства" и

[13]) Это хорошо понимали нѣкоторые старые экономисты, обращавшіе больше вниманія на отдѣльныя отрасли производства, чѣмъ на производство вообще. Напр. послѣдній или предпослѣдній нѣмецкій физіократъ Шмальцъ (Theodor Schmalz. Enzyclopädie d. Cameralwissenschaften. Leipzig. 1823, S. 13).

Безсодержательность съ экономической точки зрѣнія понятія производства вообще обнаруживается на знаменитыхъ разсужденіяхъ о производствѣ Джона Стюарта Милля, которыя суть отголосокъ реакціи противъ физіократизма и которыя въ гораздо болѣе блестящей формѣ до Милля изложилъ Destutt de Tracy (Traité d'économie politique Paris 1823, pp. 80—99). Это натуралистическое понятіе производства для политической экономіи не даетъ ничего. Особенно яркій примѣръ представляетъ одно новѣйшее опредѣленіе производства въ этомъ стилѣ:

„Производство есть измѣненіе въ обѣихъ формахъ проявленія дѣйствительности, т. е. въ матеріи (Stoff) и въ силѣ (Kraft); т. е. переходъ матеріи и силы изъ одного состояніе въ другое состояніе, или явленіе движенія (Bewegungsvorgang), съ наступленіемъ котораго связываются новыя дѣйствія, и притомъ дѣйствія благопріятнаго или полезнаго для субъекта хозяйства свойства" (A. Nordenholz. Allgemeine Theorie der gesellschaftlichen Produktion. München 1902, S. 8).

Такъ какъ „хозяйственная" дѣятельность всегда имѣетъ дѣло съ „вещами" или „услугами", то ясно, что во всякомъ хозяйственномъ актѣ, взятомъ съ его естественной стороны, конечно должны участвовать и матерія и сила. Однако подъ опредѣленіе производства, даваемое Норденгольцемъ, подойдутъ не только такія дѣйствія, какъ прогулка или игра, но даже чисто физіологическія функціи, напр. дыханіе. И это совершенно понятно, ибо прогулка, игра и дыханіе въ натуралистическомъ (физіологическомъ) смыслѣ ничѣмъ не отличаются отъ какой-либо хозяйственной дѣятельности.

въ земледѣліи, и въ промышленности (обрабатывающей или, вѣрнѣе, перерабатывающей). Единое экономическое понятіе „производства"—фантомъ, за которымъ напрасно гонялась и гонятся экономическая наука.

Вся экономическая дѣятельность всякаго хозяйствующаго субъекта стремится получить большее за меньшее, стремится къ реализаціи положительныхъ цѣнностныхъ разностей.

Въ области безобмѣннаго (натуральнаго) хозяйства этотъ процессъ можетъ протекать исключительно въ формѣ субъективныхъ оцѣнокъ [20]). Въ области хозяйства, основаннаго на оборотѣ или на обмѣнѣ, онъ объективируется въ процессъ образованія цѣнъ.

Торговля въ этомъ отношеніи ни чѣмъ не отличается отъ разныхъ видовъ „производства" и конечно такъ же „производительна", какъ всѣ тѣ дѣятельности, которыя обозначаются обычно подъ наименованіемъ „производства".

Въ какой мѣрѣ въ теоріи трудовой цѣнности проблема образованія цѣнности рѣшается въ духѣ наивнаго натурализма или матеріализма, своеобразно сочетающагося съ соціологическимъ универсализмомъ, показываетъ именно трактованіе торговли въ этой теоріи.

Хотя теорія трудовой цѣнности утверждаетъ, что трудъ и только онъ образуетъ цѣнность, но труду, затрачиваемому въ торговлѣ въ точномъ смыслѣ [21a]), эта теорія удѣляетъ совершенно особое мѣсто. Этотъ трудъ не образуетъ, по Марксу, никакой цѣнности, такъ какъ онъ не создаетъ никакого новаго добавочнаго продукта. Вотъ подлинныя слова Маркса:

„Метаморфозы Т—Д и Д—Т суть стычки, происходящія между покупателемъ и продавцомъ; они нуждаются во времени для того, чтобы столковаться, тѣмъ болѣе, что тутъ происходитъ борьба, въ которой одна сторона стремится объегорить другую...... Измѣненіе состоянія (товаровъ) стоитъ времени и рабочей силы, но это нужно не для того, чтобы создать цѣнность, а для того, чтобы произвести превращеніе

---

[20]) Ср., впрочемъ, сказанное нами о сущности денегъ.

[21a]) Транспортъ не есть торговля по Марксу. Ср. Das Kapital. Zweiter Band. Zweite Auflage (1893), S. 120.

цѣнности изъ одной формы въ другую, причемъ взаимная попытка при этой оккaзіи присвоить себѣ избыточное количество цѣнности, ничуть не мѣняетъ дѣла. Эта работа, увеличенная обнаруживаемыми съ обѣихъ сторонъ злостными намѣреніями, такъ же не создаетъ цѣнности, какъ та работа, которая происходитъ при судебномъ процессѣ, не умножаетъ величины цѣнности объекта тяжбы. Съ этой работой — которая является необходимымъ моментомъ капиталистическаго производственнаго процесса въ его цѣлости, въ каковой онъ объемлетъ собой циркуляцію или же объемлется ею—дѣло обстоитъ такъ, какъ съ работой сгоранія какого-нибудь вещества, которое употребляется для производства теплоты" [21b]).

Это мѣсто изъ второго тома „Капитала" принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ ярко обнаруживается весь метафизическій характеръ трудовой теоріи цѣнности. Въ этомъ разсужденіи реальный трудъ, затрачиваемый въ процессѣ торговли, не идетъ въ счетъ при образованіи цѣнности, потому что онъ не „производитъ" никакихъ продуктовъ.

Тутъ ясно выступаетъ то матеріалистическое воззрѣніе на цѣнность, согласно которому она всегда „производится" и всегда воплощается въ какомъ-нибудь „продуктѣ", или вещномъ благѣ. Рядомъ съ этимъ матеріалистическимъ мотивомъ въ разбираемомъ разсужденіи идетъ у Маркса мотивъ универсалистическій. Перемѣщеніе продуктовъ, которое является необходимымъ во всякомъ обществѣ и потому останется и въ такомъ обществѣ, которое само будетъ организовано по типу хозяйства въ смыслѣ субъективнаго телеологическаго единства, т. е. въ обществѣ соціалистическомъ, такое перемѣщеніе участвуетъ, по Марксу въ созданіи цѣнности. Наоборотъ, процессъ товарнаго обращенія, который предполагаетъ, что общество по своей экономической организаціи является „системой хозяйствъ", по Марксу не участвуетъ въ созданіи цѣнности. Совершенно очевидно, что тутъ та или иная экономическая дѣятельность признается создающей цѣнность, поскольку эта дѣятельность соотвѣтствуетъ извѣстному типу хозяйственной организаціи, поскольку она въ ней необходима. Въ этомъ безсознательномъ разсматриваніи хозяйственнаго процесса подъ

[21b]) Das Kapital. Zweiter Band, Zweite Auflage. SS. 100—101.

соціалистическимъ угломъ зрѣнія ярко сказывается универсализмъ Маркса и въ данномъ случаѣ его теоретическія представленія о сущемъ стоятъ въ очевидной зависимости отъ конструкціи идеальнаго хозяйственнаго строя.

3. Любопытно, что писатели, очень далекіе и отъ наивнаго матеріализма, и отъ универсализма въ политической экономіи, всетаки не могутъ отдѣлаться отъ гипноза, который оказываетъ на экономическое мышленіе категорія „производства". Это мы видимъ на одномъ изъ самыхъ выдающихся, хотя и мало извѣстныхъ, новѣйшихъ теоретиковъ политической экономіи въ Германіи, А. Фойгтѣ [22a]). Онъ въ цѣломъ рядѣ работъ [22b]) проводитъ различені смежду «производствомъ» (Produktion) и «пріобрѣтеніемъ» («Erwerb») «Въ изолированномъ хозяйствѣ производство и пріобрѣтеніе, а потому средства производства и пріобрѣтенія суть одно и то же». Очевидно, что въ основѣ этого различенія между «производствомъ» и «пріобрѣтеніемъ» лежитъ единое для «изолированнаго хозяйства» натуралистическое понятіе производства. Но разсужденіе, противопоставляющее «производство» «пріобрѣтенію», не видитъ, что, съ экономической точки зрѣнія, «пріобрѣтеніе» — если его понимать въ смыслѣ реализаціи положительныхъ цѣнностныхъ разностей— есть основное верховное понятіе. «Производство» (Produktion) экономически существенно постольку, поскольку оно учитывается какъ «пріобрѣтеніе» (Erwerb). Это одинаково примѣнимо и къ «системѣ хозяйствъ» (мѣновому хозяйству) и къ «хозяйству» въ смыслѣ субъективнаго телеологическаго единства. Всякое экономически раціональное производство есть пріобрѣтеніе. Но это положеніе не обратимо, иными словами, не всякое пріобрѣтеніе есть производство въ общепринятомъ смыслѣ. Поэтому, когда Фойгтъ требуетъ «пониманія различія существа процесса производства и процесса пріобрѣтенія», онъ вѣрную мысль формулируетъ неправильно. Экономическій процессъ есть всегда процессъ пріобрѣтенія. Производство, какъ матеріальный процессъ, суще-

[22a]) Andreas Voigt, профессоръ коммерческой и соціальной академіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, которая теперь вошла въ составъ новаго франкфуртскаго университета.

[22b]) Ср. въ особенности его статьи „Der ökonomische Wert der Güter" въ „Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft" за 1892 г. и „Produktion und Erwerb" (тамъ же за 1893 г.).

ственно для этого экономическаго процесса, но оно не достаточно для него и не совпадаетъ съ нимъ. Любопытно, что натуралистическій отпечатокъ, лежащій на понятіи «производства», придаетъ ему даже въ глазахъ Фойгта нормативный характеръ, характеръ критерія для моральной оцѣнки хозяйственнаго процесса. По мнѣнію Фойгта, вопроса объ оправданіи хозяйственнаго процесса даже не возникаетъ тамъ, гдѣ производство и пріобрѣтеніе едино суть. Этотъ вопросъ встаетъ лишь тамъ, гдѣ эти стороны хозяйственнаго процесса дифференцировались, раздвоились. Эта точка зрѣнія интересна опять-таки тѣмъ, что тутъ къ разрѣшенію практическихъ вопросовъ оцѣнки экономическихъ и соціальныхъ отношеній между людьми привлекаются объективныя категоріи, что въ основу этическаго сужденія о должномъ кладется теоретическое сужденіе о сущемъ. Для того смѣшенія этики и политической экономіи, какое характеризуетъ до сихъ поръ экономическую науку, это соотношеніе едва ли не болѣе характерно, чѣмъ прямое подчиненіе теоретической точки зрѣнія этической. Когда канонисты учили, что торговля непроизводительна, они не только морализировали, они высказывали теоретическое сужденіе, точно такъ же какъ теоретическое сужденіе высказывалъ въ приведенной выше цитатѣ Марксъ и высказываютъ тѣ современные экономисты, которые производству, создающему реальныя блага, противопоставляютъ какъ нѣчто, по существу отъ него отличное, непроизводительную спекуляцію.

Разсужденіе Фойгта представляетъ лишь критическое видоизмѣненіе идей, которыя восходятъ къ Сисмонди, Родбертусу, Прудону и Дюрингу [23]). Всего ярче въ новѣйшей литературѣ

[23]) Дюрингъ приписываетъ себѣ пріоритетъ въ этомъ отношеніи, хотя тутъ онъ всецѣло идетъ по стопамъ Сисмонди и Родбертуса. У послѣдняго Дюрингъ заимствуетъ по существу и ту связь, въ которую эти понятія ставятся съ категоріями „производства" и „распредѣленія", какъ извѣстно служащими исходной точкой всей системы Дюринга. „Dieselbe Doppelheit von Produktion und Verteilung, die wir nun schon bei zwei Fundamentalbegriffen, dem Reichtum und dem Wert, zu berücksichtigen hatten, findet zuletzt noch eine Art von abschliessendem Ausdruck in dem Gegensatz von Produktivität und Rentabilität. Während die Nationalökonomen sehr viel über den Sinn der Produktivität und die Beilegung dieser Eigenschaft gestritten haben, ist ihnen Wert und Bedeutung der allgemeinen volkswirtschaftlichen Rentabiltät, bis zu der in diesem Cursus

это разсужденіе было развито Эффертцемъ [24]) и его француз-

erfolgten Hinweisung darauf, immer fremd geblieben (E. Dühring. Cursus der National- und Socialökonomie. Dritte Auflage. Leipzig 1892, S. 31). И дальше на стр. 34: Mit dem Produciren ist nämlich immer die wirklich fördernde Funktion selbst gemeint; diese ist aber für das Getriebe der Rentabilität nicht der Zweck, sondern nur das, was unter den Mitteln als Zubehör gewöhnlich unumgänglich bleibt. Ausserdem hat man sich zu hüten, durch den Ausdruck Produziren das aneignende Element, welches in der Rentabilität liegt, unsichtbar werden zu lassen. Der ganze Gegensatz hat ja darin seinen Grund, dass Schaffen und Aneignen zwei verschiedene Verrichtungen sind, und dass die Verwertung nicht auf vollständigen productiven Gegenleistungen beruht, ausser etwa, wenn sie in einem bis jetzt nirgend vorhandenen Ideal betrachtet wird.

[24]) Otto Effertz. Arbeit und Boden. Kritik der theoretischen politischen Oekonomik. Berlin. 1889. Die wirtschaftlichen Erwerbshandlungen der einzelnen Menschen zerfallen technisch in zwei grosse Kategorien:

1) Geschäfte zwischen Mensch und Natur.

2) Geschäfte zwischen Mensch und Mensch. Der Erwerb zwischen Mensch und Natur bildet die „Produktion", der Erwerb zwischen Mensch und Mensch bildet den „Verkehr". Rodbertus unterscheidet in diesem Sinne zwischen „produziren" und „rentieren", Produktionsmittel und rentierenden Eigentum, Dühring zwischen Produktivität und Rentabilität. Merkwürdig verhält sich die offizielle Literatur gegen diese Unterscheidung immer noch ablehnend: doch zweifle ich in Anbetracht der Klarheit der Sache nicht, dass ich es noch erleben werde, dass man diese Unterscheidung in jedem Compendium wird lesen und in jedem systematischen Colleg wird hören können (l. c. 138—139).

Предсказаніе Эффертца сбылось, что всего лучше можетъ показать справка съ цитированными выше §§ руководства Филипповича, гдѣ требуемое Эффертцомъ различіе проведено весьма строго и систематически, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Фойгта, которому работа Эффертца была, повидимому, неизвѣстна. Любопытно и характерно, что Leopold von Wiese, авторъ статьи „Die Lehre von der Produktion und von der Produktivität" въ сборникѣ въ честь Шмоллера (Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im neunzehnten jahrhundert, Lepzig 1908, Erste Teil, подъ № III) ничего не говоритъ въ своемъ обзорѣ ни о Дюрингѣ, ни объ Эффертцѣ. Фигуры Родбертуса и Маркса вообще до сихъ поръ заслоняютъ другихъ нѣмецкихъ соціалистовъ, въ ряду которыхъ несомнѣнно и Дюрингъ и Эффертцъ заслуживаютъ вниманія и изученія какъ своеобразные экономисты-мыслители. Книга Эффертца вышла въ 1890—1891 гг. вторымъ расширеннымъ изданіемъ (въ 3 частяхъ) съ новымъ подзаголовкомъ: Grundlinien einer Ponophysiokratie. Ср. отзывъ Лексиса объ этомъ изданіи въ Schmollers Jahrbuch XV Jahrgans (1891), SS. 1303—1310. Въ 1906 г. вышла посвященная Ландри и снабженная предисло-

скимъ продолжателемъ Ландри [25]).

Во всемъ этомъ ходѣ мыслей, съ нашей точки зрѣнія, интересно и замѣчательно сплетеніе воедино мотива натуралистическаго (матеріалистическаго) и универсалистическаго (соціалистическаго). Понятію производства (Produktion) соотвѣтствуетъ народнохозяйственная категорія производительности (Produktivität); понятію пріобрѣтенія, или прибытка (Erwerb) — частнохозяйственная категорія рентабельности (Rentabilität) [26]).

Эффертцъ и Ландри настаиваютъ на расхожденіи производительности и рентабельности, на томъ, что первый именуетъ «антагонизмами между рентабельностью и производительностью» [27]).

4. Достаточно однако самаго небольшого размышленія, чтобы видѣть, что этому расхожденію не соотвѣтствуетъ различное отношеніе къ міру «благъ» одного и того же хозяйствующаго субъекта, но что оно объемлетъ собой отношеніе къ этому міру различныхъ субъектовъ.

Расхожденіе рентабельности, или прибыточности и производительности есть расхожденіе (всегда возможное, хотя и вовсе не необходимое; есть ли налицо такое расхожденіе, это—quaestio facti) интересовъ разныхъ хозяйствующихъ субъектовъ.

віемъ Андлера французская переработка книги Эффертца подъ заглавіемъ: Les antagonismes économiques. Paris, 1906.

25) Adolphe Landry. L'utilité sociale de la propriété individuelle (Paris 1901). Въ предисловіи авторъ говоритъ: On a dessein d'étudier dans ce livre les déperditions de richesse qui résultent necessairement pour la société du régime présent de la propriéte, en d'autres termes de montrer par ou et dans quelle mesure ce régime est contraire a l'intérêt général. Заглавіе книги и основная ея задача, указанная въ предисловіи, чрезвычайно характерны. Это—оправданіе соціализма при помощи политико-экономической дедукціи. Въ трудѣ Ландри есть много интереснаго и поучительнаго (въ особенности поскольку онъ идетъ по слѣдамъ Курно, изслѣдуя „прибыточныя ограниченія производства"), но самая постановка темы въ основѣ своей ненаучна. Сочувственное изложеніе книги Ландри далъ Ф. Тенніесъ въ Schmollers Jahrbuch 1903 („Volkswirtschaft und Privatwirtschaft" S. 1425 u. ff.).

26) Das Problem jedes rationellen Privatwirtes lautet: Rentabilität, Vergrösserung der Rentabilität. Das Problem des rationellen Volkswirtes lautet: Produktivität, Vergrösserung der Produktivität. (Effertz, l. c. 62 u. passim).

27) L. c. S. 254 u. ff.

И потому все это различеніе сводится къ тривіальной истинѣ, что «частные интересы не всегда согласуются съ интересомъ общественнымъ» [28]). Но частные интересы не всегда согласуются и между собой. Т. е., иначе и логически-точно выражаясь, расхожденіе рентабельности и производительности аналитически вытекаетъ изъ множественности хозяйствующихъ субъектовъ. Такая множественность всегда налицо, разъ мыслится не одинъ, а два (или болѣе) хозяйствующихъ субъекта, а, стало быть, и тогда, когда «общество» мыслится какъ хозяйствующій субъектъ, противопоставляющійся «индивидамъ». Конкретно идея такого расхожденія и самое построеніе этихъ двухъ категорій были навѣяны наблюденіемъ, еще относящимся къ классической древности, что интересъ производителя или, общѣе, держателя какого-нибудь блага можетъ диктовать ему ограниченіе производства или вообще уменьшеніе количества (или предложенія) этого блага, невыгодное для другихъ или для «общества». Но тѣ писатели, которые настаиваютъ на расхожденіи «рентабельности» и «производительности», сами вѣрно указываютъ, что это лишь одинъ изъ случаевъ расхожденія и что возможны случаи, когда частнохозяйственный интересъ диктуетъ увеличеніе производства, а народнохозяйственный или общественный, наоборотъ, требуетъ его ограниченія [29]). Изъ понятія «общества» вовсе не вытекаетъ, чтобы оно всегда, въ каждомъ данномъ случаѣ было заинтересовано въ наибольшемъ «производствѣ», или наивысшей «производительности». Если для «общества», какъ хозяйствующаго субъекта, «производство» (Produktion) и «пріобрѣтеніе» (Erwerb), «рентабельность» и «производительность» совпадаютъ, то это происходитъ потому, что они не могутъ не совпадать для каждаго хозяйствующаго субъекта внутри его хозяйства. Эти категоріи внутри хозяйства просто неразличимы. Но, при всей неразличимости «пріобрѣтенія» и «производства» внутри замкнутаго или изолированнаго хозяйства, верховнымъ экономическимъ понятіемъ является именно «пріобрѣтеніе», предполагающее процессъ оцѣнки и понятіе цѣнности. То, что мы называемъ про-

[28]) Landry l. c. p. IX.

[29]) Ср. въ особенности Landry l. c. Première partie. Chapitre III: Des surproductions rentables, гдѣ, между прочимъ, дается интересный анализъ, съ точки зрѣнія автора, такихъ явленій, какъ реклама и спекуляція.

изводствомъ, есть лишь особая форма или метода «пріобрѣтенія», или реализаціи положительныхъ цѣнностныхъ разностей.

Указаніе на то, что расхожденіе «производительности» и «рентабельности» аналитически вытекаетъ изъ противопоставленія одного хозяйствующаго субъекта — «частнаго хозяйства» — другому—«общественному хозяйству», отнюдь не есть только логическая тонкость. Въ этомъ указаніи заключается отрицаніе возможности какой-нибудь теоретической дедукціи экономическаго и даже соціальнаго превосходства соціалистическаго хозяйства надъ свободнымъ мѣновымъ хозяйствомъ. Ибо проблема наибольшей производительности для «общества», какъ хозяйствующаго субъекта, вовсе не совпадаетъ съ проблемой наилучшаго и наиболѣе справедливаго удовлетворенія отдѣльныхъ его членовъ.

Въ обществѣ, экономическая жизнь котораго была бы организована по типу хозяйства, т. е. въ обществѣ соціалистическомъ, было бы возможно самое различное удовлетвореніе отдѣльныхъ лицъ. Въ абстрактномъ анализѣ замѣна частнохозяйственнаго субъекта (или субъектовъ) субъектомъ народнохозяйственнымъ имѣетъ чисто абстрактное значеніе. Это значитъ: изъ соціалистической формы хозяйства, какъ таковаго, никакихъ выводовъ ни для экономической, ни для соціальной характеристики общества не вытекаетъ. Этого не видятъ ни Эффертцъ, ни Ландри.

5. Въ задачу моей работы не входитъ детальная критика построеній обоихъ этихъ авторовъ. Она бы завела меня слишкомъ далеко и была бы въ то же время безполезной. Поэтому я сдѣлаю лишь нѣсколько замѣчаній, достаточныхъ для того, чтобы устранить изъ поля нашихъ разсужденій самую проблему «максимума производительности», которая такъ сильно занимаетъ Ландри [39]). Прежде всего вопросъ, конечно, можетъ ставиться и ставится не о максимумѣ производительности, а о максимумѣ удовлетворенія, ибо передъ нами проблема не техническая, а экономическая, или цѣнностная.

Проблема же максимума удовлетворенія—для какого бы то ни было хозяйственнаго строя!—допускаетъ лишь формально-математическое рѣшеніе, лишенное всякаго конкретнаго соціологическаго

---

[39]) Cp. l. c. Section II. Le problème de la productivité maxima, pp. 252—305.

содержанія и соціальнаго значенія [31]). Максимумъ удовлетворенія есть состояніе равновѣсія, въ которомъ отсутствуютъ тенденціи къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ [32]). Это вѣрно по отношенію къ системѣ свободной конкуренціи, и это также вѣрно по отношенію къ «соціалистическому обществу».

Но между «системой свободной конкуренціи» и «соціалистическимъ обществомъ» существуетъ то различіе, что по отношенію къ первой постановка проблемы максимума удовлетворенія имѣетъ все-таки извѣстный абстрактно-теоретическій и соціологическій смыслъ, ибо состояніе равновѣсія цѣнъ, которое и есть максимумъ удовлетворенія, въ системѣ свободной конкуренціи мыслится какъ результатъ свободныхъ рѣшеній и автономныхъ дѣйствій хозяйствующихъ субъектовъ. Пусть отсутствіе максимума удовлетворенія имѣетъ тутъ чисто формальный смыслъ и потому не уполномочиваетъ ни на какіе апологетическіе выводы [33]), но общій

---

[31]) Это превосходно выяснено у Шумпетера (Joseph Schumpeter. Das Wesen u. der Hauptinhalt d. theoretischen Nationalökonomie. Leipzig 1908. CS. 196—212). Ср. также A. Voigt. Zahl u. Mass in der Oekonomik. Eine kritische Untersuchung der mathematischen Methode u. der mathematischen Preistheorie въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft за 1893 г. SS. 577—607 и Cassel. Grundriss einer elementaren Preislehre въ томъ же журналѣ за 1899 г., SS. 420—433.

[32]) Der exakte Inhalt des Maximumtheorems, der Kern alles dessen, was über dieses vielumstrittene Problem jemals gesagt wurde, ist also nichts anderes, als dieser Satz: Im Gleichgewichtszustande liegt keine Tendenz zu weiteren Veränderungen vor (Schumpeter l. c. 199, курсивъ Шумпетера).

[33]) Къ такимъ апологетическимъ выводамъ несомнѣнно склонялись Leon Walras († 1910 г.) и его ученикъ Vilfredo Pareto (ср. о немъ ниже). Вальраса въ этомъ отношеніи пытался „опровергнуть" Launhardt. Mathematische Begründung d. Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1885, S. 31 и ff. Противъ Лаунгардта Auspitz u. Lieben. Untersuchungen, über die Theorie des Preises. Leipzig 1889, S. XXV—XXVI. Ср. Knut Wicksell. Ueber Wert, Kapital u. Rente nach den neueren nationalökonomischen Theorien. Jena 1893, SS. 49—50. Ср. В. К. Дмитріевъ. Экономическіе очерки. Москва, 1904 г., гдѣ въ главѣ IV второго очерка резюмируется „значеніе неограниченной свободной конкуренціи съ точки зрѣнія народнаго хозяйства въ его цѣломъ" и приводятся соображенія, на мой взглядъ весьма цѣнныя для теоріи конкуренціи и, въ частности, для экономической теоріи синдикатовъ.

максимумъ удовлетворенія тутъ есть теоретически устанавливаемый результатъ дѣйствія разныхъ силъ, изъ которыхъ каждая дѣйствительно стремится осуществить свой максимумъ удовлетворенія. Въ соціалистическомъ обществѣ самой проблемы въ этомъ видѣ существовать не можетъ, ибо въ немъ ex hypothesi взаимодѣйствіе автономныхъ хозяйствующихъ субъектовъ отсутствуетъ и не максимумъ удовлетворенія опредѣляется изъ хозяйственнаго процесса, а хозяйственный процессъ или планъ построяется въ зависимости отъ заранѣе установленнаго идеала, или максимума удовлетворенія. Совершенно поэтому ясно, что «система свободной конкуренціи» и «соціалистическое общество» не могутъ быть

Соціологическую безсодержательность теоріи максимума подчеркиваетъ Шумпетеръ: „Теорія максимума можно смѣло вѣрить, поскольку она явно справедлива и не говоритъ ничего особенно интереснаго, но ей нельзя довѣрять, поскольку она утверждаетъ нѣчто большее" (l. c. 210). Соціальнаго смысла ей нельзя придавать. Тоже самое утверждаетъ А. Фойгтъ (l. c. 605—606), который указываетъ, что „вовсе не необходимо, чтобы получаемыя кѣмъ-либо блага находились въ какомъ-либо отношеніи къ отдаваемымъ имъ благамъ. Всѣ могли бы собрать свои блага въ одну массу и затѣмъ снова распредѣлить ихъ такъ, что сумма выгодъ всѣхъ составила бы математическій максимумъ. Ничто не мѣшаетъ аналитической обработкѣ этой проблемы" (далѣе слѣдуетъ у Фойгта математическая формула). „Такимъ образомъ — заключаетъ Фойгтъ — съ такой же очевидностью можно математически доказать, что дѣленіе по разумнымъ потребностямъ (опредѣляемымъ, замѣтимъ отъ себя, какимъ-нибудь общественнымъ авторитетомъ или властью. *П. С.*) дастъ максимумъ выгоды для общества (für die Gesamtheit), съ какой обычно доказывается, что обмѣнъ при свободной конкуренціи всякому участнику приноситъ наивысшую возможную выгоду". Слѣдуетъ отмѣтить, что американскіе экономисты, напр. Кларкъ, фанатически вѣрятъ въ теорему о максимумѣ производительности (= удовлетворенія) при свободной конкурренціи. Для нихъ эта теорема не есть отвлеченное положеніе о „состояніи равновѣсія", а глубокая соціальная истина. Но, конечно, эта истина, даже если признавать ее въ томъ объемѣ и смыслѣ, который ей даетъ Кларкъ напр. въ своихъ „Essentials of economic theory as applied to modern problems of industry a. public policy" (New-York 1907), есть истина чисто психологическая и ее нельзя ни принимать a priori, ни дедуктивно доказывать. Еще менѣе, конечно, можно дедуктивно доказать превосходство соціалистическаго строя надъ системой свободной конкурренціи, къ чему стремится Ландри. И это вѣрно не только по отношенію ко всей соціологической полнотѣ вопроса, но и по отношенію къ той чисто экономической сторонѣ проблемы, которой занимается Ландри.

вовсе правомѣрно сравниваемы съ точки зрѣнія «максимума удовлетворенія» [34a]).

Проблема «максимума удовлетворенія», какъ она ставится по отношенію къ «системѣ свободной конкуренціи», могла бы быть поставлена въ отношеніи къ соціалистическому обществу или вообще ко всякому хозяйству, понимаемому въ смыслѣ субъективнаго телеологическаго единства, лишь въ томъ случаѣ, если бы мы условились такое «хозяйство» разсматривать по аналогіи съ «системой хозяйствъ», т. е. итти методологическимъ путемъ, обратнымъ тому, который, подъ наименованіемъ метода Кенэ, такъ усиленно рекомендуетъ Туганъ-Барановскій.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненіе фикціи обмѣна къ безобмѣнному хозяйству можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, плодотворнымъ, но проблема «максимума удовлетворенія» сама по себѣ имѣетъ настолько абстрактное и формальное значеніе, что постановка этой проблемы по отношенію къ «хозяйству», методологически приравниваемому къ «системѣ хозяйствъ», есть не болѣе не менѣе какъ игра ума, безплодная въ научномъ отношеніи.

III.

1. Понятіе блага. Экономически благо означаетъ полезность или услугу: всякій продуктъ (всякая вещь) до конца разлагается на услуги (стр. 32—35). 2. Иллюстрація отраженія теоретической неясности въ статистической практикѣ (стр. 36—39). 3. Противопоставленіе „вещей" и „услугъ" съ точки зрѣнія экономической весьма условно. Человѣкъ не есть вещь только въ силу особаго, обусловленнаго морально-общественными со-

---

[34a]) Парето, который вслѣдъ за Вальрасомъ полагаетъ, что идеальная система свободной конкурренціи обезпечиваетъ „maximum d'ophélimité", доказываетъ, что „соціалистическое общество" въ этомъ отношеніи должно приводить къ тѣмъ же результатамъ, что и система конкурренціи (Vilfredo Pareto, Cours d'économie politique. Tome Second. Lausanne — Paris 1897; p. 90 et 199). По самой проблемы такъ, какъ она ставится въ системѣ свободной конкурренціи, въ соціалистическомъ обществѣ существовать не можетъ, и все доказательство логически основывается на petitio principii. Трактованіе проблемы „максимума" у Парето имѣетъ нѣкоторыя особенности, вдаваться въ которыя здѣсь не имѣетъ смысла. О „Курсѣ" Парето см. превосходную критическую статью В. О. Борткевича „Die Grenznutzentheorie als Grundlage einer ultra-liberalen Wirtschaftspolitik" въ Schmollers Jahrbuch. XXII Jahrgang (1898). Viertes Heft.

образеніями, положенія человѣческой личности въ правѣ. Экономически человѣкъ есть такой же „источникъ" услугъ, какъ и любое животное. „Источники благъ" такъ же разлагаются на „блага" какъ „вещи" разлагаются на „услуги" (стр. 39—40). 4. Связь между натуралистическимъ и универсалистическимъ мотивомъ, создаваемая категоріей производства (стр. 40—42).

1. Критическій разборъ понятія «производства» подвелъ насъ къ еще болѣе общему понятію политической экономіи, на судьбахъ котораго гипнозъ, исходящій отъ «производства» и «производительности», выступаетъ совершенно ясно. Я имѣю въ виду понятіе «блага».

А. Н. Миклашевскій въ своей книгѣ: «Обмѣнъ и экономическая политика» говоритъ, между прочимъ:

„Доходъ есть постоянно притекающій потокъ новыхъ благъ; чѣмъ короче періодъ этого потока, тѣмъ болѣе продуктовъ получаетъ за этотъ промежутокъ времени капиталъ, тѣмъ онъ производительнѣе... Прежде чѣмъ существуетъ цѣнность, долженъ существовать ея матеріальный представитель, а таковымъ можетъ быть только продуктъ. Дѣйствіе матеріальныхъ производительныхъ силъ можетъ выразиться прежде всего только въ продуктѣ и потому производительнымъ трудомъ въ указанномъ выше метафорическомъ смыслѣ [34b]) можетъ называться только такой, который создаетъ не цѣнность, а прежде всего продуктъ. Мы можемъ сдѣлать понятными для себя явленія хозяйственной жизни не черезъ посредство цѣнности, а только черезъ ясное представленіе, что дѣйствіе матеріальныхъ производительныхъ силъ всегда выражается въ нѣкоторой массѣ продукта, который затѣмъ въ извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ будетъ подлежать раздѣлу между многообразными видами общественнаго труда чрезъ особые процессы образованія цѣнъ. Реаленъ только продуктъ, и производительность труда есть не что иное, какъ выраженіе результатовъ его обнаруженія въ продуктѣ" [35]).

[34b]) Авторъ выше указываетъ, что выраженіе „производительность труда" слѣдуетъ понимать не буквально, какъ это дѣлало большинство теоретиковъ, вышедшихъ изъ школы классиковъ, не какъ производительность „труда" въ собственномъ смыслѣ этого слова, а какъ образное метафорическое выраженіе для обозначенія всей суммы затраченныхъ и разныхъ по производительности силъ труда, земли и капитала для полученія извѣстной массы продукта того или другого количества и качества" (курсивъ автора, цитированное ниже сочиненіе, стр. 213).

[35]) Александръ Миклашевскій. Обмѣнъ и экономическая политика. Юрьевъ. 1904 г., стр. 222—223. Въ этомъ трудѣ вѣрныя и цѣнныя мысли лежатъ рядомъ съ мыслями, ихъ логически исключающими и

Здѣсь чрезвычайно ярко формулировано тождество понятій: «благо» = «продуктъ» въ смыслѣ матеріальной вещи. Далѣе характерно утвержденіе: «реаленъ только продуктъ». Выше мы видѣли, что — въ силу безсознательной и тѣмъ болѣе сильной натуралистической (матеріалистической) тенденціи — «производство» объявляется верховной и, такъ сказать, естественной категоріей политической экономіи; то же самое мы видимъ тутъ и по отношенію къ «продукту». Это вполнѣ естественно, ибо понятіе продукта относится къ понятію производства, какъ вещь къ процессу.

Однако опять-таки не трудно видѣть, что подобно тому какъ не натуралистическое понятіе производства, а чисто экономическое понятіе «пріобрѣтенія» есть верховное понятіе экономическаго процесса, такъ отдѣльные, либо фиксируемые въ индивидуальномъ сознаніи, либо объективируемые въ человѣческомъ общеніи моменты этого процесса могутъ и должны быть подведены подъ понятіе не «продукта», какъ «вещи» [36]), а подъ понятіе «блага», понимаемаго какъ «полезность», или «услуга» [36а]). Это логически совершенно ясно: всякій «продуктъ» есть носитель «полезности» или «услуги», и всякій «продуктъ» (всякая «вещь») до конца разлагается на услуги, но опять-таки это положеніе необратимо: не

эмпирически съ ними несогласуемыми. Слѣдуетъ пожалѣть, что благодаря этой несогласованности въ построеніяхъ, большая работа мысли, заключенная въ трудѣ нынѣ покойнаго А. И. Миклашевскаго, очень плохо поддается извлеченію и использованію. Мѣшаетъ этому также неумѣлое изложеніе, которое вѣрныя мысли автора не заостряетъ, а притупляетъ.

[36]) Отождествленіе „вещи“ и „продукта“ такъ же неправомѣрно, какъ отождествленіе „блага“ и „продукта“. Ибо не всякая „вещь“, являющаяся хозяйственнымъ благомъ, есть продуктъ, хотя всякій продуктъ есть вещь.

На понятіи блага, понимаемаго какъ продуктъ = произведенная вещь, мы наблюдаемъ работу двухъ изъ тѣхъ мотивовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ складываются вообще понятія политической экономіи, мотива антропологическаго, сводящаго все „экономическое“, какъ таковое, къ дѣятельности человѣка, и мотива натуралистическаго (матеріалистическаго), фиксирующаго вниманіе на томъ изъ этой дѣятельности, что носитъ вещный, или матеріальный характеръ.

[36а]) Этимъ словамъ соотвѣтствуютъ англійскіе термины „utilities“ и „services“, нѣмецкіе — „Nutzungen“ и „Leistungen (или „Nutzleistungen“) Всего выразительнѣе и точнѣе нѣмецкое слово „Leistung“.

всякая «полезность» или «услуга» прикрѣпляется непремѣнно къ «продукту» или «вещи» [36b]).

[36b]) Это съ классической ясностью выражено Селигменомъ: The things that form wealth are always outside of man; they are external, not internal, phenomena. This does not mean that wealth is necessarily something tangible. It is indeed true that the term „goods" is sometimes preferred to „commodities", because the latter is supposed to imply something tangible, „commodity", however, really means that which „accomodates" or is „commodious" to us, just as goods are those things that are „good for us" — both in the economic sense. If however we use „commodity" to designate some tangible, visible object, wealth is not confined to commodities. Utilities may be conferred not only by inanimate objects but by human services. A concert satisfies a want what we pay for is not a physical object but a service. A teacher receives a salary; what he gives in return is something intangible. Services in almost every case bring about some change in man's environment, and in that sense even a service may be classed as something material. But if by material we mean something that has an objective, visible existence, a service must be considered immaterial. It confers utilities, it is external to man, it is to that extent wealth. Iet the higher the civilisation, the more numerous will be these forms of impalpable wealth.

In reality, however, the distinction between commodities and services is slighter than would appear at first blush. The sole use of a commodity is the series of services which it can render. Whether the music which we hear comes from a music box or from a human voice, whether the boat is propelled by a man or a engine, is of no consequence. What we enjoy in each case is a service. The only difference is that a service disappears in the rendering, while a commodity often remains, and is capable of similar services in future. The service is evanescent, the commodity is often durable. The commodity may then be regarded as the embodiment of a series of stored up services, to be conferred piece-meal. But the distinction is vague. For many commodities, like coal, ice-cream, and the like, desappear in the very act of rendering a service. Durability is no criterion of wealth. An ephemeral service may be of far greater importance than a durable commodity. It is the character, not the length of repitition, of the service which we prize. The real relation between a concrete commodity and a service is that the commodity is a cristallized service or a series of services. The essence of wealth is an inflow of satisfactions: utilities consist of services, whether or not they are embodied in physical objects. The very idea of a service, however, implies something that flows in to one from the outside whether the outside be a man or an object. Wealth is always something external (Edwin R. Seligman. Principles of Economics. New-York. London a. Bombay 1905; pp. 9—10. Въ русскомъ переводѣ это мѣсто находится

2. Повидимому объ этомъ не могло бы быть спора съ тѣхъ поръ, что въ полемикѣ противъ Смитова понятія «производительнаго» (и «непроизводительнаго») труда Гарнье [37]), Сэй [38]), Шторхъ [39]) Лодердаль [40]), Мак-Келлохъ [41]), Сеніоръ [42]) и Германнъ [43])

на стр. 6—7). Тутъ превосходно показана вся относительность экономическаго различія между „вещью" и „услугой". По существу на той же точкѣ зрѣнія стоитъ I. B. Clark въ своей „The philosophy of wealth" (Boston 1903). Но Clark въ свое понятіе экономическаго „богатства" (совокупности хозяйственныхъ благъ) включаетъ признакъ „матеріальности", хотя подъ богатствомъ имъ разумѣются и нематеріальные въ общепринятомъ смыслѣ объекты (онъ называетъ ихъ „несубстанціальными"). Соотвѣтственно этому Clark не разлагаетъ „вещей" на „услуги", а, наоборотъ, „услуги" подводитъ подъ понятіе „продукта". При этомъ онъ договаривается до того, что „звукъ", „производимый" музыкальнымъ инструментомъ или пѣвцомъ, квалифицируетъ, какъ „тонкій внѣшній продуктъ" („tenuous outward product"). Все это, конечно, чисто словесное разногласіе.

Трактованіе этого вопроса у Родбертуса („Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände", въ самомъ началѣ) и у слѣдующаго за нимъ Дитцеля (H. Dietzel, Theoretische Socialökonomik Leipzig 1895, SS. 167 u. ff.) характерно тѣмъ, что въ немъ сплетаются мотивы хрематистическій и натуралистическій (или матеріалистическій). Если, какъ говоритъ Родбертусъ „лишь хрематистика есть наука о хозяйствѣ", то это значитъ, что лишь блага, получающія денежную оцѣнку, подлежатъ вѣдѣнію экономической науки, какъ блага хозяйственныя. Но именно по этому хрематистическому основанію нельзя „личныхъ услугъ", оцѣниваемыхъ на деньги, исключать изъ числа „хозяйственныхъ благъ", ограничивая понятіе блага одними матеріальными предметами.

[37]) Въ примѣчаніяхъ къ переводу Смита. Ср. русскій переводъ И. А. Бибикова (СПБ. 1866) т. II, стр. 95 и сл.

[38]) J. B. Say. Traité d'economie politique. Livre Premier. Chap. XLII, въ первомъ изданіи 1803 г. на стр. 360—361 перваго тома.

[39]) Ср. въ особенности его Considerations sur la nature du revenu national (Paris 1824).

[40]) Earl of Lauderdale. An inquiry into the nature and origin of public wealth and into the causes of its increase. Edinburgh 1804. pp. 148—153.

[41]) Principles of political economy (1825). Приведено у Cannan. A history of the theories of production and distribution in englisch political economy from 1776 to 1848. London 1894, гдѣ вообще сдѣланъ обзоръ этого спора (pp. 18—31).

[42]) Senior. Political economy. Привед. у Cannan'a l. c.

[43]) F. B. W. Herrmann, Staatswirtschaftliche Untersuchungen, München 1832 SS. 1—9, по второму посмертному изданію (München 1870)

вычеканили понятіе хозяйственнаго блага, обнимающее и «матеріальные» и «нематеріальные объекты». И если что-нибудь до сихъ поръ препятствуетъ правильному пониманію въ этой области, такъ это именно верховенство въ политической экономіи натуралистическаго понятія «производства». Оно до сихъ поръ побуждаетъ видѣть въ хозяйственномъ благѣ только «продуктъ» = произведенную вещь.

Слѣдуетъ подчеркнуть сейчасъ же, что ясность въ этихъ понятіяхъ и различеніяхъ имѣетъ не только отвлеченную цѣнность. Напомнимъ, что германская статистика профессій создала свое понятіе «erwerbstätige Bevölkerung», отчасти подъ несомнѣннымъ вліяніемъ натуралистическаго понятія «производства» и «производительности», правда въ высшей степени непослѣдовательно проведеннаго и перепутаннаго именно съ понятіемъ «пріобрѣтенія» (Erwerb). Совершенно ясно, что у домашней прислуги, не включаемой германской статистикой въ erwerbstätige Bevölkerung» и отчуждающей именно «услуги» («Leistungen»), оплачиваемыя такъ же, какъ всякія другія услуги, есть свой «Erwerb» [44]) и что съ

SS. 103—123. За Германномъ слѣдуетъ A. Marshall въ своемъ превосходномъ разъясненіи понятій „богатства" и „блага" съ экономической точки зрѣнія. Ср. его Principles of economics, vol. I (London 1898), p. 123—151, по нѣмецкому переводу, сдѣланному съ 4-го англ. изд. Handbuch der Volkswirtschaftslehre.., übersetzt von H. Ephraim und A. Salz. Stuttgart u. Berlin 1905, SS. 102—108.

[44]) Это понимаетъ авторъ текста германской „Berufszählung" F. Zahn. Но тутъ на сцену является такое соображеніе: Privatwirtschaftlich ist das Hausgesinde zweifelsohne erwerbend thätig, aber die Produktion (sic!) dieser Personen ordnet sich ganz den Zwecken des Haushalts unter, tritt nicht in den allgemeinen Verkehr (Statistik d. deutschen Reiches Bd. 111, S. 15). Это разсужденіе почти дословно заимствовано у Rauchberg'а изъ его Die Bevölkerung Oestereichs auf Grund der Ergebnisse der Volkszählung vom 31 December 1890. Wien 1891 (см. SS. 247—248). Раухбергъ признаетъ: auch vom volkswirtschaftlichen Standpunkte ausgehend wird man ihnen die Produktivität nicht absprechen können. Allein die von ihnen producirten (sic!) Güter sind doch wesentlich anderer Art als die aller anderen Berufstätigen; sie treten nicht in den Markt, nicht in das Getriebe der Volkswirtschaft ein. Услуги прислуги конечно „поступаютъ на рынокъ", въ томъ смыслѣ, что они отчуждаются и пріобрѣтаются на рынкѣ наемнаго труда, какъ всякія другія оплачиваемыя „услуги". То, что они не прикрѣпляются ни къ какому продукту, это у нихъ обще съ цѣлымъ множествомъ другихъ услугъ, въ родѣ услугъ кондукторовъ, извощиковъ, цирульниковъ и т. п. По-русски мы употребляемъ выра-

женіе „поѣздная прислуга"; услуги ея оплачиваются въ желѣзнодорожномъ билетѣ и, пожалуй, еще менѣе поступаютъ на рынокъ, чѣмъ услуги домашней прислуги, ибо первыя услуги совсѣмъ не служатъ даже предметомъ торга между „производителемъ" и „потребителемъ": послѣдній, заслоняется отъ перваго „фигурой" желѣзной дороги, за которой стоитъ по большей части государство. Ср. также аргументацію В. О. Борткевича: „Статистика нѣкоторыхъ государствъ, каковы Германія, Франція. Австрія создала въ системѣ группировки населенія по занятіямъ совершенно особое положеніе домашней прислугѣ, распредѣляя лицъ, сюда относящихся, по категоріямъ, соотвѣтствующимъ занятіямъ ихъ „господъ", т. е. поступая въ данномъ случаѣ совершенно аналогично съ только-что указаннымъ способомъ, примѣняемымъ къ непроизводительнымъ членамъ семействъ (хозяйствъ). Въ пользу подобнаго статистическаго обращенія съ домашней прислугой приводятъ обыкновенно тотъ доводъ, что домашняя прислуга получаетъ доходъ „производнаго" характера. извлекаемый собственно изъ „занятія" того, кто ее держитъ, и что поэтому неправильно ставить дѣятельность домашней прислуги на одну линію съ различными видами профессіональнаго труда, какъ напр. съ трудомъ земледѣльца, ремесленника, фабричнаго рабочаго, торговца и т. п. Лучше однако не прибѣгать къ понятію „производнаго" дохода, которое является далеко не выясненнымъ и получаетъ у различныхъ авторовъ неодинаковое толкованіе. Своеобразный характеръ дѣятельности и положенія домашней прислуги, дѣйствительно оправдывающій особое отношеніе къ ней статистики, слѣдуетъ скорѣе видѣть въ томъ, что эта дѣятельность не представляется вовсе обособленной по цѣли и характеру.... а, напротивъ того, сливается до извѣстной степени съ функціями, отправляемыми въ сферѣ домашняго хозяйства преимущественно непроизводительными (въ смыслѣ статистики занятій) членами семьи". („Изъ курса статистики". Спб. 1900 г. стр. 9—10). „Занятіемъ или профессіей въ объективномъ смыслѣ"—по опредѣленію автора—является «въ статистикѣ обособленная по своей цѣли и своему характеру дѣятельность въ процессѣ народнохозяйственнаго производства, причемъ «производство» понимается здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ» (н. с. стр. 1). Здѣсь, какъ и въ аргументаціи Цана и Раухберга, помимо указанныхъ мотивовъ, особое положеніе приписывается домашней прислугѣ въ силу традиціоннаго патріархальнаго пониманія ея отношеній къ главѣ домохозяйства. Тутъ забывается, что домашняя прислуга занимаетъ «особое положеніе» не въ «процессѣ народнохозяйственнаго производства», т. е. не съ точки зрѣнія экономическаго процесса пріобрѣтенія (Erwerb'a), а въ процессѣ потребленія. Если процессъ «пріобрѣтенія»=образованія доходовъ считать процессомъ специфически экономическимъ, то разница между «домашней» и всякой иной «прислугой» и вообще всѣми другими видами труда можетъ быть охарактеризована, какъ разница бытовая. Пусть статистика ее отмѣчаетъ, но экономически между прислугой, которая нанимается за плату, и между членами семьи, содержимыми на счетъ ея главы, лежитъ цѣлая про-

точки зрѣнія «Erwerb'а» она такъ же активна, какъ и другое населеніе, содержащее себя на свой счетъ.

3. Ничто, конечно, не мѣшаетъ называть «благами» только «предметы внѣшняго міра», «вещныя средства удовлетворенія» и противопоставлять имъ «услуги», въ качествѣ «выраженія тѣлесныхъ или духовныхъ силъ человѣческой личности», какъ это дѣлаетъ Филипповичъ[45]). Слѣдуетъ только помнить, что «вещный» характеръ предметовъ внѣшняго міра съ точки зрѣнія экономической имѣетъ весьма условный характеръ, сближающій «предметы» съ «услугами». Когда мы покупаемъ фунтъ сахара, мы въ немъ оплачиваемъ «предметъ, къ которому прикрѣпился цѣлый рядъ «услугъ», кончая услугой торговца, взвѣсившаго для насъ и вложившаго въ мѣшокъ требуемое нами количество сахара. Часто мы пріобрѣтаемъ не «вещи», а «услуги», оказываемыя вещью. Такъ бываетъ, когда мы нанимаемъ квартиру или беремъ на прокатъ мебель или велосипедъ.

Съ другой стороны, животныя, какъ «рабочій» скотъ или какъ агенты спорта, даютъ человѣку только услуги, являясь ихъ носителями.

Экономическая разница между людьми и животными есть въ то же время разница моральная и юридическая. Странно ее игнорировать, но за нею не слѣдуетъ всетаки забывать, что экономическая полезность человѣка, разсматриваемаго какъ орудіе хозяйственнаго процесса, ничѣмъ не отличается отъ полезности лошади. И лошадь и человѣкъ даютъ Leistungen.

Если лошадь есть «вещное средство» удовлетворенія, а человѣкъ не является таковымъ, то только потому, что лошадь дозволено нравами и закономъ отчудить другому лицу, которое становится его владѣльцемъ, или даже продать на.... живодерню, а съ человѣкомъ этого сдѣлать нельзя.

Человѣкъ, какъ «рабочая сила», потому не можетъ быть разсматриваемъ какъ «благо», что онъ никогда ни «пріобрѣтается», ни «отчуждается» тамъ, гдѣ нѣтъ рабства. Услуги же человѣка пріобрѣтаются и отчуждаются совершенно такъ же, какъ «вещи» и какъ «услуги» вещей.

насть, и потому эти два разряда нельзя объединять такъ, какъ дѣлаетъ это германская и австрійская статистика. Ср. Г. Швиттау. Профессіи и занятія населенія. Спб. 1909 г. стр. 69—77.

[45]) Philippovich l. c. SS. 4—6.

Можно отвлеченно себѣ представить такое положеніе дѣлъ, при которомъ всѣ «предметы» непосредственнаго потребленія будутъ въ состояніи, готовомъ для потребленія (genussfertiger Zustand), находиться въ неограниченномъ количествѣ, т. е. будутъ представлять изъ себя «свободныя» или «даровыя» блага. Тогда весь экономическій оборотъ сведется къ пріобрѣтенію и отчужденію услугъ людей. Тогда, если не исчезнетъ необходимость въ вещномъ правѣ, то значительно сузится область его; сузится также область обязательственнаго права, но и то, и другое сохранится, потому что люди не перестанутъ нуждаться въ услугахъ другихъ людей.

Въ реальномъ мірѣ «вещи» принципіально-экономически не отличаются отъ «услугъ» какъ хозяйственныя блага. Отличаются одинъ отъ другого разные источники (или «факторы») хозяйственныхъ благъ: вещные и личные. Но различіе ихъ тоже относительное: юридически оно выражается въ томъ, что вещнаго права на человѣка современный оборотъ не знаетъ. И можно сказать, что различіе между хозяйственными «благами» и ихъ «источниками» столь же относительно, какъ и различіе между «вещью» и «услугой». Поэтому теоретически совершенно правъ Менгеръ, когда онъ располагаетъ всѣ «блага» въ іерархическомъ порядкѣ и выстраиваетъ въ ряду благъ всѣ источники благъ. «Источники благъ» такъ же разлагаются экономически на «блага», какъ «вещи» разлагаются на «услуги». Или иначе можно сказать: «услуги» такъ же суммируются въ «вещи», какъ «вещи» и «услуги», т. е. «блага», суммируются въ «источники благъ». И если услуги человѣка не суммируются въ человѣка-вещь, то опять-таки только потому, что рабства современный гражданскій оборотъ не знаетъ и лишь постольку, поскольку система свободнаго труда не приближается къ рабству.

4. Традиціонная концепція производства имѣетъ своимъ слѣдствіемъ не только неправильное натуралистическое (или матеріалистическое) опредѣленіе понятія блага. Значеніе этой концепціи простирается гораздо дальше. Установленіе верховнаго значенія категоріи производства для объясненія всего экономическаго процесса, втискиваніе всего этого процесса въ прокрустово ложе этой категоріи оказало сильнѣйшее вліяніе на весь ходъ развитія экономической мысли, на все построеніе системы экономическихъ воззрѣній. Это вліяніе сказалось тѣмъ сильнѣе, что совершенно

очевидно категоріи производства нельзя приписывать такого верховнаго значенія въ отдѣльномъ «хозяйствѣ», вдвинутомъ въ цѣлую «систему хозяйствъ», т. е. въ сложную сѣть взаимодѣйствія автономныхъ хозяйствующихъ субъектовъ. А съ другой стороны такое значеніе довольно естественно приписывать ей въ хозяйственной жизни общества, разсматриваемой какъ нѣкоторое единство, какъ хозяйство въ подлинномъ смыслѣ слова. Такое пониманіе хозяйственной жизни мы охарактеризовали какъ его универсалистическое пониманіе и мы уже намекнули на то, что это универсалистическое пониманіе или универсалистическій («реалистическій» въ специфическомъ логическомъ смыслѣ) мотивъ въ развитіи экономической мысли тѣсно сплетается и переплетается съ пониманіемъ или мотивомъ натуралистическимъ, наиболѣе яркимъ выраженіемъ котораго служитъ традиціонная концепція производства, какъ верховной категоріи политической экономіи.

Эта связь обусловила собой въ значительной мѣрѣ универсализмъ физіократовъ и классической школы; въ новѣйшее время она обнаруживается съ поразительной ясностью не только на ученіяхъ Родбертуса и Маркса, но и на системѣ Лексиса [46]) (не говоря уже о гораздо менѣе тонкой системѣ Туганъ-Барановскаго). Но ея вліяніе можно прослѣдить даже на теоріи капитала Бемъ-Баверка, удерживающей различеніе между «соціальнымъ» и «частнымъ» капиталомъ. Это различеніе необходимо, разъ самое понятіе капитала, какъ мы это видимъ у Бемъ-Баверка, строится «натуралистически», а не «хрематистически».

Связь между натуралистическимъ и универсалистическимъ мотивомъ, создаваемая категоріей производства, съ полной ясностью выступаетъ въ томъ, что натуралистическая категорія производства, съ логической необходимостью, такъ сказать, рождаетъ изъ себя универсалистическую категорію «распредѣленія», крити-

[46]) Теорія распредѣленія Лексиса есть такъ же, какъ теорія Туганъ-Барановскаго, переработка Марксовой теоріи. Эта теорія была изложена Лексисомъ въ его критическихъ статьяхъ о „Капиталѣ“ Маркса (о второмъ томѣ въ Conrad's Jahrbücher за 1885 г., о третьемъ томѣ въ Quaterly Journal of Economics за 1895 г.), а также въ статьѣ „Ueber gewisse Wertgesamtheiten und deren Beziehungen zum Geldwert“ въ „Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft“ за 1888, а теперь въ контекстѣ цѣлой системы развивается въ „Allgemeine Volkswirtschaftslehre“ (Berlin u. Leipzig. 1910).

ческое разсмотрѣніе которой будетъ занимать насъ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ разсужденій.

Связь между концепціей производства и концепціей распредѣленія обнаруживается и въ американскихъ системахъ, въ особенности въ системѣ Кларка [47]), гдѣ все пониманіе процесса «распредѣленія» подчинено здѣсь «убывающей производительности» и построенному на ней общему закону «ренты». И соотвѣтственно этому Кларкъ выразитель самаго крайняго универсализма [48]).

---

[47]) I. B. Clark. Distribution of wealth. New-York. 1899.

[48]) См. мою статью въ журналѣ „Logos" — „Ueber einige grundlegende Motive in der Entwicklung des nationalökonomischen Denkens" (Band. I (1910/1911, Heft 3; та же статья въ русскомъ „Логосѣ" за 1911 г., книга первая) и основанное на ней „Введеніе" къ этой книгѣ.

Глава вторая.

Проблема вмѣненія.

I.

1. Хозяйственныя блага суть необходимо блага, носящія на себѣ знакъ цѣны, выражаемыя или выразимыя въ деньгахъ (стр. 43—46). 2. Общая постановка проблемы вмѣненія (стр. 46—49).

1. Черезъ критическій анализъ понятій «производства» и «блага» мы пришли или подошли къ такъ называемому ученію о факторахъ производства. Совершенно ясно, что послѣ продѣланной нами критической работы мы не можемъ говорить именно о факторахъ производства. Мы можемъ говорить только объ источникахъ хозяйственныхъ благъ или, если угодно, о факторахъ созданія хозяйственныхъ благъ, памятуя, что понятіе «созданія» тутъ должно быть свободно отъ натуралистической окраски.

Прежде чѣмъ перейти къ этой проблемѣ, которая и есть проблема экономическаго вмѣненія, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе, очень важное для всѣхъ нашихъ построеній.

Сопротивляясь подведенію подъ одно понятіе «хозяйственнаго блага» «вещей» и «услугъ», предметовъ внѣшняго міра и выраженій человѣческой личности, экономическая мысль не только находилась подъ властью «натуралистическаго» мотива, сбивавшаго ее въ данномъ случаѣ съ правильнаго пути. Она руководилась вѣрнымъ инстинктомъ, сопротивлявшимся включенію всякаго «блага» въ кругъ экономическаго разсмотрѣнія. Ей казалось, что если остановиться на вещахъ, то этимъ будетъ положенъ предѣлъ распространенію понятія блага на «любовь», «дружбу», «государство», «церковь», «характеръ», «честь», «Иліаду», «свободу», «культуру» и т. п. [1]), т. е. будетъ пресѣчено халатное и нелѣпое

[1]) Ср. v. Böhm-Bawerk. Rechte u. Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Güterlehre. Innsbruck 1881. SS. 28—29.

употребленіе научнаго термина, который долженъ имѣть ясное и точное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ экономическая мысль останавливается на томъ, что «благо» есть то, что удовлетворяетъ какой-нибудь «потребности», она неизбѣжно сбивается на разсужденія о всѣхъ возможныхъ предметахъ.

Выходъ изъ этой опасности заключается въ признаніи того, что «хозяйственнымъ благомъ» та или иная вещь или услуга является, поскольку она пріобрѣтаетъ цѣну [2]). Въ томъ фактѣ, что практическая жизнь приравниваетъ «вещи» и «услуги», и тѣмъ и другимъ давая цѣны, выражается именно экономическое тождество «вещей» и «услугъ». Хозяйственной жизни не то что не существуетъ, ее нельзя конструировать внѣ такъ или иначе осуществляющагося процесса установленія цѣнъ.

Намъ скажутъ, что для установленія цѣнъ нужны деньги. Но это указаніе насъ не смутитъ.

Въ только-что указанномъ основномъ смыслѣ хозяйственная жизнь безъ денегъ не представима. Ибо явленіе денегъ по самой своей сути сводится не къ той или иной техникѣ обмѣна и даже вовсе не требуетъ свободнаго мѣнового хозяйства. Существо денегъ есть не болѣе и не менѣе какъ такъ или иначе и для тѣхъ или иныхъ цѣлей осуществляющаяся постоянная измѣримость и обратимость «благъ», превращающая ихъ въ «цѣны».

«Блага», не поддающіяся выраженію какъ «цѣны», не суть блага хозяйственныя и потому не составляютъ предмета экономическаго разсмотрѣнія. Во избѣжаніе недоразумѣній, сейчасъ же сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Наше положеніе, что хозяйственныя блага, какъ таковыя, суть блага измѣримыя, выраженныя въ «цѣнахъ», на первый взглядъ можетъ показаться противорѣчащимъ мысли, высказанной въ началѣ настоящей главы, что въ безобмѣнномъ хозяйствѣ хозяйственный процессъ реализаціи положительныхъ цѣнностныхъ разностей протекаетъ въ формѣ субъективныхъ оцѣнокъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ единичномъ, напр., въ семейномъ, «хозяйствѣ» можетъ не быть фактической (психологической) надобности въ точномъ сравненіи и измѣреніи разныхъ вещей и услугъ. Эта фактическая ненужность объективной оцѣнки, или установленія цѣнъ нисколько однако не устраняетъ того, что,

---

[2]) Это совершенно ясно выражено у Германна и Маршалла.

если субъектъ такого хозяйства захочетъ отдать себѣ отчетъ въ своемъ хозяйствѣ, захочетъ вести ему счетъ и учетъ, то онъ выдумаетъ именно... деньги. Что хозяйственныя блага суть необходимо блага, выразимыя и выражаемыя въ деньгахъ—отъ этого хрематистическаго мотива экономическая мысль не могла въ сущности никогда отдѣлаться. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны, съ одной стороны, физіократы, а, съ другой стороны, Родбертусъ (о которомъ мы говорили выше), именно потому, что въ ихъ мышленіи натуралистическій мотивъ игралъ такую огромную роль. А въ то же время они не могли отрѣшиться отъ мысли, что политическая экономія есть хрематистика или, какъ выражается Кенэ, что она занимается не «biens», а «richesses» или «valeurs venales» [2]).

Получивъ цѣну, все можетъ стать хозяйственнымъ благомъ и тѣмъ самымъ—объектомъ хозяйствованія. Черта, отдѣляющая «экономическое» отъ «неэкономическаго», проходитъ именно здѣсь: «цѣна» въ точномъ экономическомъ смыслѣ есть какъ бы то экономическое клеймо, которое придаетъ особливый характеръ всему, что становится предметомъ оборота. При этомъ экономическое клеймо цѣны можетъ быть поставлено рѣшительно на все. Ибо все можетъ получить «цѣну», другими словами все можетъ стать «продажнымъ». Это мы видимъ на проституціи. Въ проституціи цѣну получаютъ интимнѣйшія для современнаго сознанія проявленія половой жизни. И цѣна превращаетъ эти проявленія въ особое хозяйственное благо.

Наложеніемъ клейма цѣны=продажности на то, что обычно не продается, совершается извѣстная морально-общественная деградація даннаго проявленія жизни. Въ этомъ отношеніи совершенно особое мѣсто для современнаго культурнаго сознанія занимаетъ половая жизнь. Въ отличіе отъ другихъ и притомъ гораздо болѣе духовныхъ «дѣятельностей», она признается нашимъ сознаніемъ совершенно невынуждаемой и абсолютно непродажной: цѣны въ экономическомъ смыслѣ имѣть не можетъ и потому продажной быть не должна не только самая глубинная основа половой жизни, ея внутреннія пружины и мотивы, но и отдѣльныя проявленія этой

[2]) Въ новѣйшей литературѣ основное значеніе денегъ для пониманія хозяйственной жизни особенно отчетливо выдвинули русскій авторъ А. М. Рыкачевъ (въ цит. выше сочиненіи) и японскій Kichira Soda, Geld und Wert. Tübingen 1909.

жизни. Отсюда моральная непріемлемость не только проституціи, но и брака по голому хозяйственному расчету.

Иначе обстоитъ дѣло съ другими проявленіями личной и притомъ духовной жизни.

Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй,
Итакъ рѣшите; жду я слова:
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ
. . . .
. . . .
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Въ этихъ словахъ великаго поэта съ классической выразительностью дана характеристика «хозяйственнаго» момента даже въ самыхъ духовныхъ проявленіяхъ человѣческой жизни и вскрыта связь этого момента съ категоріями цѣны и денегъ. Пушкинъ лучше огромнаго большинства экономистовъ разсмотрѣлъ и указалъ то условіе, при которомъ блага становятся хозяйственными, то условіе, внѣ котораго не можетъ быть никакого экономическаго разсмотрѣнія человѣческихъ дѣлъ и вещей.

2. «Блага» какъ-то «производятся» или «создаются».

Отсюда, какъ мы указали, возникаетъ вопросъ о «факторахъ производства», или объ источникахъ созданія благъ.

Съ точки зрѣнія естественнаго процесса всѣ блага, и всего явственнѣе, конечно, «блага» «вещныя», создаются силами и процессами природы, въ составъ которыхъ входитъ и рабочая сила человѣка съ ея обнаруженіями. Но съ своей точки зрѣнія человѣкъ не можетъ не выдѣлять себя изъ силъ природы и не противополагать себя имъ. И это совершенно естественно и справедливо. Въ процессѣ созданія благъ природа и человѣкъ различимы, какъ «факторы». Несмотря на весь прогрессъ тех-

[3]) Ср. блестящія разсужденія Зиммеля о проституціи и деньгахъ въ его Philosophie des Geldes (Leipzig 1900) SS. 390—401, гдѣ развивается тезисъ, что „въ сути денегъ есть нѣчто отъ проституціи“.

ники, метеорологическія условія опредѣляютъ собой и распредѣленіе культуръ въ пространствѣ, и урожай произростаній во времени. Менѣе извѣстно въ кругахъ неспеціалистовъ, что постоянныя метеорологическія условія опредѣляютъ собой въ извѣстной мѣрѣ производство пряжи [4]). Принципіально ни для индуктивнаго изслѣдованія, ни для болѣе или менѣе совершенной технической практики не представляетъ трудности—при разсмотрѣніи того, что совершается совокупнымъ процессомъ производства—установить въ каждомъ частномъ случаѣ, на счетъ какого фактора, природы или человѣка, должно быть отнесено то или иное приращеніе или убыль продукта.

Безъ фактора труда не можетъ быть, напримѣръ, вовсе добыто угля; но если на мѣсто англійскаго углекопа поставить русскаго, то получится иной производственный эффектъ. Съ другой стороны, въ рейнско-вестфальскомъ угольномъ районѣ, передвигаясь съ юга на сѣверъ, мы можемъ при одинаковомъ качествѣ труда констатировать различную выработку угля въ зависимости отъ фактора «природы», т. е. отъ характера залеганій [5]). Колебанія урожая травъ на естественныхъ лугахъ всецѣло зависятъ отъ метеорологическихъ условій, простирающихъ свое вліяніе на всѣ стадіи производства и даже иногда храненія этого «продукта».

Вотъ почему положительныя или отрицательныя измѣненія (приращеніе или убыль) въ количествѣ продукта мы можемъ относить либо на одинъ, либо на другой изъ этихъ факторовъ производства. И это весьма важно для техническихъ и вытекающихъ изъ нихъ хозяйственныхъ расчетовъ.

Но возможность для насъ—при дѣйствіи факторовъ A (природа) и B (трудъ) измѣненіе ихъ эффекта C (въ цѣломъ рядѣ случаевъ) причинно связать съ однимъ изъ этихъ факторовъ,—эта возможность нисколько не устраняетъ того, что данный эффектъ есть цѣлостный «продуктъ» обоихъ факторовъ и что производственное участіе одного фактора безъ такого же участія другого невозможно и непредставимо. Такимъ образомъ не

---

[4]) Ср. Шульце-Геверництцъ. Крупное производство. Переводъ Л. Б. Красина подъ ред. П. Б. Струве. Спб. 1897 passim.

[5]) Ср. Max Duncker. Die neueren Zechenstillegungen an der Ruhr. Leipzig 1907.

доли продукта могутъ быть причинно относимы на счетъ факторовъ производства или имъ «вмѣняемы», а измѣненія въ этомъ продуктѣ. Вотъ почему совершенно правильное соображеніе, что факторы производства нераздѣльно участвуютъ въ созданіи продукта, вовсе не устраняетъ проблемы вмѣненія вообще [6]). Оно устраняетъ только грубую и наивную постановку проблемы вмѣненія. Оно устраняетъ проблему абсолютнаго вмѣненія, но не затрагиваетъ проблемы вмѣненія дифференціальнаго. Впрочемъ, постановка проблемы вмѣненія никогда не оспаривалась бы-если бы самая проблема ставилась бы только по отношенію къ человѣку и природѣ, или иначе говоря по отношенію къ производству, какъ техническому процессу. Но экономическая теорія никогда не довольствовалась такой постановкой. Отъ нея она стремилась перейти и очень быстро переходила къ проблемѣ экономическаго вмѣненія. Именно. въ такой формѣ проблема вмѣненія выступаетъ передъ нами въ разныхъ теоріяхъ производительности капитала. начиная съ Ж. Б. Сэя, продолжая Тюненомъ и кончая Визеромъ и Кларкомъ. «Три разъединенные источника — такъ формулируетъ историкъ ученій о капиталѣ Бемъ-Баверкъ это пониманіе — природа, трудъ, капиталъ, приносятъ каждый, благодаря присущей имъ производительной силѣ, опредѣленное количество благъ съ опредѣленнымъ количествомъ цѣнности; и ровно столько цѣнности, сколько истекло изъ каждаго источника, вливается въ доходъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ право собственности на эти источники» [7]).

Тутъ изъ простой проблемы техническаго или производственнаго вмѣненія выростаетъ проблема цѣнностнаго вмѣненія, тол-

[6]) Вопреки мнѣнію Кассéля. G. Cassel. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. Eine Einführung in die theoretische Oekonomie. Göttingen 1900, SS. 11—26. Впрочемъ, и въ своей только-что цитированной книгѣ, и въ своей выше цитированной статьѣ „Grundriss einer elementaren Preislehre“ Кассéль признаетъ въ извѣстной мѣрѣ правомѣрность постановки проблемы дифференціальнаго вмѣненія (указ. статья, стр. 451). Съ полной ясностью проблему дифференціальнаго вмѣненія формулируетъ А. Фойгтъ въ цитированной выше статьѣ Produktion und Erwerb SS. 14 — 15: Es sind nicht Theile des Ertrages, die den einzelnen Produktionsmitteln zugeschrieben werden, sondern Zuwächse des Ertrages, die Zuwächsen der Produktionsmittel entsprechen.

[7]) v. Böhm-Bawerk. Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. Zweite Auflage Innsbruck 1900, S. 600.

кусмая какъ проблема распредѣленія долей продукта совокупнаго хозяйственнаго процесса между факторами производства и стоящими за ними людьми или группами людей.

II.

1. Что такое производственное вмѣненіе? Разсужденія Стракоша о производительности культурныхъ растеній, основанныя на методѣ О. Келльнера. Переходъ проблемы производственнаго вмѣненія въ проблему вмѣненія цѣнностнаго (стр. 49—52). **2.** Цѣнностное вмѣненіе есть по существу калькуляція. Калькуляція знаетъ только цѣны (стр. 52—54). **3.** Расширеніе проблемы цѣнностнаго вмѣненія въ проблему распредѣленія. Правомѣрно ли такое расширеніе? (стр. 54—55).

1. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть: правомѣрна ли такая постановка, соединяющая воедино вмѣненіе: 1) производственное 2) цѣнностное и 3) соціально-экономическое?

Для того, чтобы показать, что такое производственное вмѣненіе, и каково его отношеніе къ вмѣненію цѣнностному, я воспользуюсь, какъ матеріаломъ, работой агронома З. Стракоша, вышедшей въ 1907 г. подъ характернымъ заглавіемъ «Проблема неравной производительности нашихъ культурныхъ растеній» [8]).

Различныя растенія при одной и той же затратѣ земли труда и капитала производятъ неравныя количества полезной органической субстанціи. «Производительность» растеній есть ихъ «ассимиляторный эффектъ», который мы получимъ какъ частное отъ дѣленія количества полезной субстанціи, которую дастъ растеніе съ опредѣленной площади, на массу взятыхъ (истраченныхъ) питательныхъ веществъ почвы.

Этотъ ассимиляторный эффектъ, получаемый на основаніи сопоставленія разныхъ эмпирическихъ данныхъ, есть итогъ той операціи, которую можно назвать производственнымъ вмѣненіемъ. Для того, чтобы произвести такое вмѣненіе, необходимо имѣть теоретическій масштабъ и эмпирическія данныя для опредѣленія количества 1) полезной субстанціи (nutzbare Substanz), извлекаемой съ земельной площади, и 2) количества истрачиваемыхъ при этомъ питательныхъ веществъ почвы.

Первое есть «производственное значеніе» (Produktionwert) растенія, второе его «потребительное значеніе» (Konsumtionswert). Какъ

[8]) Siegfried Strakosch. Das Problem der ungleichen Arbeitsleistung unserer Kulturpflanzen. Berlin 1907.

получаются эмпирическія величины для этихъ масштабовъ,—это вопросъ спеціальнаго физіологическаго и химическаго изслѣдованія, и интересующихся этимъ вопросомъ я отсылаю къ работѣ Стракоша и указанной тамъ литературѣ. Принципіально-методически интереснымъ представляется мнѣ при этомъ лишь вотъ что. Отвергая оцѣнку питательныхъ средствъ и по количеству развиваемой теплоты, по калоріямъ и по содержанію переваримыхъ веществъ, по единицамъ питательности, Стракошъ присоединяется къ точно-эмпирическому физіологическому методу Келльнера. «Прежде по переваримымъ веществамъ какого-либо продукта вычисляли его дѣйствіе, Келльнеръ же отъ дѣйствія заключаетъ къ питательности. Для единообразнаго выраженія опредѣленной такимъ способомъ питательности Келльнеръ пользуется такъ называемой крахмальной питательностью (Stärkewert). Онъ нашелъ, что изъ 100 граммовъ крахмальной муки и подобныхъ полисахаридовъ образуется 24,89 граммовъ животнаго жира, и такимъ образомъ учтенное какъ жиръ наращеніе вѣса (Körperansatz) надлежитъ только помножить на 4, чтобы получить крахмальную питательность . . . Келльнеровская крахмальная питательность можетъ быть такимъ образомъ разсматриваема какъ непосредственно установленное производственное значеніе, между тѣмъ какъ тѣ такъ называемыя единицы питательности, которыя прежде учитывались. представляли, собственно говоря, сведенныя къ одинаковой мѣрѣ переваримыя вещества» [9]).

Въ методѣ Келльнера съ точки зрѣнія экономиста интересно то, что онъ отъ дѣйствія, или функціи идетъ къ субстрату, а не наоборотъ. Такъ долженъ поступать физіологъ и такъ же поступаетъ и экономистъ, когда онъ правильно разсуждаетъ и не отъ земли, капитала, труда идетъ къ цѣнѣ и доходу, а изъ цѣны и дохода построяетъ капиталъ. Съ физіологической точки зрѣнія не питательныя вещества источаютъ питательный эффектъ, а питательный эффектъ создаетъ питательныя вещества; точно также или еще болѣе съ экономической точки зрѣнія не земля, трудъ и капиталъ отдѣляютъ отъ себя или источаютъ изъ себя полезности и цѣн-

[9]) L. c. S. 17. Главный резюмирующій трудъ Келльнера. Die Ernährung der landwirtschaftlichen Nutztiere съ 6-го нѣм. посмертнаго изданія переведенъ на русскій языкъ подъ ред. П. Широкихъ и со вступленіемъ П. О. Широкихъ (2-ое изд. Кіевъ 1912 г.). Въ русскомъ переводѣ терминъ Stärkewert переводится: крахмальный эквивалентъ.

ности, а полезности, превращаясь въ экономическую форму цѣны-цѣнности, создаютъ доходъ и изъ дохода построяется капиталъ.

Келльнеръ свои крахмальныя питательности, или питательныя цѣнности переводитъ на деньги, т. е. выражаетъ ихъ въ цѣнахъ и точно такъ же Стракошъ потребленіе растеній выражаетъ при помощи денежныхъ величинъ. Тутъ совершается въ чисто производственную проблему внесеніе иной, ей собственно говоря чуждой, чисто цѣнностной точки зрѣнія. Это однако совершенно неизбѣжно, ибо иначе какъ при помощи сведенія къ какой-нибудь единой мѣрѣ не могутъ быть сравниваемы производственный эффектъ растенія и потребленіе имъ питательныхъ веществъ (азота, фосфорной кислоты и кали). Силы производства съ своимъ эффектомъ въ точномъ смыслѣ не соизмѣримы иначе какъ при помощи цѣнностнаго счета—денежной оцѣнки. Можно, конечно, сказать — и самъ Келльнеръ на это указываетъ—что питательная цѣнность и цѣна продукта не вполнѣ совпадаютъ [10]; можно также указать, что денежная оцѣнка питательныхъ веществъ, потребляемыхъ растеніями, наталкивается на огромныя затрудненія — достаточно вспомнить вообще проблему оцѣнки такъ наз. нерыночныхъ продуктовъ и, всего болѣе,—удобренія въ сельскохозяйственномъ счетоводствѣ [11]. Все это совершенно вѣрно. Но «выручка» и «трата» сопоставимы и соизмѣримы вообще лишь при помощи цѣнностнаго счета. Выручку и трату объединяетъ только цѣна.

Такимъ образомъ проблема производственнаго вмѣненія естественно приводитъ *къ* и переходитъ *въ* проблему вмѣненія цѣнностнаго.

[10]) Это обусловливается тѣмъ, что рыночная оцѣнка разныхъ растеній опредѣляется не вполнѣ раціонально, т. е. не вполнѣ сообразно ихъ „питательному значенію" и рыночной оцѣнкѣ этого питательнаго значенія. Такъ по Келльнеру (въ опредѣленный періодъ, а именно за одинъ мѣсяцъ 1903 г.) рожь оцѣнивалась на 1,62 марки, ячмень на 1,82 марки, овесъ на 4,72 марки дороже, а маисъ на 0,90 марки дешевле, чѣмъ слѣдовало бы по ихъ питательному значенію. То, что рыночная оцѣнка растеній не слѣдуетъ вполнѣ раціонально за питательнымъ значеніемъ, объясняется вліяніемъ вкуса и привычки. Ср. Strakosch l. c. S. 10.

[11]) Объ этомъ въ русской литературѣ есть спеціальная монографія А. И. Скворцова: „Къ вопросу объ оцѣнкѣ нерыночныхъ продуктовъ въ сельскохозяйственномъ счетоводствѣ" въ „Извѣстіяхъ" Петровской Академіи, т. VIII.

Мы сказали, что выручку и трату объединяетъ только цѣна. Съ точки зрѣнія эмпирической, это совершенно непререкаемо. «Выручка» есть сумма добытыхъ полезностей; трата есть либо какая-то другая сумма, либо она можетъ тоже мыслиться какъ сумма полезностей, только потребленныхъ или уничтоженныхъ [12]). Во всякомъ случаѣ, полезности и траты (отрицательныя полезности) соизмѣримы между собой только какъ цѣны. Трудовая теорія цѣнности ищетъ еще другого измѣренія полезностей, къ которымъ прикрѣпляются цѣны, и видитъ ихъ въ затратахъ человѣческой трудовой энергіи. Но о тотъ фактъ, что цѣны прикрѣпляются къ полезностямъ, независимо отъ того, связаны ли эти полезности съ предшествующей затратой трудовой энергіи или нѣтъ, объ этотъ элементарный фактъ разбивается попытка найти за цѣнами какія-то въ основѣ ихъ лежащія значенія, окончательно и цѣликомъ сводящіяся къ затратамъ трудовой (рабочей) энергіи. Можно указать совершенно точно тѣ предпосылки, при которыхъ т. н. трудовая теорія цѣнности не была бы насильственнымъ и безплоднымъ упрощеніемъ дѣйствительности, а являлась бы настоящимъ теоретическимъ ея выраженіемъ. Трудовая теорія цѣнности имѣла бы теоретическій смыслъ и была бы методомъ практическаго пониманія экономической дѣйствительности и управленія ею, если бы всѣ блага, кромѣ обнаруженія рабочей энергіи человѣка, были даровыми, т. е. въ неограниченномъ количествѣ находились къ услугамъ человѣка.

— Такъ какъ этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то сведеніе цѣнъ къ трудовымъ цѣнностямъ остается операціей, которая не только теоретически безплодна, но и чревата великими ошибками, что доказано не чѣмъ инымъ, какъ логическимъ развитіемъ единственной законченной системы, созданной на основаніи предположенія, что цѣны суть лишь искаженное выраженіе трудовыхъ цѣнностей, — системы Маркса.

2. Что же такое цѣнностное вмѣненіе? За этимъ словомъ «вмѣненіе», которое звучитъ даже нѣсколько странно въ ушахъ неэкономиста, скрывается, въ сущности, чрезвычайно простой и

[12]) Извѣстный вопросъ о томъ, могутъ ли быть „полезность" и „трата" объединены въ единомъ понятіи, не является существеннымъ съ точки зрѣнія эмпирической теоріи цѣны, ибо и полезности соизмѣримы между собой только какъ цѣны. A fortiori это относится къ полезностямъ и тратамъ.

основной фактъ повседневной жизни. То, что теорія называетъ «вмѣненіемъ», то практика называетъ калькуляціей [13]).

Задача калькуляціи заключается, когда рѣчь идетъ о предварительной, или смѣтной калькуляціи (Vorkalkulation), въ точномъ исчисленіи предполагаемыхъ издержекъ.

Задача послѣдующей, или отчетной калькуляціи (калькуляціи post factum, Nachkalkulation) заключается въ точномъ исчисленіи произведенныхъ издержекъ. Данныя послѣдующей калькуляціи въ связи съ отчетными данными о выручкѣ даютъ возможность установить соотношеніе между издержками и чистымъ доходомъ предпріятія. Съ точки зрѣнія хозяйствующаго субъекта и его цѣлей одинаково важны какъ смѣтная калькуляція, такъ и отчетная калькуляція [1]).

Съ точки зрѣнія объективнаго процесса взаимодѣйствія хозяйствъ въ ихъ «системѣ», каковою является т. н. народное хозяйство, имѣетъ наибольшій интересъ отчетная калькуляція въ сопоставленіи съ данными о фактической выручкѣ, ибо тутъ передъ нами реализованныя «сдѣланныя» цѣны и фактически сложившійся въ результатѣ ихъ образованія доходъ.

Калькуляція есть чрезвычайно трудная задача и рѣдко эта задача осуществляется надлежащимъ образомъ. Но принципіально калькуляція есть нѣчто вполнѣ осуществимое и въ формѣ калькуляціи-отчета она даетъ весь матеріалъ для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ реальное содержаніе проблемы «вмѣненія».

Калькуляція знаетъ только цѣны: она отправляется отъ цѣнъ и приходитъ къ цѣнамъ. Ничего кромѣ цѣнъ!—это есть лозунгъ калькуляціи и таковъ же долженъ быть лозунгъ всей реалистической или эмпирической политической экономіи, поскольку она есть теоретическая наука и занимается тѣмъ, что есть въ дѣйствительности. Ибо въ хозяйственной дѣйствительности все по-

---

[13]) Что вмѣненіе тождественно съ калькуляціей—это ясно понимаютъ и отчетливо выражаютъ теоретики австрійской школы. Ср. Fr. von Wieser. Der natürliche Wert. Wien 1889, SS. 70 72 (это мѣсто можно найти въ русскихъ изложеніяхъ взглядовъ Визера, напр. у г. Солнцева, цит. ниже сочиненіе стр. 131, и у г. Шапошникова, цит. ниже сочиненіе, стр. 206 и 207); Fr. Kleinwächter jun. Das Wesen der städtlichen Grundrente. Leipzig 1912, SS. 110—114.

строяется изъ цѣнъ, какъ изъ основного феномена, къ которому восходятъ всѣ другіе феномены.

Отсюда очерчиваются границы самой проблемы вмѣненія. Вмѣненіе происходитъ въ экономической дѣйствительности въ мѣру эмпирически несомнѣннаго отнесенія извѣстныхъ приращеній выручки къ извѣстнымъ приращеніемъ затратъ.

Поскольку факторы или источники производства—земля, капиталъ, трудъ—суть элементы затратъ, къ нимъ могутъ и должны быть отнесены или имъ могутъ и должны быть вмѣнены извѣстныя приращенія выручки.

3. Но мы знаемъ, что проблема вмѣненія расширяется экономистами до проблемы отнесенія всего общественнаго дохода на счетъ отдѣльныхъ факторовъ производства, за которыми стоятъ индивидуально или соціально (какъ классы) мыслимые дестинатары общественнаго дохода.

Такова постановка проблемы вмѣненія у австрійской и у американской школы. Тутъ проблема вмѣненія расширяется до проблемы распредѣленія. Въ новѣйшее время ученія Визера и Кларка, двухъ самыхъ выдающихся представителей идеи «вмѣненія», излагались такъ часто и такъ извѣстны [14]), что намъ нѣтъ надобности цитатами изъ этихъ авторовъ устанавливать переходъ проблемы цѣнностнаго вмѣненія въ проблему распредѣленія общественнаго дохода. У Визера (а также у Менгера) замѣтны еще въ этомъ отношеніи неясности [15]). Кларкъ же съ великолѣпно-наивной ясностью отождествляетъ обѣ проблемы [16]).

---

[14]) На русскомъ языкѣ въ книгахъ М. Солнцева Заработная плата какъ проблема распредѣленія. СПБ. 1911 г., стр. 129—170 и Н. Н. Шапошникова. Теорія цѣнности и распредѣленія. Москва 1912 г., стр. 203—216.

[15]) Любопытно сопоставить слѣдующія мѣста въ Der natürliche Wert. S. 76 и SS. 77—79.

[16]) Предисловіе къ „The distribution of wealth“ открывается слѣдующимъ заявленіемъ: It is the purpose of this work to show that the distribution of the income of society is controlled by a natural law, and that this law. if it worked without friction, would give to every agent of production the amount of wealth which that agent creates. However wages may be adjusted by bargains freely made between individual men. the rates of pay that result from such transactions tend, it is here claimed. to equal that part of the product of industry which is traceable to the labor itself; and however interest may by adjusted by similarly free bargaining, it naturally tends to equal the fractional product that is se-

Возникаютъ вопросы: 1) правомѣрно ли такое отождествленіе? и 2) правомѣрна ли самая проблема распредѣленія такъ, какъ она ставится, т. е. есть ли въ экономической дѣйствительности налицо тѣ предпосылки, отъ которыхъ отправляется постановка этой проблемы? Вопросы эти должны быть обсуждаемы одинъ вмѣстѣ съ другимъ и ихъ обсужденіе, въ связи съ тѣмъ, что было установлено раньше, приведетъ насъ къ полному отрицанію нѣкоторыхъ традиціонныхъ проблемъ и путей политической экономіи и къ принципіально новой постановкѣ нѣкоторыхъ ея задачъ.

parately traceable to capital. At the point in the economic system where titles to property originate, — where labor and capital come into possession of the amounts that the state afterwards treats as their own, — the social procedure is true to the principle on which the right of property rests. So far as it is not obstructed, it assigns to every one what he has specifically produced.

Ср. изложеніе взглядовъ Кларка у Солнцева и Шапошникова.

Глава третья.

Проблема т. н. распредѣленія.

1. На какихъ предпосылкахъ основана концепція распредѣленія, какъ „дѣлежа", и какъ возникла проблема распредѣленія?—Концепція распредѣленія есть методическое упрощеніе дѣйствительности (стр. 56—58).— 2. Въ какой мѣрѣ правомѣрна такая методическая операція? — Необходимый „атомизмъ" политической экономіи.—Въ анализѣ взаимодѣйствія экономическихъ атомовъ въ качествѣ основного элемента выступаетъ цѣна. — Нѣсколько замѣчаній о математической дедукціи въ политической экономіи. — Проблема распредѣленія, какъ проблема образованія доходовъ изъ цѣнъ, есть проблема не номографическая, а идіографическая (стр. 58—61). 3. „Цѣна" и „деньги" какъ связанныя между собой понятія: для того, чтобы изъ субъективныхъ цѣнностей можно было бы вывести цѣны, необходимо предположить существованіе денегъ, а деньги предполагаютъ цѣны (стр. 64—70).

1. Самое представленіе, что общественный продуктъ какъ-то дѣлится, распредѣляется между общественными классами, либо въ мѣру ихъ объективнаго участія въ производствѣ, либо на основаніи какихъ-то «соціальныхъ» началъ распредѣленія, основано на двухъ предпосылкахъ.

Первая предпосылка заключается въ томъ, что процессъ сложенія доходовъ изъ цѣнъ можетъ быть представленъ какъ процессъ дѣленія какой-то массы вещей или цѣнностей между индивидами или классами, какъ какой-то *дѣлежъ*. Дѣлежъ предполагаетъ наличность дѣлимаго и дѣлителя. Но въ реальности отсутствуетъ самымъ несомнѣннымъ образомъ дѣлимое, какъ нѣчто данное. Процессъ сложенія доходовъ не есть распредѣленіе, а есть процессъ образованія цѣнъ, и доходы суть не доли заранѣе даннаго цѣлаго, а суть образующіяся изъ цѣнъ денежныя величины, суммированіе которыхъ составляетъ то, что называется общественнымъ продуктомъ или общественнымъ доходомъ. Представленіе о дѣленіяхъ есть представленіе фантастическое, можно сказать, поистинѣ миѳологическое.

Оно основано на подстановкѣ: 1) подъ цѣны нѣкоего вещнаго субстрата—натуральнаго (общественнаго или національнаго) продукта; 2) подъ сумму частно-хозяйственныхъ доходовъ, слагающихся изъ разнаго рода цѣнъ (вольныхъ и указныхъ) какого-то заранѣе даннаго соціальнаго (или національнаго) дивиденда, который какъ-то распредѣляется. Первая подстановка, суживаетъ всю область экономической жизни до сферы такъ называемаго производства, т. е. созданія вещей, которыя могутъ быть раздѣляемы. Но, какъ мы уже видѣли съ полной ясностью, ни «пріобрѣтеніе», ни «потребленіе» не можетъ быть замкнуто въ эту сферу: когда экономистъ отъ цѣнъ и ихъ суммы переходитъ къ «продукту» и его массѣ, онъ не расширяетъ, а искусственно и насильственно суживаетъ сферу экономическихъ явленій и тѣмъ самымъ поле своего экономическаго зрѣнія. Сумма экономической дѣятельности можетъ быть адэкватно выражена въ суммѣ цѣнъ, но не въ массѣ продукта. Что же касается соціальнаго дивиденда, то онъ слагается изъ частнохозяйственныхъ доходовъ, а не доходы опредѣляются на основаніи дѣлежа дивиденда, ибо внѣ суммированія частно-хозяйственныхъ доходовъ никакого соціальнаго дивиденда вообще не существуетъ.

Естественно поставить вопросъ: какъ возникла самая проблема распредѣленія какъ дѣлежа?

Нѣкоторыя чисто фактическія указанія даны намъ въ «Введеніи». Сейчасъ же мы ставимъ этотъ вопросъ не съ точки зрѣнія исторіи литературы и идей политической экономіи, не съ точки зрѣнія «Dogmengeschichte». Насъ интересуетъ нѣчто совсѣмъ другое: чѣмъ могла быть внушена постановка такой, на нашъ взглядъ, совершенно мнимой проблемы?

Здѣсь мы должны отвергнуть одно чисто психологическое объясненіе, само собой напрашивающееся, или по крайней мѣрѣ сильно ограничить значеніе такого объясненія. Идеѣ «дѣлежа» можетъ быть приписано чисто «прагматическое» [1]) значеніе, и происхожденіе ея связано съ соціализмомъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ Идея дѣлежа имѣетъ не прагматическое происхожденіе, возникаетъ не въ связи съ практическими тенденціями общественно-уравнительнаго

[1]) „Прагматическое" я разумѣю здѣсь въ смыслѣ прагматизма Джемса, т. е. въ смыслѣ ученія, возводящаго теоретическія представленія къ практическимъ мотивамъ дѣйствія въ жизни и ея устроеніи.

свойства — прагматическій, тенденціозно-практическій характеръ лишь впослѣдствіи къ ней присоединяется и притомъ одновременно,—съ противоположными знаками: отрицательнымъ, обличительно-пролетарскимъ и положительнымъ, апологетически-буржуазнымъ. Происхожденіе же этой идеи безкорыстно-методическое. Концепція, или схема распредѣленія, или дѣлежа есть методическое упрощеніе дѣйствительности, и какъ таковое она должна быть разсматриваема и оцѣниваема. Сознательно она и поддерживается въ настоящее время лишь какъ особый уголъ зрѣнія, или какъ особый методъ разсмотрѣнія общественно-экономическаго процесса.

Говоря о теоріи трудовой цѣнности,—наиболѣе характерномъ и наиболѣе послѣдовательномъ образцѣ теорій объективной цѣнности, какъ явленія лежащаго въ основѣ цѣны, мы тоже отмѣтили, что возникновеніе этого построенія восходитъ къ чисто теоретическому познавательному мотиву. Подставляя на мѣсто феномена цѣны или цѣнъ (величинъ, или значеній, многообразно и тѣмъ самымъ многозначно опредѣляемыхъ),—нѣкоторую ея подлинную основу, однозначно опредѣляемую цѣнность,—думали создать настоящую теорію, дойти до устойчивой экономической сути, или сущности явленія. Тутъ познавательный мотивъ упрощенія дѣйствительности приводилъ и приводитъ прямо къ матеріально-метафизическому построенію. Въ теоріи распредѣленія тотъ же мотивъ упрощенія ради познанія приводитъ не къ метафизическому построенію, а къ конструкціи, которую можно назвать методической фикціей. Подставляя на мѣсто суммы цѣнъ, получающейся въ процессѣ ихъ образованія, соціальный дивидендъ, на мѣсто системы взаимодѣйствующихъ хозяйствъ — какое-то общественное хозяйство, думали, преодолѣвъ атомистическую стихійность и безсвязность, неорганизованность процесса, сразу проникнуть въ суть явленій.

2. Возникаетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ правомѣрна такая методическая операція, подставляющая на мѣсто одного построенія, отвѣчающаго въ общемъ и цѣломъ дѣйствительному явленію, интуитивно нами воспринимаемому, другую конструкцію, его образъ въ существенныхъ чертахъ измѣняющую или даже извращающую? Вопросъ этотъ требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія.

Прежде всего, его постановка возвращаетъ насъ къ нашимъ систематическимъ построеніямъ перваго отдѣла. Тамъ мы постро-

или точное и ясное понятіе хозяйства и на основаніи этого понятія установили три типа хозяйственнаго строя. Система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ есть «система», а не «единство» и мыслить ее какъ послѣднее значитъ извращать или погашать ея существо. Такая подстановка не только не можетъ быть методически оправдана,—она, наоборотъ, методически возбраняется. Единичное, подлинное хозяйство и взаимодѣйствіе такихъ хозяйствъ—этими моментами исчерпывается весь строй народнаго, общественнаго или иного «хозяйства», какъ чисто экономическаго явленія-процесса. Цѣлое тутъ создается взаимодѣйствіемъ элементовъ, а не дано ранѣе этого взаимодѣйствія, какъ предполагаетъ разбираемая нами методическая фикція. Поскольку «цѣлое» дано ранѣе взаимодѣйствія элементовъ,—оно означаетъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, на что направляется теорія т. н. распредѣленія. Несостоятельность т. н. соціально-органическаго метода или, какъ мы предложили бы говорить, универсалистическаго пониманія общественно-экономическаго процесса обусловливается именно тѣмъ, что связь элементовъ въ этомъ процессѣ исходитъ не отъ цѣлаго, не въ немъ заложена, а создается взаимодѣйствіемъ элементовъ, игрою ихъ силъ. Поскольку же связь создается не взаимодѣйствіемъ элементовъ, самая эта связь носитъ характеръ не экономическій, а означаетъ воздѣйствіе на процессъ взаимоотношенія хозяйствъ тѣхъ или иныхъ соціальныхъ единствъ въ строгомъ смыслѣ слова (государства, корпорацій и т. п.). «Атомизмъ» политической экономіи, о которомъ такъ много говорилось и который схема «распредѣленія» стремится насильственно-методически преодолѣть, есть потому необходимая методическая предпосылка этой науки, что «атомы» и «атомное» строеніе есть опредѣляющій реальный моментъ того хозяйственнаго строя, разсмотрѣніемъ котораго занимается политическая экономія. Объектомъ политической экономіи является облеченное въ юридическую форму гражданскаго самоопредѣленія взаимодѣйствіе экономическихъ «атомовъ», подлинныхъ хозяйствъ. Преодолѣть «атомизмъ» политической экономіи можно лишь практически, измѣняя самое реальное явленіе процесса, превращая систему хозяйствъ въ общество-хозяйство. Слѣдуетъ ли это дѣлать,—этотъ вопросъ лежитъ внѣ области науки, рѣшается въ той инстанціи, къ которой восходятъ и предъ которой должны быть оправдываемы наши идеалы, и въ томъ числѣ—идеалъ соціалистическій.

Второй предпосылкой схемы «распредѣленія» является понятіе классовъ, какъ общественныхъ дѣленій, напередъ опредѣляющихъ ѣлежъ продукта или дохода. Понятіе класса представляетъ труднѣйшую проблему соціологіи, неизбѣжно требующую привлеченія гносеологическихъ соображеній. Здѣсь не мѣсто развертывать эту проблему въ полномъ ея объемѣ. Для нашей цѣли достаточно установить, что понятіе соціальнаго класса, которымъ оперируетъ политическая экономія, есть производное понятія дохода, а не наоборотъ: доходъ опредѣляетъ классъ, а не классъ опредѣляетъ доходъ. Рабочій классъ есть совокупность получателей заработной платы, какъ опредѣленно понимаемаго вида дохода. Не заработная плата характеризуется или опредѣляется общественнымъ дѣленіемъ, а общественное дѣленіе, рабочій классъ опредѣляется видомъ общественнаго дохода. Тоже еще болѣе примѣнимо къ классу капиталистовъ - предпринимателей и къ отграниченію его отъ класса капиталистовъ-рантье. Такимъ образомъ, понятіе соціальнаго класса не можетъ быть положено въ основу объясненія процесса т. н. распредѣленія общественнаго дохода.

Понятіе соціальнаго класса можетъ быть связано съ понятіемъ не дохода, а съ понятіемъ богатства. Поскольку можно установить такую связь, классъ становится категоріей, не производной отъ дохода. Не станетъ ли тогда возможнымъ разрѣшеніе проблемы распредѣленія?

Увы, именно эта постановка «богатства» на мѣсто дохода возвращаетъ насъ къ знаменитой, не безъ основанія осмѣянной Марксомъ, троичной формулѣ: земля, капиталъ, трудъ, т.-е. къ ученію, что соотвѣтственно объективному «естественному» участію разныхъ «факторовъ», или «силъ», или «источниковъ» въ производствѣ, продуктъ распредѣляется между общественными группами, которыя являются человѣческими представителями этихъ факторовъ. Другими словами, замѣна категоріи дохода категоріей богатства въ опредѣленіи соціальнаго класса означаетъ не что иное, какъ утвержденіе, что распредѣленіе «богатства» обусловливаетъ собой распредѣленіе общественнаго продукта, или общественнаго дохода. Такое утвержденіе не можетъ быть поддерживаемо въ той абсолютной формѣ, которую ему придавала теорія производительныхъ услугъ и теорія вмѣненія, расширенная до теоріи распредѣленія. Въ скромной же формѣ

указанія, что распредѣленіе богатства имѣетъ болѣе или менѣе существенное значеніе для распредѣленія дохода, подобное утвержденіе не можетъ претендовать на значеніе теоріи. Если бы производительное участіе въ процессѣ созданія полезностей земли, капитала, труда дѣйствительно опредѣляло доли землевладѣльцевъ, капиталистовъ, предпринимателей, рабочихъ въ суммѣ доходовъ, то мы имѣли бы ключъ къ загадкѣ распредѣленія, но вѣдь мы знаемъ, что сумма доходовъ слагается въ процессѣ образованія цѣнъ, протекающемъ въ взаимодѣйствіи продавцевъ и покупателей, принимающемъ часто характеръ ожесточенной борьбы за цѣны и зависящемъ отъ конкретныхъ соотношеній, въ которыхъ данное распредѣленіе богатства играетъ роль лишь одного изъ факторовъ. Нельзя къ тому же не настаивать на томъ, что въ конечномъ счетѣ экономически не земля и капиталъ источаютъ доходы, а доходы, образующіеся изъ цѣнъ, созидаютъ капиталы [2]). Это опредѣляется тѣмъ, что въ области экономики основное значеніе принадлежитъ не прошлому, а настоящему и, что часто игнорируется, предвидимому и учитываемому будущему.

Отвлеченной теоріи распредѣленія быть не можетъ, потому что отъ абстрактныхъ соображеній о роли факторовъ производства въ процессѣ созданія полезностей и отъ общаго положенія, что распредѣленіе богатства вліяетъ на образованіе доходовъ, нѣтъ прямого перехода къ конкретному процессу образованія цѣнъ, изъ которыхъ слагаются доходы. Нѣтъ прямого перехода прежде всего потому, что во взаимодѣйствіи «атомовъ» хозяйственной жизни возникаютъ новыя явленія, не выводимыя цѣликомъ изъ того, что даетъ анализъ атома «хозяйство». Въ силу этого взаимодѣйствіе атомовъ существенно отлично отъ того, что анализъ открываетъ въ каждомъ хозяйствѣ, какъ таковомъ.

При анализѣ экономическаго «атома» — отдѣльнаго хозяйства — имѣетъ смыслъ отъ полезностей-субъективныхъ цѣнностей восходить къ факторамъ производства, т. е. изъ полезностей дедуцировать ихъ факторы и затѣмъ обратно изъ факторовъ дедуцировать полезности, относя ихъ къ соучастію разныхъ, раздѣльно существующихъ, раздѣльно воспринимаемыхъ факторовъ.

Но разсматривая взаимодѣйствіе экономическихъ «атомовъ», мы въ качествѣ первичнаго и единственнаго основного эле-

[2]) На этомъ намъ еще придется остановиться.

мента имѣемъ цѣну. Изъ цѣнъ реально слагаются доходы, изъ доходовъ реально построяются капиталы (въ томъ числѣ, на чемъ правильно настаиваетъ школа Вальраса и американская политическая экономія, и земля).

Цѣна не есть отвлеченно формулируемая категорія, не есть даже построяемое, или постулируемое явленіе («вспомогательное понятіе»), какъ «атомъ» физики или химіи [3]). Цѣна для экономиста есть непосредственно ему данное «значеніе», опредѣленное въ данное время въ данномъ мѣстѣ. Между тѣмъ «уравненія обмѣна», при помощи которыхъ можетъ подойти къ опредѣленію цѣнъ математическая школа политической экономіи для того, чтобы затѣмъ, на основаніи этихъ цѣнъ рѣшить проблему распредѣленія, на самомъ дѣлѣ «объемлютъ функціи неопредѣленныя и неопредѣлимыя» [4]). Оставляя въ сторонѣ фактъ, цѣну, математическая экономія построяетъ цѣпь дедукцій, которыя не могутъ быть подтверждены фактами и не могутъ привести къ познанію фактовъ.

Несостоятельность математической политической экономіи, вѣрнѣе неадэкватность математической дедукціи тѣмъ задачамъ, которыя ей ставятся, налицо тамъ и постольку, гдѣ и поскольку математическая экономія примѣняетъ «количественныя разсужденія къ вещамъ, которыя не суть количества, потому что онѣ неизмѣримы» [3а]). Полезности и субъективныя цѣнности сами по себѣ несоизмѣримы съ точки зрѣнія взаимодѣйствія нѣсколькихъ хозяйствующихъ субъектовъ. Субъективныя цѣнности соизмѣримы лишь внутри сознанія одного даннаго субъекта, поскольку этотъ субъектъ сознательно для упорядоченія и раціонализаціи своей

[3]) Впрочемъ современная физика склонна разсматривать атомъ какъ нѣкую реальность, а не какъ „вспомогательное понятіе“. „Атомы не менѣе и не болѣе реальны, нежели небесныя тѣла или окружающіе насъ земные предметы“ (Планкъ цит. у А. А. Чупрова: „Законъ большихъ чиселъ въ современной наукѣ“ въ „Статистическомъ Вѣстникѣ“ № 1—2, стр. 7).

[4]) Выраженіе Ф. Симіана въ цит. ниже книгѣ.

[3а]) Выраженіе извѣстнаго французскаго математика Пэнлэвэ (Painlevé) въ его предисловіи къ французскому переводу Джевонса. La théorie de l’économie politique. Traduit par Barrault et Alfassa avec préface Paul de Painlevé p. XII—XIII. Въ виду большого значенія этого предисловія и авторитетности его автора мы даемъ его полный переводъ въ приложеніи.

хозяйственной дѣятельности можетъ сравнивать проявленія своихъ потребностей по ихъ интенсивности.

Для нѣсколькихъ хозяйствующихъ субъектовъ измѣримость полезностей и тѣмъ самымъ ихъ соизмѣримость создается актомъ обмѣна, т. е. въ тотъ моментъ, когда субъективныя цѣнности при посредствѣ денегъ превращаются въ цѣны.

Изъ двухъ положеній, что цѣны суть данныя, т. е. вполнѣ опредѣленныя значенія, пріуроченныя къ данному моменту во времени и къ данному мѣсту въ пространствѣ, и что всѣ явленія взаимодѣйствія, или системы «хозяйствъ», какъ таковыя, суть производныя цѣны, исходятъ отъ цѣнъ и къ нимъ приводятъ, слѣдуетъ для проблемы распредѣленія чрезвычайно важный и рѣшающій методическій выводъ, который мы формулируемъ такъ:

П р о б л е м а р а с п р е д ѣ л е н і я, к а к ъ п р о б л е м а о б р а з о в а н і я д о х о д о в ъ и з ъ ц ѣ н ъ, е с т ь, в ы р а ж а я с ь в ъ т е р м и н а х ъ В и н д е л ь б а н д а, в и д о и з м ѣ н е н н ы х ъ А. А. Ч у п р о в ы м ъ, п р о б л е м а н е н о м о г р а ф и ч е с к а я, а и д і о г р а ф и ч е с к а я [5a]).

На это можно возразить, что взаимодѣйствіе хозяйствъ, повидимому, должно въ абстрактной формѣ допускать номографическое рѣшеніе проблемы образованія цѣнъ и изъ нихъ доходовъ. Поскольку цѣны однозначно опредѣляются, такое рѣшеніе, конечно, возможно, съ существенными, впрочемъ, оговорками.

Въ общей формѣ, изъ субъективныхъ оцѣнокъ и ихъ столкновенія, или взаимодѣйствія могутъ быть выведены нѣкоторыя положенія о цѣнѣ. Однако эти общія положенія чрезвычайно скудны и реальнаго процесса образованія цѣнъ нисколько не объясняютъ и не выражаютъ. Ученія о полезности, какъ основѣ субъективной цѣнности, и о цѣнѣ, какъ производной субъективныхъ оцѣнокъ, могутъ быть полезны какъ психологическій комментарій къ точному идіографическому описанію реальнаго процесса образованія цѣнъ, но замѣнить такого описанія они не могутъ. Болѣе того, только поставленныя въ связь съ идіографическимъ описаніемъ, эти общія ученія, которыя можно уподобить знанію номографическаго характера въ другихъ обла-

[5a]) О различеніи наукъ номографическихъ и идіографическихъ, въ основахъ своихъ восходящемъ къ построеніямъ Виндельбанда и Риккерта, всего лучше оріентируетъ теперь книга А. А. Чупрова: Очерки по теоріи статистики (второе изданіе 1910 г).

стяхъ, могутъ обнаружить всю свою производительность для науки о хозяйственной жизни.

Безъ такого сочетанія раздуваемыя въ широковѣщательныя, хотя бы и облеченныя въ математическую форму, дедукціи, онѣ всегда будутъ передъ критическимъ взглядомъ положительнаго изслѣдованія являться «методологическимъ скандаломъ» [5c]).

3. Правда, обычно говорятъ, что цѣны (цѣнности) необходимо вывести изъ какого-нибудь одного начала. Предлагаются два начала: субъективное (предѣльная полезность) и трудовыя затраты. О второмъ началѣ нечего говорить: для реальнаго разсмотрѣнія трудъ предстоитъ во образѣ цѣнъ, и сторонники трудовой теоріи въ ея считающейся съ фактами обрисовкѣ вынуждены цѣны опредѣлять изъ доходовъ, которые совершенно очевиднымъ образомъ восходятъ къ вольнымъ и указнымъ цѣнамъ [6]).

[5c]) F. Simiand: La methode positive en science economique. Paris 1912, p. 130: „Экономисты-математики не колеблются придавать значеніе науки (valeur de science) своимъ гипотетическимъ конструкціямъ прежде, чѣмъ онп провѣрены фактами, безъ того, чтобы они были на нихъ провѣрены, и даже тогда, когда они по меньшей мѣрѣ частью фактовъ опровергаются. И не будетъ преувеличеніемъ обличать это какъ методологическій скандалъ въ наукѣ, которая ставитъ себѣ задачей объяснить нѣкую реальность". Однако по существу всѣ наши замѣчанія относятся не къ математической формѣ дедукціи, а къ чрезмѣрному значенію, приписываемому дедукціи какъ таковой, независимо отъ формы, въ которую она облечена. Однимъ изъ достоинствъ книги Шумпетера слѣдуетъ признать ту откровенность, съ которой онъ очерчиваетъ дедуктивно-математическую политическую экономію, какъ нѣчто „далекое отъ действительности" (ein wirklichkeitsfremdes Gebilde, l. c. S. 272), сведенное къ нѣкоторымъ положеніямъ о мѣновыхъ пропорціяхъ какъ количествахъ. Но зато это и есть политическая экономія безъ человѣка, опирающаяся на уподобленіе законовъ экономическаго равновѣсія принципамъ статической механики. А такое уподобленіе—какъ говоритъ Пэнлевэ—„имѣетъ до сихъ поръ значеніе лишь словесной фигуры".

[6]) Въ этомъ отношеніи весьма характерны выводы, къ которымъ пришелъ А. А. Мануиловъ въ книгѣ „Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы". Москва 1901 г. Непонятно только, какъ Мануиловъ, установивъ, что „ученіе Рикардо о цѣнности представляется убѣдительнымъ только при томъ условіи, что доходы могутъ вліять на цѣны" (стр. 214), предпочитаетъ ученіе Рикардо теоріи предѣльной полезности, ибо тѣми же недостатками, которые присущи, по мнѣнію Мануилова, субъективной теоріи (стр. 41), еще въ большей мѣрѣ поражено ученіе Рикардо, такъ какъ вполнѣ очевидно, что доходы либо слагаются изъ цѣнъ, либо суть прямо цѣны.

Итакъ, говорятъ, что цѣны нельзя выводить изъ цѣнъ. На это мы скажемъ, что цѣну вообще нельзя ни откуда вывести — именно въ силу того характера цѣны, на которомъ мы настаиваемъ, а именно, что она есть нѣкая реальная данность. Въ реальномъ процессѣ обмѣна моменты субъективные, изъ которыхъ обычно дедуцируется цѣна, и моментъ денегъ суть фактическія посылки, изъ которыхъ должно исходить разсужденіе. Субъективные процессы оцѣнки въ системѣ хозяйствъ прислоняются къ объективному факту — деньгамъ. А деньги по самому своему понятію предполагаютъ другой фактъ—цѣну. Лишь въ изолированномъ хозяйствѣ можно отвлечься отъ цѣнъ и денегъ. Это указаніе имѣетъ вообще принципіальное гносеологическое обоснованіе и значеніе. Всякое номографическое знаніе оперируетъ не только съ одними законами и отношеніями, у него есть и свои факты или данности, отъ которыхъ оно исходитъ.

Соотношеніе между знаніемъ идіографическимъ и знаніемъ номографическимъ опредѣляется не только какъ соотношеніе между познаніемъ «индивидуальнаго», опредѣленнаго во времени и пространствѣ, и познаніемъ законовъ и соотношеній, ко всѣмъ данностямъ примѣнимыхъ. Данности суть въ номографическомъ знаніи элементъ идіографическій. Для того, чтобы было возможно номографическое знаніе о данностяхъ,—данности должны быть идіографически разысканы или интуитивно даны.

Въ наиболѣе общей схемѣ соотношеніе идіографическаго и номографическаго элемента въ самомъ номографическомъ знаніи можетъ быть представлено такъ: законы и отношенія отправляются отъ данностей; они ведутъ отъ одной данности къ другой. Номографическое знаніе есть какъ бы линія, прерываемая узлами данностей.

Данности эти могутъ быть данностями не ариѳметическими, а алгебраическими: характеръ ихъ, какъ данностей, опредѣляется тѣмъ, что для дедукціи, или для нашихъ уравненій они должны быть даны какъ извѣстныя величины, а не подлежатъ выведенію въ качествѣ неизвѣстныхъ.

Слабый пунктъ субъективной теоріи цѣны-цѣнности, на который постоянно указываютъ ея противники, заключается въ неспособности перескочить черезъ эти факты, или данности, каковыми являются цѣна и деньги.

Для того, чтобы для каждаго хозяйствующаго субъекта и для каждаго блага цѣна была равна отношенію между предѣльными

полезностями обмѣниваемыхъ благъ и для того, чтобы это имѣло силу для всѣхъ благъ и для всѣхъ участниковъ мѣны, отвлеченно-необходимо. чтобы существовало на рынкѣ благо, которое служило бы для цѣлей дальнѣйшаго обмѣна, т. е. необходимы деньги [7]). Другими словами, для того, чтобы изъ субъективныхъ

[7]) Это разъяснено Шумпетеромъ вслѣдъ за Вальрасомъ. Schumpeter. Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig. 1908, SS. 273—276: „Мы сказали, что для всякаго хозяйствующаго субъекта и для всякаго блага цѣна должна быть равна отношенію предѣльныхъ полезностей обмѣниваемыхъ благъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ. Однако, дабы установился нашъ уровень предѣльной полезности, должно привзойти еще нѣчто. Недостаточно, чтобы указанная формула была осуществлена для каждаго отдѣльнаго блага—нужно нѣчто большее. чтобы цѣны всѣхъ отдѣльныхъ товаровъ находились въ опредѣленномъ отношеніи другъ къ другу, а именно относились такъ какъ предѣльныя полезности тѣхъ благъ, для которыхъ эти цѣны имѣютъ силу. Это само по себѣ отнюдь не заключено уже въ формулированномъ выше предложеніи, если его выразить такъ, какъ мы сдѣлали, но составляетъ дальнѣйшее условіе состоянія равновѣсія... Это легко замѣтить, если разсматривать измѣненія количествъ каждаго блага, отдѣльно взятаго. Если какой-либо хозяйствующій субъектъ сперва обмѣниваетъ благо A на благо B и затѣмъ благо C на благо D, то, конечно, мѣновая пропорція A и B и C и D должна быть равна отношенію предѣльныхъ полезностей A и B въ первомъ случаѣ и C и D во второмъ случаѣ. Но соотношеніе между этими двумя мѣновыми пропорціями непосредственно не усматривается (aber eine Beziehung zwischen diesen beiden Tauschrelationen scheint prima vista nicht zu bestehen). Такое соотношеніе обнаруживается лишь тогда, когда мы къ этимъ обоимъ случаямъ примѣнимъ одно и то же мѣрило цѣнности. Предположимъ, что нашъ индивидъ обмѣниваетъ лишь одно благо, напримѣръ, A на B и D—тогда оба эти случая могутъ быть сравниваемы. Если ему одна единица B „стоитъ" три единицы A и одна единица D четыре единицы A, то, значитъ, цѣна B, выраженная въ A, равняется тремъ; цѣна же D, выраженная въ A, равняется четыремъ. И, стало быть, если это суть цѣны состоянія равновѣсія, то, значитъ, отношеніе предѣльныхъ полезностей A къ B равняется одной трети, A къ D равняется одной четверти. Въ тоже время мы видимъ, что цѣны B и D, выраженныя въ A, три и четыре должны относиться другъ къ другу, какъ предѣльныя полезности A и D, т. е. тоже какъ три къ четыремъ. Иначе не наступило бы состояніе удовлетворенія. Въ самомъ, дѣлѣ примемъ, что цѣны B и D относятся другъ къ другу не такъ, напримѣръ, какъ три къ шести, между тѣмъ какъ отношеніе предѣльныхъ полезностей B къ D остается неизмѣнно равнымъ тремъ четвертямъ, и посмотримъ, что выйдетъ. Если нашъ индивидъ продастъ единицу D, то онъ сможетъ пріобрѣсть двѣ единицы B за выручку въ A, т. е. сможетъ получить большую выгоду

цѣнностей можно было бы вывести цѣны, необходимо предположить существованіе денегъ. А деньги предполагаютъ цѣны. Исторически же, какъ мы показали выше (см. часть I, стр. 315—321), деньги предполагаютъ «цѣнностныя скалы», т. е. нормы платежа.

Такимъ образомъ въ основѣ номографическаго знанія, заключеннаго въ ученіи о субъективной цѣнности, лежатъ двѣ тѣсно связанныя одна съ другой данности—цѣна и деньги. Теорія

(einen grösseren Nutzgewinn), чѣмъ если бы онъ удержалъ эту единицу D. Онъ, стало быть, будетъ дѣлать это и не успокоится до тѣхъ поръ, пока возможность получать такую выгоду не исчезнетъ, т. е. пока указанное выше отношеніе между цѣнами обоихъ благъ не будетъ осуществлено. И вотъ возникаетъ вопросъ: можетъ ли вообще наступить такой случай, можетъ ли, для достиженія возможнаго при данныхъ обстоятельствахъ максимума пользы, понадобиться такой обходный путь, такое пріобрѣтеніе благъ исключительно въ цѣляхъ дальнѣйшаго обмѣна? Не можетъ подлежать сомнѣнію, что на этотъ вопросъ долженъ быть данъ положительный отвѣтъ. Почему не смогутъ на рынкѣ установиться цѣны благъ B и D = „$3A$" и „$6A$", между тѣмъ какъ есть индивиды, для которыхъ отношеніе предѣльныхъ полезностей между благомъ B и D равно тремъ четвертямъ? И всѣ эти индивиды, а засимъ всѣ тѣ, которые находятся въ аналогичномъ положеніи, не будутъ тогда въ состояніи прямымъ обмѣномъ благъ, которыми они владѣютъ, на тѣ, которые они желаютъ пріобрѣсти, достигнуть того состоянія, которое изображается нашимъ закономъ объ уровнѣ предѣльныхъ полезностей. И они должны и будутъ пріобрѣтать количества благъ, въ которыхъ они не нуждаются, исключительно для того, чтобы снова обмѣнивать на тѣ, въ которыхъ они дѣйствительно нуждаются. Лишь такимъ путемъ можетъ быть достигнуто то отношеніе между цѣнами, которое требуется для существованія нашего максимума пользы. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій ясно, что этотъ случай встрѣчается чрезвычайно часто и мы видимъ, что непрямой обмѣнъ долженъ быть необходимымъ элементомъ механизма всякаго рынка, на которомъ обмѣнивается болѣе чѣмъ два товара. Можно было бы сказать, что на такомъ рынкѣ безъ непрямого обмѣна не могло бы быть свободной конкурренціи, что онъ необходимъ для ея наличности. Поэтому существуетъ и долженъ существовать въ огромномъ большинствѣ случаевъ спросъ на одно или нѣсколько благъ, который объясняется не „потребностями" въ узкомъ смыслѣ, а лишь техническими необходимостями рынка.... Если мы спросимъ себя, что же въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ тому, что мы только-что вывели, то отвѣтъ будетъ гласить: феноменъ денегъ".

Шумпетеръ думаетъ, что онъ дедуцируетъ деньги изъ столкновенія субъективныхъ оцѣнокъ, но на самомъ дѣлѣ онъ тутъ вскрываетъ деньги какъ данность, безъ которой невозможно самое теоретическое представленіе о состояніи равновѣсія въ обмѣнѣ.

субъективной цѣнности въ приложенiи къ системѣ хозяйствъ не объясняетъ цѣну и деньги, а въ связи съ данными ей—цѣной и деньгами даетъ отвлеченную схему измѣненiй цѣнъ.

Въ этомъ смыслѣ должно быть ограничено то, что сказано выше (ч. I, стр. 18) о методологическомъ единствѣ категорiй хозяйственныхъ и междухозяйственныхъ и о дедукцiи основной междухозяйственной категорiи — цѣны изъ субъективной цѣнности. Дедукцiя эта встрѣчаетъ на своемъ пути деньги, и тѣмъ самымъ и цѣну, какъ нѣкiя данности.

Такимъ образомъ понятiя:

I. Хозяйственное благо.
II. Цѣна-цѣнность.
III. Деньги

одно безъ другого держаться не могутъ.

Обычно ихъ логическiй порядокъ устанавливается такъ, какъ это нами только-что представлено, но порядокъ этотъ можно смѣло перевернуть:

I. Деньги.
II. Цѣна-цѣнность.
III. Хозяйственное благо.

Ибо во всѣхъ этихъ трехъ понятiяхъ передъ нами лишь разные аспекты единаго по существу явленiя. Эти разные аспекты суть въ то же время для непосредственнаго наблюденiя и эмпирическаго изслѣдованiя экономиста три основныя данности.

Безъ идеи измѣренiя, измѣримости, сравнимости, которое есть существо денегъ, не могутъ быть мыслимы экономическiя понятiя цѣны-цѣнности и блага. Но и наоборотъ: деньги, какъ специфическое явленiе всеобщаго орудiя мѣны и платежа, есть лишь воплощенiе идеи измѣримости благъ, находящихся въ оборотѣ и получающихъ цѣну. Это ясно изъ всѣхъ соцiалистическихъ проектовъ отмѣны, или реформы денегъ, которые теоретически тѣмъ интересны, что они устанавливаютъ именно—неупразднимость денегъ [8]). Соцiализмъ можетъ упразднить частную собственность,

---

[8]) О соцiалистическихъ системахъ обмѣна существуетъ спецiальная французская монографiя: Marc Aucuy. Les systèmes socialistes d'échange Thèse pour le doctorat, Paris 1907. Авторъ всецѣло стоитъ на почвѣ самаго наивнаго „металлизма". Понимание денегъ, которое развиваю я, заключаетъ окончательное теоретическое оправданiе номинализма, ко-

можетъ устранить свободу оборота, но не можетъ упразднить ни денегъ, ни цѣнъ, ибо самая идея «справедливаго распредѣленія» благъ предполагаетъ ихъ измѣримость и требуетъ ихъ измѣренія [9]).

Та реальная проблема распредѣленія, которая сводится къ проблемѣ образованія доходовъ изъ цѣнъ, не только должна оперировать съ цѣной, какъ съ алгебраической данностью. Въ проблемѣ распредѣленія нашъ интересъ прикрѣпляется къ тому, что опредѣлено во времени и въ пространствѣ, ибо въ зависимости отъ опредѣленныхъ данныхъ цѣлыя категоріи доходовъ могутъ быть налицо или отсутствовать. Нѣтъ вовсе отвлеченной необходимости, чтобы всегда образовывалась земельная рента, еще меньше, чтобы получалась прибыль; заработная плата перестаетъ существовать, когда наниматель отпускаетъ наемнаго рабочаго—по его ненужности для хозяйственныхъ цѣлей нанимателя. Точно также ни изъ какихъ отвлеченныхъ положеній не можетъ быть выведенъ ни абсолютный размѣръ, ни извѣстное соотношеніе цѣлыхъ группъ доходовъ. Нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы заработная плата устанавливалась на опредѣленномъ уровнѣ; еще болѣе это явствуетъ въ отношеніи къ «рентѣ» и «прибыли». Въ этомъ отношеніи субъективная цѣнность и цѣна глубочайшимъ образомъ отличны отъ прибыли и ренты. Ни въ какой моментъ хо-

торый однако вовсе не долженъ быть „государственнымъ" пониманіемъ денегъ. Въ функціональномъ существѣ денегъ, какъ орудія цѣнностнаго измѣренія, заключается возможность денегъ только „номинальныхъ". Особый, теоретически и исторически чрезвычайно любопытный, видъ денегъ, „номинальныхъ" и „металлическихъ" въ одно и то же время, представляетъ т. н. талеръ Маріи Терезіи у арабовъ-бедуиновъ. Ср. фактически весьма обстоятельную, исчерпывающую, но теоретически слабую монографію: Marcel-Maurice Fischel. Le Thaler de Marie-Thérèse. Etude de sociologie et d'histoire economique. Paris 1912.

[9]) Совершенно правильно поэтому замѣчаетъ Парето. Manuel d'économie politique. Paris, 1909, p. 211: „Даже если бы соціалистическое государство уничтожило всякую возможность обмѣна, если бы оно препятствовало всякой куплѣ-продажѣ, цѣны отъ этого не исчезли бы; онѣ остались бы по меньшей мѣрѣ какъ средство учета для распредѣленія товаровъ и ихъ преобразованій. Употребленіе цѣнъ есть самое простое и легко средство для разрѣшенія уравненій обмѣна и если бы люди стали намѣренно воздерживаться отъ примѣненія этого средства, вѣроятно дѣло кончилось бы все-таки его употребленіемъ подъ другимъ именемъ и мы бы имѣли чисто словесное измѣненіе, суть дѣла осталась бы прежней".

зяйственной жизни не могутъ совершенно отсутствовать субъективныя хозяйственныя оцѣнки, а разъ дана «система хозяйствъ», или обмѣнъ—никогда не можетъ отсутствовать цѣна. Но лишь при опредѣленномъ соотношенiи цѣнъ реализуются какъ рента, такъ и прибыль, лишь при извѣстныхъ количественныхъ предпосылкахъ о цѣнахъ они получаютъ бытiе. Въ этомъ выражается первичный характеръ цѣны. Цѣна и абстрактно есть основная экономическая (междухозяйственная) категорiя, и конкретно она есть основное данное, изъ котораго строится вся экономическая дѣйствительность и которое должно быть положено въ основу всякаго экономическаго описанiя.

Глава четвертая.

Идіографія хозяйственной жизни какъ методическое требованіе и научная программа. (Политическая экономія и бухгалтерія).

1. Два положенія, имѣющія руководящее значеніе для экономической идіографіи (стр. 71—72). 2. Вопросъ о соотношеніи между политической экономіей и бухгалтеріей. Два ряда записей бухгалтеріи (стр. 72—73). 3. Оцѣнка капитала, назначеннаго для производства. Три возможныя рѣшенія (стр. 73—75). 4. Съ точки зрѣнія практическихъ заданій бухгалтеріи всѣ оцѣнки должны быть возводимы къ фактически уплаченнымъ цѣнамъ. Критика подчиненія бухгалтерской оцѣнки теоретическому понятію цѣнности (стр. 75—79). 5. Оцѣночныя данныя въ бухгалтеріи. Т. н. „списываніе", какъ цѣнностное выраженіе натуральнаго факта производственной траты внутри даннаго хозяйства. Раціональный методъ списыванія (стр. 79—83). 6. Практическое несовершенство бухгалтерскихъ операцій вообще и списыванія, въ частности, не колеблетъ основного значенія бухгалтеріи для статистической идіографіи хозяйственной жизни. Идея частнохозяйственной статистики. Значеніе осознанія бухгалтеріи, какъ преддверья экономической статистики (стр. 83—88).

1. Задача идіографическаго изученія хозяйственной жизни, какъ методическое требованіе-программа, до сихъ поръ не ставилась съ полной ясностью. Много, конечно, говорилось объ описательной политической экономіи, противъ абстрактнаго метода и противъ дедукціи. Но этотъ описательный историзмъ именно тѣмъ былъ слабъ, что онъ не опирался на ясныя методическія начала, не строилъ точныхъ теоретическихъ понятій, сочетался съ внесеніемъ этической точки зрѣнія въ политическую экономію и съ двусмысленной полемикой противъ «атомизма». Настоящая экономическая идіографія, въ отличіе отъ безыдейнаго эмпиризма и неяснаго историзма, должна отправляться отъ двухъ руководящихъ методическихъ положеній:

I. Основнымъ объектомъ, описаніе и категорическое исчисленіе котораго должно быть положено въ основу экономической науки, является отдѣльное подлинное хозяйство. Изъ взаимодѣйствія такихъ хозяйствъ, вѣдь, и образуется система хозяйствъ. Это есть тотъ методически необходимый атомизмъ всякой политической экономіи и экономической идіографіи въ частности, о которомъ мы уже говорили.

II. Основнымъ элементомъ самаго описанія и категорическаго исчисленія хозяйства и системы хозяйствъ должна быть признана цѣна. Какъ мы говорили, она идіографическому экономическому изслѣдованію непосредственно дана: исчерпывающее, въ предѣлахъ заданія, описаніе хозяйствъ и ихъ взаимодѣйствія, произведенное при помощи цѣны, какъ экономической «мѣры»,— такова въ общей формѣ методическая программа сознательно и послѣдовательно эмпирической политической экономіи.

2. Тутъ возникаетъ вопросъ о соотношеніи между политической экономіей и бухгалтеріей. Вопросъ этотъ есть предварительный методическій вопросъ всей эмпирической политической экономіи и долженъ быть поставленъ съ полною ясностью [1]).

Бухгалтерія есть регистрація въ денежныхъ значеніяхъ состоянія и движенія хозяйства въ нормальномъ смыслѣ. Матеріалъ бухгалтеріи распадается съ интересующей насъ чисто экономической точки зрѣнія—на два ряда записей:

[1]) Нѣсколько лѣтъ обдумывая эту проблему, къ постановкѣ которой я пришелъ черезъ критику 1) универсалистическаго понятія „народнаго хозяйства", 2) понятія цѣнности, какъ понятія опредѣляющаго понятіе цѣны, а не наоборотъ, отъ понятія цѣны производнаго, я совершенно самостоятельно въ нѣкоторыхъ пунктахъ сошелся съ цѣлымъ научнымъ движеніемъ, медленно подготовлявшимся въ Германіи и приведшимъ къ близкимъ къ нѣкоторымъ моимъ взглядамъ построеніямъ школы Эренберга и тѣхъ теченій, отъ Эренберга вполнѣ или отчасти независимыхъ, которыя выразились въ постановкѣ проблемы ученія о частномъ хозяйствѣ (Вейерманнъ-Шенитцъ и нѣкоторые другіе). Указывая на это совпаденіе своихъ и чужихъ воззрѣній,—я предпочитаю сперва дать систематическое изложеніе своего пониманія вопроса, а затѣмъ въ экскурсахъ разсмотрѣть чужія взгляды, какъ они выразились въ литературѣ, тѣмъ болѣе, что мои собственныя идеи, соотвѣтственно ихъ происхожденію изъ цѣльной критики нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи, обосновываются и формулируются совершенно иначе, чѣмъ воззрѣнія Эренберга и сторонниковъ Privatswirtschaftslehre. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я иду гораздо дальше, и, какъ мнѣ кажется, ставлю задачи болѣе широкія. Съ нѣмецкой литературой, о которой тутъ идетъ рѣчь, я ознакомился тогда, когда мои собственные взгляды уже окончательно сложились и въ частности были логически-методически обоснованы. То же самое относится къ тѣмъ представителямъ сельскохозяйственной экономіи и с.-х. счетоводства, которые, какъ Эребо, Лауръ, Ватерстрадтъ, стремленіе къ выработкѣ ясныхъ теоретическихъ понятій соединяютъ съ послѣдовательнымъ эмпиризмомъ и тщательной разработкой вопросовъ с.-х. счетоводства и счетоводной статистики.

1) на записи цѣнъ=(фактическія записи цѣнностныхъ [2]) полученій и выдачъ);

2) на записи оцѣночнаго характера = оцѣночныя записи имущества и тратъ имущества.

Въ этомъ двойномъ рядѣ передъ нами то реальное раздвоеніе цѣны и цѣнности, которое одно только и можетъ признавать эмпирическая политическая экономія: цѣна, какъ фактъ, и цѣнность, какъ норма, производная отъ факта.

Регистрація цѣнъ въ отдѣльномъ хозяйствѣ есть вопросъ фактическаго выполненія, ибо цѣны (реализованныя=уплаченныя—сдѣланныя) даны и ихъ нужно только точно и исчерпывающе записать. Однако даже тамъ, гдѣ цѣны даны, возникаетъ всетаки извѣстный вопросъ о принципахъ и критеріяхъ такъ называемой бухгалтерской оцѣнки при составленіи баланса. Вопросъ этотъ представляетъ крупнѣйшій интересъ, ибо въ немъ точки зрѣнія бухгалтеріи и права перекрещиваются съ точкой зрѣнія политической экономіи. Тутъ передъ нами несомнѣнно реальная проблема цѣнности. Ея разъясненіе важно для практиковъ, но оно имѣетъ также первостепенный теоретическій интересъ, ибо, не забудемъ, что для политической экономіи понятія бухгалеріи и права суть въ значительной мѣрѣ реальные факты, съ которыми оперируетъ и она.

3. Отвѣты на вопросъ о началахъ, или критеріяхъ бухгалтерской оцѣнки [3]) могутъ быть по отношенію къ капиталу, назначен-

---

[2]) Именно цѣнностныхъ, а не только денежныхъ въ обычномъ узкомъ смыслѣ. Этимъ бухгалтерская регистрація и сводка полученій и выдачъ отличается отъ обычно-житейскаго записыванія и сведенія прихода и расходовъ. Это коренится въ самомъ существѣ бухгалтеріи, въ силу котораго: когда я покупаю какія-нибудь вещи, я съ бухгалтерской точки зрѣнія имѣю не только расходъ, но и приходъ. Ср. Rudolf Fischer. Ueber die Grundlagen der Bilanzwerte. Leipzig 1909, SS. 6—9.

[3]) Основныя сочиненія, опредѣлившія въ новѣйшей литературѣ самую постановку вопроса: Hermann Veit Simon. Die Bilanzen der Aktiengesellschaften und der Kommanditgesellschaften auf Aktien. (Первое изданіе вышло въ 1886 г.). Vierte Auflage. Berlin 1910. Richard Reisch und Josef Klemens Kreibig. Bilanz und Steuer. Grundriss der kaufmännischen Buchführung unter besonderer Würdigung ihrer wirtschaftlichen und juristichen Bedeutung (первое изданіе вышло въ 1900 г.). Zweite wesentlich umgearbeitete und erweiterte Auflage. Erster Band. Einfache und doppelte Buchführung bei Privatunternehmungen. Zweiter Band. Die Buchführung der öffentlich Rechnung legenden Unterneh-

ному для производства,—это особенно интересный и теоретически важный случай!—сведены къ тремъ слѣдующимъ рѣшеніямъ:

1) въ основу бухгалтерскихъ оцѣнокъ должно быть положено теоретическое понятіе цѣнности (объективной или субъективной);

2) въ основу бухгалтерскихъ оцѣнокъ долженъ быть поставленъ точно зарегистрированный фактъ уплаченной цѣны (Anschaffungspreis!);

3) въ основу бухгалтерской оцѣнки должна быть поставлена предположительная продажная цѣна, могущая быть во всякомъ случаѣ реализована, цѣна отчужденія, или т. н. распродажная цѣна.

Третье рѣшеніе вопроса, имѣющее значеніе, когда производится оцѣнка ликвидируемаго предпріятія, принципіально и de lege lata непріемлема для оцѣнки (въ инвентарѣ и балансѣ) предпріятія на ходу, ибо совершенно ясно, что самый фактъ ликвидаціи (не простого перехода или отчужденія въ другія руки) есть моментъ пониженія цѣнности предпріятія въ цѣломъ и въ частяхъ.

Какой же изъ двухъ остающихся отвѣтовъ долженъ быть признанъ правильнымъ? Для рѣшенія этого вопроса необхо-

mungen. Wien 1907—1909. Hermann Rehm. Die Bilanzen der Aktiengesellschaften... nach deutschem und österreichischem Handels-, Steuer-. Verwaltungs- und Strafrecht. München 1903. Rudolf Fischer. Die Bilanzwerte, was sie sind und was sie nicht sind (Aktien- und bilanzrechtliche Schriften herausgegeben von Dr. R. Fischer. Bd. I, Theil 1). Leipzig 905. Его же. Ueber die Grundlagen der Bilanzwerte. Leipzig 1909. Ср. также Richard Passow Die Bilanzen der privaten Unternehmungen. Leipzig 1910. Dr. Jlmari Kovero Die Bewertung der Vermögensgegenstände in den Jahresbilanzen d. privaten Unternehmungen mit besonderer Berücksichtigung der nicht realisirten Verluste und Gewinne. Berlin 1912 и Н. Арнпушкинъ, Балансы акціонерныхъ предпріятій. Юридическая и бухгалтерская природа баланса, въ связи съ нормами русскаго финансово-податного обложенія. Москва 1912 г. Обозрѣніе нѣмецкой литературы вопроса о балансовой оцѣнкѣ имущества частнохозяйственнаго предпріятія, по моему предложенію, дано кандидатомъ экономическихъ наукъ II. Р. Николаевымъ въ приложеніи къ его стипендіатскому отчету, напечатанному въ „Извѣстіяхъ Петроградскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго“ за 1914 годъ. Отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ. Томъ XXII, стр. 417—455.

Вопросъ объ оцѣнкѣ другихъ статей имущества и въ частности вопросъ объ оцѣнкѣ долговъ далеко не представляетъ такого интереса.

димо, прежде всего, уяснить себѣ, что бухгалтерія по своему практическому заданію обязана оперировать ясными и простыми понятіями и различеніями, которыя отчасти восходятъ къ понятіямъ юридическимъ, отчасти служатъ вспомогательными понятіями для разграниченія интересовъ правомъ.

Понятія бухгалтеріи суть въ то же время понятія права, и притомъ смѣшанныя изъ элементовъ частнаго и публичнаго права [4]). Съ точки зрѣнія права надлежащая бухгалтерская оцѣнка по своему практическому заданію призвана пресѣкать возможность такихъ дѣйствій хозяйствующаго субъекта, которыя клонились бы къ неправомѣрному нанесенію ущерба 1) третьимъ лицамъ, т. е. другимъ хозяйствующимъ субъектамъ и 2) субъектамъ публичноправовымъ. Торговое право нормируетъ процессъ оцѣнки съ тѣмъ, чтобы пресѣчь слишкомъ высокую оцѣнку имущества даннымъ хозяйствующимъ субъектомъ во вредъ третьимъ лицамъ; финансовое право нормируетъ процессъ оцѣнки съ тѣмъ, чтобы пресѣчь возможность слишкомъ низкой оцѣнки во вредъ публичноправовому субъекту, для котораго отдѣльныя хозяйства и ихъ веденіе представляютъ интересъ съ точки зрѣнія обложенія.

4. Съ точки зрѣнія тѣхъ практическихъ заданій бухгалтеріи, которыя суть въ то же время заданія права и по содержанію своему назначены ограничивать возможный произволъ хозяйствующаго субъекта во вредъ третьимъ лицамъ, фактически уплаченныя цѣны суть высшій предѣлъ, преступать который хозяйствующій субъектъ не долженъ. Отсюда для бухгалтеріи, какъ ея задачи формулируются правомъ, единственно правильнымъ является методъ, по которому всѣ оцѣнки прежде всего

[4]) Ср. Rehm l. c. Vorwort:

„По троякому основанію право упорядочиваетъ балансъ коммерческаго предпріятія, не ради того значенія, которое сведеніе отчета имѣетъ для самого предпринимателя, а 1) въ виду значенія этой отчетности для кредиторовъ и товарищей предпринимателя и для тѣхъ лицъ, которыя желаютъ сдѣлаться таковыми, 2) въ виду ея значенія для опредѣленія налоговой силы коммерсанта, 3) въ виду вліянія предпріятія на все народное хозяйство (страховыя предпріятія, ипотечные и эмиссіонные банки). Въ силу этого балансовое право обосновываетъ для купца правоотношенія двоякаго рода: частно-правовыя къ его кредиторамъ и товарищамъ (Gesellschaftsmitgliedern)..... и публично-правовыя къ государству и общественнымъ союзамъ“.

возводятся къ фактически уплаченнымъ цѣнамъ. Ибо, повторяемъ, бухгалтерія въ правовомъ смыслѣ призвана пресѣкать злоупотребленія, а не производить оцѣнку имущества по доходности. Капиталъ для бухгалтеріи есть величина, которую она регистрируетъ какъ сумму уплаченныхъ цѣнъ (знакъ+) и списываній (знакъ—), идеально приближающихся къ дѣйствительнымъ затратамъ (снашиванію). Если капиталъ можетъ быть точно зарегистрированъ въ такомъ смыслѣ и если столь же точно можетъ быть зарегистрированъ и установленъ доходъ, то реальная настоящая «цѣнность» можетъ быть легко получена путемъ капитализаціи дохода. Но такое опредѣленіе капитала по доходу входитъ уже въ обработку бухгалтерскихъ данныхъ, а не въ бухгалтерскую регистрацію.

Безъ регистраціи всѣхъ реализованныхъ цѣнъ невозможно и другое практическое, «частнохозяйственное» заданіе бухгалтеріи: цыфровое установленіе успѣшности предпріятія, которая опредѣляется отношеніемъ его чистаго дохода къ его затратамъ. Между тѣмъ при условіи такой регистраціи, возможны всѣ интересующіе экономиста выводы, выходящіе за предѣлы бухгалтеріи и тѣхъ задачъ, которыя ей ставятъ право и практическія надобности частнаго хозяйства. Наоборотъ, безъ регистраціи реализованныхъ цѣнъ, путемъ однѣхъ оцѣночныхъ операцій, цыфровое установленіе успѣшности предпріятія невозможно. Установленіе капитала путемъ капитализаціи дохода ничего не скажетъ объ успѣшности предпріятія, если мы не будемъ въ тоже время знать цѣнъ, дѣйствительно уплаченныхъ за капиталъ, пущенный въ дѣло.

Такимъ образомъ, споръ о томъ, должно ли бухгалтерской оцѣнкѣ быть присвоено самостоятельное значеніе или, наоборотъ, въ основу бухгалтерской оцѣнки должно быть положено экономическое понятіе субъективной цѣнности,—споръ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу автономіи бухгалтеріи.

Тѣ, кто стоятъ на точкѣ зрѣнія подчиненія операціи оцѣнки въ бухгалтеріи теоретическому понятію цѣнности политической экономіи, мнѣ кажется, не даютъ себѣ яснаго отчета ни въ тѣхъ заданіяхъ, которыя должна преслѣдовать бухгалтерія, ни въ природѣ тѣхъ теоретическихъ понятій, которымъ они желаютъ подчинить бухгалтерское разсужденіе. Критическій анализъ разсужденій Рейшъ-Крейбига [5]) покажетъ это.

[5]) L. c. I, 311 u. ff.

Рейшъ-Крейбигъ отправляются отъ установленнаго К. Менгеромъ понятія «хозяйственной цѣнности какъ значенія, которое хозяйствующій субъектъ придаетъ благу потому, что онъ сознаетъ свое потребленіе зависящимъ отъ доступнаго ему запаса даннаго блага».

Установивъ это общее понятіе цѣнности, авторы раздваиваютъ его на понятіе потребительной и мѣновой цѣнности:

«Хозяйственныя блага могутъ для нашего хозяйствованія получить значеніе въ двухъ направленіяхъ, съ одной стороны,—тѣмъ, что мы ихъ предназначаемъ для нашего употребленія, съ другой стороны тѣмъ, что мы ихъ обмѣниваемъ на другія блага. Сужденіе о цѣнности можетъ испытать значительное вліяніе отъ того, однимъ или другимъ способомъ намѣрены мы употребить подлежащее оцѣнкѣ благо — въ первомъ случаѣ мы введемъ въ расчетъ потребительную, во второмъ—мѣновую цѣнность. Если же предприниматель измѣнитъ свое намѣреніе относительно употребленія блага, то рука объ руку съ этимъ—безъ вещнаго измѣненія самаго блага!—будутъ итти измѣненія сужденія о цѣнности, напримѣръ, вмѣсто прежде принимавшейся потребительной цѣнности будетъ поставлена мѣновая цѣнность или наоборотъ».

Въ дальнѣйшемъ обнаруживается, что начало потребительной цѣнности фактически въ бухгалтерской оцѣнкѣ не имѣетъ примѣненія, и сами авторы вынуждены это признать.

Это неслучайно. Во-первыхъ, вообще категорія потребительной цѣнности лишена смысла въ бухгалтеріи, гдѣ все выражается въ деньгахъ [6]); во-вторыхъ именно для субъективной теоріи цѣнности различеніе между цѣнностью потребительной и мѣновой не имѣетъ того значенія, которое ему по недоразумѣнію приписываютъ авторы, ибо для субъективной теоріи цѣнности всякая цѣнность есть по существу потребительная. Въ част-

[6]) Если еще можно спорить о томъ, входитъ ли то, что невыразимо или неизмѣримо въ деньгахъ, въ поле зрѣнія политической экономіи, какъ таковой, то относительно бухгалтеріи ни для кого не можетъ подлежать сомнѣнію отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Счетоводство—справедливо говоритъ русскій спеціалистъ А. Л. Рудановскій (Принципы общественнаго счетовѣдѣнія. Москва 1913, стр. 2)—изслѣдуя хозяйственную матерію лишь постольку, поскольку послѣдняя количественно исчислима въ деньгахъ, является по задачамъ своимъ точною политической экономіей“.

ности въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о производственной цѣнности, т. е. о цѣнности средствъ производствъ, которая для субъективной теоріи цѣнности восходитъ къ цѣнности предметовъ потребленія, и притомъ въ процессѣ оборота—къ ихъ мѣновой цѣнности. Такимъ образомъ—съ точки зрѣнія такъ наз. «субъективизма»—вопросъ тутъ ставится вовсе не о томъ, потребительная ли или мѣновая цѣнность должна быть принимаема во вниманіе. Несмотря на практическую безплодность того построенія, которое даютъ Рейшъ-Крейбигъ, они на немъ настаиваютъ, защищая его отъ критики Фишера. Но единственный аргументъ, который они могутъ привести въ свою пользу, сводится къ тому, что, если оцѣнка бухгалтеріей какого-либо предмета должна принимать во вниманіе лишь цѣну пріобрѣтенія и продолжительность изнашиванія, то, значитъ, коммерческая бухгалтерія оправдываетъ опровергнутую политической экономіей теорію издержекъ производства! Однако этотъ аргументъ, да и вся вообще аргументація авторовъ, совершенно бьетъ мимо. Конечно, капиталъ долженъ быть построяемъ изъ дохода, и цѣнность средствъ производства изъ цѣнности предметовъ потребленія, созданныхъ при помощи данныхъ средствъ производства. Это—неопровержимыя положенія, вовсе, впрочемъ, не устраняющія понятія издержекъ производства и имъ не устраняемыя.

Но рѣчь въ нашемъ разногласіи идетъ не объ этомъ [1]). Вопросъ тутъ ставится такъ: должна ли бухгалтерія, составляя инвентарь и балансъ предпріятія на ходу, оцѣночно построять капиталы на основаніи ихъ доходности или отмѣчать ихъ цѣнность на основаніи фактически уплаченныхъ цѣнъ?

На этотъ вопросъ практика бухгалтеріи даетъ отвѣтъ въ пользу регистраціи противъ оцѣнки. Капитализація дохода, или, точнѣе, чистой выручки не можетъ быть поставлена на мѣсто регистраціи фактически уплаченной цѣны, не разрушая въ самой основѣ всей операціи составленія баланса, какъ исчисленія экономической успѣшности предпріятія [7]).

---

[7]) На это согласно указываютъ и Фишеръ и Симонъ. Первый говоритъ (Ueber die Grundlagen etc. S. 14), что самостоятельный и игнорирующій бухгалтерскія цыфры методъ оцѣнки влечетъ за собой гибель единственно правильнаго метода исчисленія коммерческаго успѣха (т. е. рентабельности). Симонъ (l. c. SS. 408 — 409) подчеркиваетъ, что „если коммерсантъ въ концѣ года желаетъ установить свою прибыль и убытки,

5. Но бухгалтерія вынуждена вводить въ свой матеріалъ и оцѣночныя данныя. Такой характеръ носятъ прежде всего данныя,

онъ долженъ предметы производства (Betriebsgegenstände) ввести въ балансъ по ихъ стоимости (Kostenpreis) съ принятіемъ во вниманіе уменьшенія этой стоимости. Всякій иной расчетъ, въ особенности, напримѣръ капитализація выручки (Ertragskapitalisirung), былъ бы произвольнымъ, и потому такой иной расчетъ—это надлежитъ въ виду новѣйшей практики имперскаго суда нарочито еще разъ подчеркнуть—никогда не практиковался акціонерными компаніями и отъ нихъ не требовался административными органами. Подобный расчетъ принималъ бы прибыли и убытки, которыхъ фактически не было и возникновеніе которыхъ, до тѣхъ поръ, пока предметъ сохраняется для своего постояннаго назначенія и потому не отчуждается, по общему правилу исключается".

Я не разсматриваю ни теоріи индивидуальной цѣнности, какъ руководящаго начала составленія баланса, принадлежащей Симону, ни теоріи объективной цѣнности, какъ такого же начала. Понятіе индивидуальной цѣнности, выдвигаемое Симономъ, отвлеченно-теоретически восходитъ къ той же мысли, что и „субъективная" теорія Рейша-Крейбига. Аргументація Симона въ пользу индивидуальной цѣнности побѣдоносна, поскольку онъ полемизируетъ съ ученіемъ, что въ основу бухгалтерской оцѣнки предпріятія должна быть положена цѣна отчужденія, или распродажная цѣна. Но, построяя свое начало индивидуальной цѣнности какъ основного руководящаго принципа бухгалтерской оцѣнки вообще, онъ, какъ мы видѣли, сводитъ его въ примѣненіи къ основному капиталу предпріятія (Betriebswert) именно къ регистраціи цѣны пріобрѣтенія и умаленія этой исходной цѣнности въ процесахъ производительнаго потребленія (списыванія!), категорически отвергая капитализацію по доходности, методъ, который, какъ справедливо настаиваютъ Рейшъ-Крейбигъ, является единственно-правильнымъ, если всецѣло подчинить бухгалтерскую оцѣнку теоретическому понятію субъективной цѣнности (а не цѣны). Взгляды сторонниковъ „объективной цѣнности" не представляютъ теоретическаго интереса. Поскольку они ставятъ въ основу своихъ построеній цѣну отчужденія, или цѣну пріобрѣтенія, къ нимъ всецѣло примѣнимо сказанное выше объ этихъ принципахъ оцѣнки; поскольку же они построяютъ понятіе объективной цѣнности, не совпадающее ни съ цѣной отчужденія, ни съ цѣною пріобрѣтенія,—эта конструкція, являясь совершенно произвольной, лишена теоретической ясности и практической примѣнимости. То рѣшеніе проблемы оцѣнки имущественныхъ объектовъ, которое предлагаетъ финляндецъ Коверо (см. цит. выше нѣмецкое сочиненіе, а также у Николаева цит. выше отчетъ) тоже не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Коверо предлагаетъ двѣ оцѣнки: одну по цѣнѣ пріобрѣтенія, другую—по рыночной цѣнѣ. Сопоставленіе этихъ двухъ оцѣнокъ даетъ возможность установленія „нереализованныхъ" прибылей и убытковъ. Это, конечно, очень интересно, но реги-

относящіяся къ т. н. производительному потребленію, а именно то, что именуется въ бухгалтеріи «списываніями» [8]) или «погашеніями». Списываніе (погашеніе) есть частный случай уменьшенія, или умаленія цѣнности [9]).

Прежде чѣмъ изобразить списыванія какъ оцѣночныя операціи, и въ ихъ фактической, и въ ихъ идеальной обрисовкѣ, необходимо указать, что операціей оцѣнки, а не регистраціи списываніе является потому, что въ списываніи передъ нами не актъ обмѣна, или платежа, въ которомъ бы реализовалась цѣна, а цѣнностное выраженіе натуральнаго факта производственной траты внутри даннаго хозяйства. Превращеніе факта натуральной траты въ цѣнностное выраженіе списыванія представляется дѣломъ нелегкимъ и удается на практикѣ по большей части весьма несовершенно. Капиталъ (машина, орудіе) истрачивается, или изнашивается въ процессѣ производства. У него есть эмпирически

страція фактовъ хозяйственной жизни должна быть направлена прежде всего на „реальное" и „реализованное".

[8]) Я предпочитаю терминъ „списываніе" потому, что въ немъ ярко выражается **бухгалтерская** природа этой операціи.

[9]) Проблема списыванія трактуется во всѣхъ руководящихъ сочиненіяхъ по теоріи бухгалтеріи. Въ общей формѣ „умаленія цѣнности" обсуждаетъ обстоятельная монографія инженера Шиффа: Emil Schiff. Die Wertminderungen an Betriebsanlagen in wirtschaftlicher, rechtlicher und rechnerischer Beziehung (Bewertung, Abschreibung, Tilgung, Heimfalllast, Ersatz und Unterhaltung) Berlin 1909, а также работа экономиста Фэса: Emil Fäs. Die Berücksichtigung der Wertminderungen des stehenden Kapitals in den Jahresbilanzen der Erwerbswirtschaften. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. Ergänzungsheft XLVI, Tübingen 1913. Ср. далѣе Carl M. Levin. Die Inventarisierung von Industrie-und Gewerbebetrieben (Falsche und richtige Führung der Inventarienbücher). Praktisches Handbuch für Handels-und Gewerbetreibende, Industrielle und für alle, die Industriebilanzen aufmachen, lesen und kritisieren müssen. Berlin 1910. Его же Wie hängt die Abschreibungsfrage in Industriebetrieben mit der Kalkulation und Leistungsfähigkeit zusammen въ Zeitschrift für Handelswissenschaft und Handelspraxis 2 Jahrg. (1910) SS. 415—420. Математическое рѣшеніе вопросовъ списыванія даетъ ахенскій профессоръ Schatz: Ueber Amortisation въ Zeitschrift für Handelswissenschaft. I Jahrgang 1908/9, SS. 271—276. Его же Der allgemeine Ausdruck für die Amortisation ibidem 1910, SS. 11—12. Werner Grull Die Inventur. Aufnahmetechnik, Bewertung u. Kontrolle. Für Fabrik- u. Warenhandelsbetriebe. Berlin 1911. SS. 110—113. Ballewski-Lewin. Der Fabrikbetrieb. Dritte verm. u. verb. Auflage. Berlin 1912 есть русскій переводъ). SS. 42—60.

болѣе или менѣе извѣстная продолжительность жизни, или службы. Единственнымъ на практикѣ могущимъ имѣть широкое примѣненіе раціональнымъ методомъ списыванія является равномѣрное списываніе опредѣленной суммы съ первоначальной, или исходной инвентарной цѣнности (которая для перваго года=цѣнѣ пріобрѣтенія) данной технической единицы капитала.

Правда, снашиваніе капитала, являющееся матеріальной основой списыванія, происходитъ не равномѣрно, но, ради упрощенія, допустимо процессъ снашиванія представлять равномѣрно протекающимъ. Практически это къ тому же единственный доступный методъ, не сопряженный съ слишкомъ сложными вычисленіями. Чрезвычайные же случаи снашиванія должны быть учитываемы при помощи спеціальныхъ списываній. На самомъ же дѣлѣ бухгалтерская практика по большей части пользуется совершенно неправильнымъ методомъ списыванія. Она списываетъ ежегодно опредѣленный процентъ не съ постоянной исходной цѣнности, а съ той уменьшенной цѣнности, которая каждый годъ фигурируетъ въ данномъ счетѣ (Buchwert, Restbuchwert).

Благодаря этому методу 1) на первые годы, когда фактически натуральное снашиваніе происходитъ слабѣе, чѣмъ въ годы позднѣйшіе, падаетъ абсолютно болѣе значительное списываніе; 2) такъ какъ постоянная процентная норма списыванія, раціонально выбранная при условіи равномѣрнаго списыванія съ исходной цѣнности, обычно безъ всякой мысли примѣняется къ списыванію съ каждогодно уменьшающейся инвентарной цѣнности, то самый процессъ списыванія растягивается и рискуетъ утратить или даже фактически утрачиваетъ связь съ матеріально-техническимъ процессомъ снашиванія, для котораго онъ долженъ служить цѣнностнымъ выраженіемъ [10]).

Это можно иллюстрировать на слѣдующемъ примѣрѣ [11]).

При инвентарной цѣнности данной машины въ 10.000 рублей методъ равномѣрнаго списыванія дастъ такіе результаты (списывается 100 рублей въ годъ):

[10]) Встрѣчаются случаи, когда предпріятія попадаютъ въ конкурсное управленіе вслѣдствіе нераціональнаго производства списыванія. Ср. Lewin l. c. SS. 6—7.

[11]) Заимствую и цыфровой примѣръ и графическое изображеніе у Lewin l. c.

	Инвентарная цѣнность машины.
1-го января 1907	1000
1-го » 1908	900
1-го » 1909	800
1-го » 1910	700
1-го » 1911	600
1-го » 1912	500
1-го » 1913	400
1-го » 1914	300
1-го » 1915	200
1-го » 1916	100
1-го » 1917	—

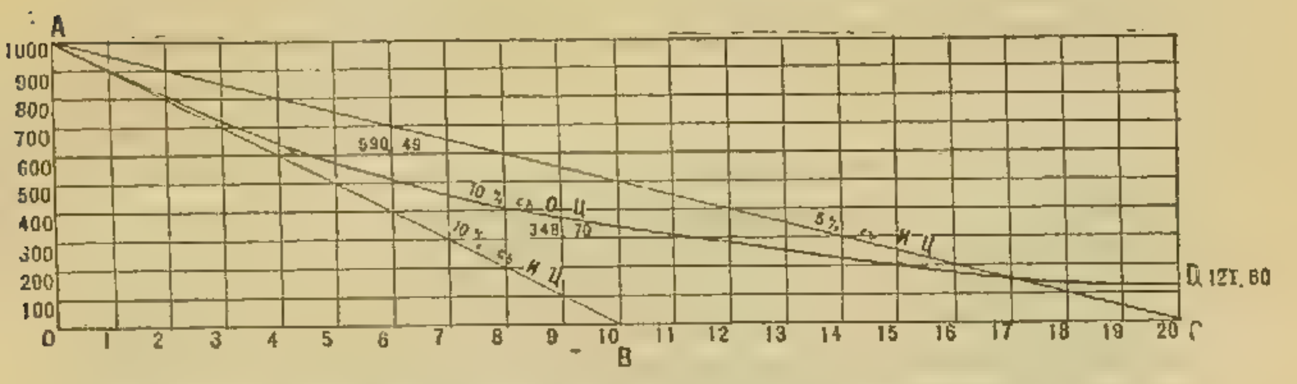
При методѣ процентнаго списыванія съ уменьшающейся инвентарной цѣнности получаются такіе результаты:

	Инвентарная цѣнность на 1-е янв. даннаго года.	Списываніе къ 1-му января слѣдующаго года.
1907	1000	100
1908	900	90
1909	810	81
1910	729	72,90
1911	656,10	65,61
1912	590,49	59,05
1913	531,44	53,14
1914	478,30	47,83
1915	430,47	43,05
1916	387,47	38,72
1917	348,70	34,87

Изъ сопоставленія этихъ двухъ таблицъ явствуетъ, что въ то время, какъ при равномѣрномъ списываніи вся исходная инвентарная цѣнность въ 10 лѣтъ оказывается списанной, при процентномъ списываніи съ уменьшающейся, или остаточной инвентарной цѣнности, черезъ 10 лѣтъ наша машина фигурируетъ въ инвентарѣ съ 35% своей исходной цѣнности и лишь черезъ 20 лѣтъ она доходитъ до 12% этой цѣнности. Подобное списываніе, какъ категорически утверждаютъ спеціалисты-техники, лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ выражать матеріальный процессъ снашиванія. Кромѣ того обнаруживается, что списыва-

ніе постоянное, или съ исходной инвентарной цѣнности даже въ размѣрѣ 5% означаетъ гораздо болѣе сильную амортизацію, чѣмъ 10% списываніе съ остаточной инвентарной цѣнности. При этомъ послѣднемъ методѣ списыванія теоретически полная амортизація никогда не можетъ наступить, чего, какъ утверждаетъ Левинъ, почти всѣ практическіе бухгалтера совершенно даже не подозрѣваютъ.

Это соотношеніе двухъ методовъ можетъ быть изображено графически.

Объясненіе линій: *AB*—списываніе (10%) съ исходной инвентарной цѣнности; *AC*—списываніе (10%) съ остаточной инвентарной цѣнности; *AD*—списываніе (5%) съ исходной инвентарной цѣнности.

6. Изъ того, что мы сказали выше о списываніи, которое является важнѣйшей оцѣночной по существу операціей бухгалтеріи, явствуетъ, что бухгалтерія весьма несовершенно и прямо-таки неудовлетворительно функціонируетъ тамъ, гдѣ она производитъ оцѣнки. Оцѣночныя данныя бухгалтеріи суть часто совершенно условныя величины, реальнаго экономическаго процесса не выражающія [12]).

[12]) „Списыванія" на практикѣ колеблются въ очень широкихъ размѣрахъ, поскольку они не нормированы на основаніи закона (какъ у насъ для нѣкоторыхъ разрядовъ предпріятій на основаніи нормъ промысловаго обложенія). Симонъ (l. c. 387) указываетъ, что „различія въ списываемыхъ суммахъ у акціонерныхъ компаній слишкомъ значительны, чтобы ихъ можно было объяснить исключительно особенностями каждаго отдѣльнаго предпріятія" и иллюстрируетъ это данными, относящимися къ пивоваренньмъ заводамъ Германіи (у которыхъ „списыванія" для бочекъ склада колебались между 5 и 25%, для перевозочныхъ бочекъ между 10 и 40%, для машинъ между 8 и 30%), и данными, относящимися къ каменноугольнымъ предпріятіямъ рейнско-вестфальскаго бассейна rechts der Ruhr (тутъ въ періодъ 1883—1884 гг. 23 предпріятія

Эта неудовлетворительность не вытекаетъ однако изъ существа бухгалтеріи: помимо мотивовъ «частнохозяйственныхъ», отмѣченныхъ въ примѣчаніи, она обусловлена трудностью оцѣночныхъ операцій какъ таковыхъ и грубостью опытныхъ бухгалтерскихъ пріемовъ.

Между тѣмъ то реальное явленіе, которое бухгалтерски выражается въ «списываніи», иначе какъ оцѣночно уловлено быть не можетъ, ибо отъ натуральнаго процесса снашиванія къ цѣнностной операціи списыванія ведетъ только оцѣнка. По существу же правильное «списываніе» вполнѣ осуществимо и соотвѣтствуетъ разумно понимаемому длительному интересу самого предпріятія.

списали на $10^1/_4$ милліоновъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы). На практикѣ списываніе производится въ зависимости отъ общаго имущественнаго положенія предпріятія. Однако, какъ правильно замѣчаетъ Симонъ (l. c. 389), „хорошо или дурно идутъ дѣла у общества — изнашиваніе предметовъ служащихъ производству этимъ не затрагивается. Если имущественное положеніе неблагопріятно, то это не даетъ права улучшать балансъ введеніемъ слишкомъ незначительныхъ суммъ погашенія; возможно, что неблагопріятный балансъ возникнетъ лишь путемъ списываній". Изъ практики, какъ уже было указано, извѣстны примѣры несостоятельностей, связанныхъ съ производствомъ слишкомъ низкихъ списываній. Левинъ въ указанной выше статьѣ Wie hängt die Abschreibungsfrage etc. обстоятельно разъясняетъ, что различія въ списываніяхъ обусловливаютъ собой различія въ издержкахъ производства и отражаются на способности предпріятій къ конкуренціи. Незначительныя списыванія такимъ образомъ могутъ вести къ сбиванію цѣнъ, т. е. къ тому явленію, которое столь характерно для субмиссіоннаго дѣла (см. выше ч. I, стр. 352—358).

Наше законодательство о промысловомъ обложеніи предпріятій, уплачивающихъ процентный сборъ, устанавливаетъ (ст. 101 прим.): „погашеніе первоначальной стоимости принадлежащаго предпріятію имущества, впредь до полнаго погашенія оной, въ размѣрѣ: для каменныхъ и металлическихъ строеній и сооруженій и для металлическихъ судовъ, а въ горныхъ предпріятіяхъ для земель, изъ нѣдръ коихъ добываются ископаемыя богатства, для шахтъ, штоленъ, основныхъ штрековъ и квершлаговъ—не свыше пяти процентовъ, а для деревянныхъ строеній и судовъ, для машинъ и прочихъ орудій производства и вообще для живого и мертваго инвентаря — не свыше десяти процентовъ ихъ стоимости". Инструкція означенную норму разъясняетъ такъ: „отчисленіе на погашеніе...... допускается лишь съ суммы первоначальной стоимости... имущества и капитальнаго его ремонта, значащейся по заключительному балансу въ активѣ предпріятія за отчетный операціонный годъ".

Наоборотъ, завѣдомо неправильное списываніе представляется подчасъ прямою фальсификаціею баланса, опасною и для того, кто ее производитъ, и для третьихъ лицъ.

Это и значитъ, что принципіально установленіе объективныхъ масштабовъ для регулярнаго списыванія вполнѣ возможно и прямо необходимо [13]). Весьма любопытно и знаменательно, что на этомъ настаиваютъ и это выясняютъ техники. Это неудивительно, потому что «списываніе» есть бухгалтерское учитываніе и цѣнностное изображеніе вещныхъ измѣненій. Тутъ съ полной ясностью обнаруживается, что т. н. техническій моментъ есть въ тоже самое время и экономическій, ибо техника всей вообще хозяйственной дѣятельности подчинена экономическому заданію, а съ другой стороны экономическія возможности прикрѣплены къ физическимъ объектамъ и связаны съ ихъ судьбой, т. е. съ вещными процессами. Въ этой взаимозависимости экономическаго (цѣнностнаго) и техническаго (вещнаго) момента заключается неустранимое имманентное значеніе натуралистическаго мотива во всѣхъ экономическихъ размышленіяхъ. Оцѣнки по существу весьма часто прикрѣплены къ вещамъ и слѣдуютъ ихъ измѣненіямъ. И потому о цѣнностныхъ процессахъ мы можемъ судить по вещнымъ измѣненіямъ и такъ сказать, съ судьбы вещей считывать судьбу цѣнностей. Въ силу этого, та регистрація измѣненій въ подлинномъ хозяйствѣ, которую производитъ бухгалтерія, нуждается въ технической экспертизѣ и безъ ея данныхъ не можетъ быть вполнѣ удовлетворительна.

Это примѣнимо именно къ натуральному кругообороту благъ внутри даннаго хозяйства: факты этого кругооборота уловимы прежде всего въ вещной формѣ, доступной для техники.

Лишь получивъ ихъ изъ рукъ техники, бухгалтерія можетъ придать имъ чисто «экономическое», т. е. цѣнностное выраженіе.

---

[13]) Вопреки мнѣнію Макса Вебера въ дебатахъ Verein'a für Sozialpolitik въ 1909 г. о производительности народнаго хозяйства (Schriften d. V. f. Sozialpolitik Bd. 132, S. 607): Wer will einen «objectiven» allgemeingültigen Massstab für «Abschreibungen» und derartiges geben? Впрочемъ самъ Веберъ, у котораго въ той же рѣчи вѣрныя замѣчанія объ отношеніи между экономикой и технологіей, тотчасъ замѣчаетъ: Immerhin in diesen Fällen ist die «Berechenbarkeit» wenigstens «im Prinzip» vorhanden.

Несмотря на несовершенство фактическаго выполненія бухгалтерской регистраціи измѣненій въ хозяйственныхъ атомахъ,— подлинныхъ хозяйствахъ, — принципіально для статистической идіографіи хозяйственной жизни бухгалтерія является первоосновой. Только статистическая обработка первичныхъ данныхъ критически построенной и критически осуществляемой бухгалтеріи можетъ дать отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ, которые ставила себѣ политическая экономія и которые она пыталась разрѣшить «дедуктивно». Въ частности только такимъ путемъ разрѣшима проблема учета доходовъ отдѣльныхъ хозяйствъ и тѣмъ самымъ можетъ быть разъяснено то, что составляетъ реальное содержаніе проблемы распредѣленія.

Часто встрѣчающіяся указанія на неточность частнохозяйственной бухгалтеріи и калькуляціи, на то, какъ много въ ней условнаго и произвольнаго, а потому ненаучнаго, не могутъ поколебать этого вывода. Когда дѣлаютъ эти указанія [14]), то забываютъ или вѣрнѣе не задумываются надъ тѣмъ, что сама бухгалтерія состоитъ изъ 1) первичнаго матеріала, невѣрность котораго можетъ восходить только къ обману или самообману, что можетъ быть присуще всякой регистраціи; 2) изъ извѣстной обработки и группировки этого матеріала, которая принципіально всегда и практически часто можетъ быть отмежевана отъ первичнаго матеріала.

Что же касается калькуляціи, то конечно предварительная калькуляція (Vorkalkulation), калькуляція на будущее всегда въ той или иной мѣрѣ гадательна; отчетная же калькуляція post factum въ идеалѣ можетъ быть абсолютно точна, а на практикѣ бываетъ весьма точна. Для статистической идіографіи важны не тѣ гадательныя величины и отношенія будущаго, съ которыми вынуждены оперировать Vorkalkulation, а тѣ точныя величины прошлаго, отъ которыхъ отправляется Nachkalkulation [15]).

Въ связи съ этимъ пониманіемъ бухгалтерской регистраціи, какъ лабораторіи первичнаго матеріала для экономической идіо-

---

[14]) Въ этомъ смыслѣ мимоходомъ и врядъ ли очень обдуманно высказался Геркнеръ на вѣнскомъ собраніи Verein'a für Socialpolitik (l. c. S. 559) и къ нему поспѣшилъ присоединиться Максъ Веберъ.

[15]) Поскольку Vorkalkulation руководится Nachkalkulation, она просто отъ бывшаго заключаетъ къ будущему.

графіи, надлежитъ указать, что само развитіе хозяйственныхъ атомовъ вырабатываетъ идею, пріемы и даже учрежденія частнохозяйственной статистики, какъ особой «службы» счетоводства въ предпріятіи рядомъ съ бухгалтеріей и калькуляціей [16]). Я не придаю особаго значенія идеѣ самостоятельной статистической «службы» въ системѣ частнохозяйственнаго счетоводства потому, что она есть лишь дальнѣйшее развитіе бухгалтерской и калькуляціонной «службы» и въ существѣ всецѣло опирается на матеріалъ бухгалтеріи. Но съ моей точки зрѣнія существенно и знаменательно, именно то, что бухгалтерія начинаетъ разсматриваться и осознаваться какъ особый видъ статистической регистраціи. «Всякій счетъ въ бухгалтеріи представляетъ статистику части имущества или ряда прибылей и убытковъ, и ежемѣсячные черновые балансы такъ же, какъ годовой балансъ и годичный счетъ прибылей и убытковъ могутъ почитаться статистическими сводками» [17]a).

Это осознаніе бухгалтеріи, какъ предверья экономической статистики, представляетъ громадную важность съ точки зрѣнія систематическаго превращенія политической экономіи въ настоящую эмпирическую науку. Такое превращеніе можетъ быть только Statistikwerden политической экономіи на основѣ бухгалтеріи [17]b).

Наибольшей ясности и самыхъ осязательныхъ успѣховъ въ этомъ направленіи достигла сельскохозяйственная экономія

---

[16]) Albert Calmes. Die Statistik im Fabrik und Warenhandelsbetrieb Leipzig 1911. Levin. Technische oder Fabrikstatistik въ Zeitschrift f. Handelswissenschaft. November 1910, SS. 279—283. Baum. Buchhaltung und Statistik ibidem. Juli 1909, SS. 121—131. Fabrikdirektor Franz Daeschner Die Kontrollstatistik im modernen Fabrikbetriebe. Praktische Winke für Fabrikanten, Aufsichtsratmitglieder, Bücherrevisoren usw. zur Erzielung einer genauen Uebersicht über die jeweiligen Geschäftsverhältnisse. Hannover 1907. Ср. также классическую публикацію: J. Lilienthal. Fabrikorganisation, Fabrikbuchführung u. Selbstkostenberechnung der Firma Ludw. Loewe & Co Actiengesellschaft Berlin. Mit einem Vorwort von Dr-Ing. Schlesinger, Professor a. d. Techn. Hochschule. Zweite durchgesehene u. verm. Auflage. Berlin 1914.

[17]a) Calmes l. c. S. 7.

[17]b) Проблему обоснованія политической экономіи на статистикѣ поставилъ еще въ 1875 г. Этьенъ Ласпейресъ (Etienne Laspeyres) въ замѣчательной брошюрѣ: Die Kathedersozialisten und die statistischen Kongresse. Gedanken zur Begründung einer nationalökonomischen Statistik und einer statistischen Nationalökonomie. Berlin 1875. Примѣчательно при этомъ, что требуя „хорошо организованнаго планомѣрнаго

Не случайно, что это именно та специальная область политической экономіи, которая т. н. «народнохозяйственныя» проблемы традиціонно ставила и рѣшала въ тѣсной связи съ т. н. «частнохозяйственными». Поскольку эту область обрабатывали агрономы, они были почти исключительно эмпириками, взоръ которыхъ былъ обращенъ на «частное хозяйство». Изъ этого здороваго эмпиризма, направленнаго на изученіе подлинныхъ хозяйствъ въ ихъ реальной и конкретной взаимозависимости, вытекъ новѣйшій расцвѣтъ сельскохозяйственной экономіи, воспринявшей пріобрѣтенія критической мысли въ наукѣ политической экономіи и, по примѣру фонъ Тюнена, сочетающей ихъ съ точнымъ изученіемъ фактовъ. Такъ родилась опирающаяся на бухгалтерію (какова должна быть эта бухгалтерія,—объ этомъ, какъ извѣстно, спорятъ) сельскохозяйственная счетоводная статистика, отправляющаяся отъ мысли, что «для изслѣдованія экономическихъ условій сельскаго хозяйства методы, основанные на счетоводствѣ, даютъ наиболѣе точные и надежные результаты» [18]).

собиранія, провѣрки и обработки уже существующей экономической статистики", Ласпейресъ указалъ, что центръ тяжести этой задачи объективно лежитъ въ „цѣнахъ въ широчайшемъ смыслѣ слова, въ товарныхъ цѣнахъ, въ цѣнахъ за пользованіе капиталомъ, процентѣ, и въ цѣнахъ на трудъ, заработной платѣ" (S. 11). Ср. въ приложеніи дальнѣйшія выдержки изъ брошюры Ласпейреса, въ настоящее время почти забытой.

[18]) Лауръ (Laur) въ статьѣ „О принципахъ международной сельскохозяйственной счетоводной статистики" русск. переводъ въ „Сборникѣ свѣдѣній по вопросу организаціи счетоводной статистики", изданномъ „Отдѣломъ сельской Экономіи и сельскохозяйственной статистики". Выпускъ I, стр. 121 (всего вышло 2 выпуска). Ср. также E. Laur. Grundlagen u. Methoden der Bewertung, Buchhaltung und Kalkulation in der Landwirtschaft. Berlin 1912; F. Waterstradt († на войнѣ). Die Wirtschaftslehre des Landbaues. Stuttgart 1912. Kapitel 13: Reinertrag und Buchführung; Kapitel 27: Wesen und Aufgaben der Buchführung; Kapitel 28: Gesichtspunkte für Umfang u Gestaltung der Buchführung. Ср. мою замѣтку „Экономическая наука, счетоводство и техника" въ „Русской Мысли" Январь 1916 г.

Глава пятая.

Цѣна и доходы.

1. Различеніе и группировка доходовъ. Группировка доходовъ по признаку ихъ отношенія къ феномену цѣны. Доходы прямые, косвенные и производные (стр. 89—92). 2. Классификація доходовъ по ихъ количественному соотношенію съ потребительными тратами. Классификація доходовъ по ихъ величинѣ (классификація „статистическая") (стр. 92). 3. Вопросъ о томъ, откуда получается предпринимательская рента, или т. н. прибыль? Прибыль получается благодаря правильному учету и успѣшной реализаціи цѣнъ предпринимателемъ. Смыслъ, который заключается въ теоріи эксплоатаціи: она вѣрна указываетъ какъ юридическій титулъ, въ силу котораго совершается присвоеніе положительной цѣнностной разности, такъ и ту соціальную почву, на которой создается возможность такого присвоенія для нѣкоторыхъ категорій лицъ. Ограниченное количество вещныхъ благъ какъ единственное абсолютное условіе образованія т. н. нетрудовыхъ доходовъ въ обществѣ, основанномъ на частной собственности (стр. 92—95). 4. Безплодность всѣхъ теорій прибыли и прозрачная ясность принципа теоріи ренты. Разъясненіе общаго понятія ренты, какъ положительной цѣнностной разности. Политическая экономія должна принимать во вниманіе и факты экономической неудачи, т. е. случаи реализаціи отрицательной цѣнностной разности. Прибыль вытекаетъ изъ соотношенія цѣнъ, а не въ цѣнахъ реализуется какая-то предшествующая цѣнамъ прибыль. Иногда въ формѣ цѣнностной разности реализуется трудовой доходъ (стр. 95—98). 5. Почему мы оставляемъ въ сторонѣ проблему образованія цѣны изъ субъективныхъ оцѣнокъ? Замѣчанія о взглядахъ Лифманна: вопреки Лифманну не понятіе цѣны слѣдуетъ выводить изъ понятія „выручки", а понятіе „выручки" изъ понятія цѣны. Симптоматическое значеніе работъ Лифманна (стр. 98—101). 6. Дальнѣйшее обобщеніе и расчлененіе понятіе ренты. Рента общая и спеціальная, внѣшнехозяйственная и внутрихозяйственная (стр. 101—103). 7. Отношеніе моего пониманія ренты къ существующимъ конструкціямъ ренты (стр. 103—104).

1. Разсмотрѣніе эмпирическаго матеріала бухгалтеріи подъ угломъ зрѣнія, который проводится здѣсь, важно принципіально-теоретически тѣмъ, что оно ставитъ экономическую науку лицомъ къ лицу съ ея основнымъ элементомъ: подлиннымъ хозяйствомъ и съ ея основной данной: цѣной.

На первомъ мы уже останавливались. Ко второму мы должны вернуться еще разъ для нѣкоторыхъ разъясненій, ибо постановка лицомъ къ лицу съ цѣной, какъ первичнымъ элементомъ, есть въ то же время, въ подлинномъ смыслѣ, освобожденіе политической экономіи отъ мнимыхъ задачъ, вытекавшихъ изъ построенія мнимыхъ понятій.

Принимая цѣну за основное первичное и данное явленіе, — мы среди т. н. «доходовъ» [1]) можемъ ясно, по отношенію къ цѣнѣ, различить прежде всего двѣ группы.

Въ первую войдутъ доходы, основанные на прямой реализаціи цѣны: таковы всѣ виды заработной платы и всѣ указные доходы. Доходъ тутъ реализуется путемъ отдачи блага и полученія вознагражденія за него. Такіе доходы въ общемъ и цѣломъ совпадаютъ съ тѣмъ, что называется трудовыми доходами, хотя отъ высоты фактической оплаты зависитъ, не превосходятъ ли они уровень среднихъ, привычныхъ потребностей и не допускаютъ ли сбереженій. Врачи, получающіе плату (цѣну) за свои услуги, имѣютъ часто доходы въ нѣсколько десятковъ тысячъ и дѣлаютъ сбереженія, изъ которыхъ составляются значительные капиталы. Но этотъ случай обнимаетъ относительно небольшую группу лицъ. Важнѣе то, что доходъ квалифицированныхъ рабочихъ въ культурныхъ странахъ допускаетъ сбереженія, которыя дозволяютъ переходъ изъ наемныхъ рабочихъ въ независимые предприниматели или участіе въ прибыляхъ акціонерныхъ капиталистическихъ предпріятій, во всякомъ же случаѣ пріобрѣтеніе

---

[1]) Я употребляю здѣсь слово „доходы" въ обычномъ житейскомъ смыслѣ, который однако не расходится съ научнымъ понятіемъ дохода окончательно установленнымъ въ американской политической экономіи. Понятіе дохода соотносительно съ понятіемъ капитала (нѣкоторыя ограниченія этого положенія будутъ даны въ другомъ мѣстѣ). Различеніе капитала и дохода восходитъ къ различенію запаса (fund) и потока (flow). „Capital is a fund and income a flow. There is another important difference, namly that capital is wealth, and income is the service of wealth". Такимъ образомъ „запасъ богатствъ (stock of wealth), существующій въ данный моментъ времени, называется капиталомъ. Потокъ услугъ (flow of services) въ теченіе опредѣленнаго періода времени называется капиталомъ". Irving Fischer: The nature of capital and income. New-York. London, 1906, pp. 51—52 и его-же Elementary principles of economics. New-York, 1913, pp. 37—143. Ср. также Frank Fetter: The principles of economics. New-York, 1907, pp. 39 ssq. „Income as a flow of goods".

приносящихъ процентъ цѣнныхъ бумагъ. Вопросъ о размѣрахъ подобныхъ сбереженій изъ доходовъ, основанныхъ на прямой реализаціи цѣнъ, есть вопросъ факта.

Первую группу доходовъ я называю доходами прямыми.

Вторую группу образуютъ доходы, основанные на реализаціи цѣнностныхъ разностей. Сюда относятся всѣ такъ наз. нетрудовые доходы, но нельзя сказать, чтобы подъ эту категорію не подходили бы и нѣкоторые обычно такъ наз. трудовые доходы.

Доходы, реализуемые въ формѣ положительныхъ цѣнностныхъ разностей, я называю доходами косвенными.

Вообще доходы можно группировать по разнымъ признакамъ. Можно, напримѣръ, группировать ихъ по признаку ихъ отношенія къ феномену цѣны. Это есть **классификація доходовъ по феноменологическому признаку**.

I. Прямые доходы, непосредственно реализуемые въ формѣ цѣны:

1. Заработная плата во всѣхъ видахъ.

2. Указныя платы (указное жалованье).

II. Косвенные доходы, реализуемые въ формѣ цѣнностной разности.

Основная форма: предпринимательская рента, или т. н. прибыль.

III. Производные доходы:

1. Процентъ на капиталъ.

2. Владѣльческая рента.

О первыхъ двухъ группахъ мы уже говорили. Третья группа чисто формально можетъ быть объединена съ первой, такъ какъ и процентъ на капиталъ, и всякіе виды владѣльческой ренты могутъ быть представлены какъ цѣна за пользованіе. Но формально будучи непосредственно реализуемой цѣной, прямымъ доходомъ, плата за «пользованіе» по существу есть явленіе, вполнѣ производное отъ косвеннаго дохода, предпринимательской прибыли. «Пользованіе» капиталомъ во всѣхъ его формахъ и въ томъ числѣ и въ формѣ земли оплачивается потому, что и постольку, поскольку капиталъ есть необходимое средство для реализаціи положительной цѣнностной разности. Такимъ образомъ процентъ (цѣна денежнаго капитала, предоставленнаго въ пользованіе) и владѣльческая рента (цѣна вещнаго капитала, предоставленнаго

въ пользованіе), формально подходя подъ понятіе прямого дохода, должны быть все-таки выдѣлены въ особую группу производныхъ доходовъ.

2. Рядомъ съ раздѣленіемъ доходовъ на прямые и косвенные мы можемъ поставить другую ихъ схему, а именно классификацію доходовъ по ихъ количественному соотношенію съ потребительными тратами.

Тутъ мы намѣчаемъ двѣ группы доходовъ:

I. Доходы, соотвѣтствующіе потребительнымъ тратамъ субъекта или опускающіеся ниже ихъ и восполняемые потребительнымъ кредитомъ, или благотворительностью.	II. Доходы, превышающіе потребительные траты, т. е. допускающіе образованіе излишковъ или сбереженій.

Какъ мы уже указывали, косвенный доходъ можетъ не давать никакихъ излишковъ или сбереженій, то же можно сказать и о доходѣ производномъ. Наоборотъ, прямой доходъ можетъ превышать потребительныя траты. Далѣе, вопросъ о томъ, превышаетъ ли данный доходъ потребительныя траты или нѣтъ, есть вопросъ личнаго поведенія хозяйствующаго субъекта. Есть получатели заработной платы, или указного жалованья, которые сберегаютъ свои доходы; есть землевладѣльцы и предприниматели, которые проѣдаютъ свои капиталы.

Наконецъ, можно просто установить **классификацію доходовъ по ихъ величинѣ.**

Это будетъ классификаціей, которую для простоты можно назвать статистической. Значеніе группировки доходовъ по количественному признаку зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ предѣлы группъ, такимъ образомъ получаемыхъ, указуютъ на существенные экономическіе или соціальные моменты и помогаютъ уловить ихъ вліяніе. Другими словами наша «статистическая» группировка есть средство познанія расчлененія общества на группы, устанавливаемыя по другимъ признакамъ.

3. Вопросъ о томъ, откуда получается предпринимательная рента, или т. н. прибыль, вопросъ, породившій огромную литературу и безконечные хитроумные споры, можетъ быть съ точки зрѣнія прямого наблюденія надъ фактами, регистрируемыми бух-

галтеріей, рѣшенъ только въ одномъ смыслѣ: прибыль получается благодаря правильному учету и успѣшной реализаціи цѣнъ предпринимателемъ; благодаря такому учету и такой реализаціи въ результатѣ разнообразныхъ сдѣлокъ, совершаемыхъ «предпринимателемъ», получается положительная цѣнностная разность. Это рѣшеніе можетъ показаться наивнымъ и тривіальнымъ, если противопоставить ему столь «глубокія» теоріи, какъ теорію эксплоатаціи или присвоенія, какъ теорію воздержанія и ажіо.

Впрочемъ, теорія эксплоатаціи имѣетъ тотъ непререкаемый смыслъ, что она, по крайней мѣрѣ, вѣрно указываетъ и юридическій титулъ (право собственности), въ силу котораго совершается присвоеніе положительной цѣнностной разности, и ту соціальную почву (извѣстное исторически данное распредѣленіе богатствъ = капиталовъ), которая для цѣлаго ряда лицъ создаетъ возможность хозяйственной дѣятельности, направленной на реализацію положительной цѣнностной разности. Право собственности есть, конечно, необходимое условіе присвоенія прибыли субъектомъ собственности (предпріятія). Однако ни оно, ни данное распредѣленіе богатства, въ силу котораго данный хозяйствующій субъектъ имѣетъ возможность выступать какъ предприниматель, не обусловливаютъ собой самого факта образованія положительной цѣнностной разности. Очень богатый собственникъ можетъ быть неудачнымъ предпринимателемъ, если онъ не умѣетъ калькулировать и приспособляться къ условіямъ рынка. Данное, исторически опредѣленное, распредѣленіе богатствъ, какъ бы твердо ни было установлено право собственности, можетъ быть въ корнѣ опрокинуто въ процессѣ образованія цѣнъ и цѣнностныхъ разностей: въ этомъ процессѣ собственность и богатство изъ однѣхъ рукъ перемѣщаются въ другія—именно при господствѣ принциповъ частной собственности и свободнаго образованія цѣнъ.

Полное упраздненіе частной собственности и свободнаго образованія цѣнъ, конечно, измѣнитъ все положеніе, но именно потому, что оно упразднитъ основную категорію, на которой построяется хозяйственная жизнь современнаго человѣка,—вольную цѣну, и всѣ доходы превратитъ въ указные доходы. Экономика совлечетъ съ себя костюмъ частнаго права и облечется въ костюмъ права публичнаго и административнаго. «Система хозяйствъ» превратится въ общество-хозяйство.

Но и при господствѣ началъ частной собственности и свободнаго образованія цѣнъ теоретически мыслимы самыя различныя фактическія картины образованія цѣнъ и доходовъ.

Вотъ почему изъ «соціальныхъ» категорій, о которыхъ мы говорили въ нашей первой части, такъ же мало, какъ изъ абстрактной теоріи цѣны можно вывести какія-либо общія положенія о «распредѣленіи» дохода въ обществѣ. При слабомъ населеніи и обиліи свободныхъ земель будетъ совершенно иная картина распредѣленія, чѣмъ при значительномъ населеніи и отсутствіи незанятыхъ земель. При неподвижномъ населеніи распредѣленіе сложится иначе, чѣмъ при сильномъ его размноженіи. Единственное, что можно принять какъ бы основной характеристикой процесса т. н. «распредѣленія», это—что, при надлежащемъ вниманіи къ условіямъ рынка, у собственниковъ „богатствъ" всегда образуются т. н. нетрудовые доходы.

Это восходитъ, конечно, къ тому основному факту, что **большинство вещныхъ благъ, нужныхъ человѣку, не суть даровыя.**

На этотъ фактъ человѣчество могло реагировать двояко: либо выработкой института частной собственности, либо, наоборотъ, превращеніемъ всѣхъ недаровыхъ благъ и ихъ источниковъ въ общественное достояніе. Человѣчество пошло по первому пути. Такимъ образомъ, частная собственность есть исторически-психологически обусловленная реакція человѣчества на основной, можно сказать, **космическій** фактъ ограниченности вещныхъ благъ, находящихся въ его распоряженіи.

Ограниченное количество вещныхъ благъ есть единственное абсолютное условіе образованія т. н. нетрудовыхъ доходовъ, дѣйствующее въ такомъ смыслѣ, однако, только въ обществѣ, въ которомъ господствуетъ частная собственность и свобода оборота.

Въ обществѣ-хозяйствѣ, т. е. въ обществѣ соціалистическомъ, нетрудовымъ доходомъ могутъ быть лишь счетныя аналогіи, въ которыхъ будетъ выражаться операція производственно-цѣнностнаго вмѣненія.

Если теорія присвоенія или эксплуатаціи имѣетъ извѣстный **соціологическій** смыслъ, что̀ отчасти объясняетъ и ея относительную живучесть въ качествѣ теоріи экономической, то такія

теоріи, какъ теорія воздержанія и теорія Бемъ-Баверка, до послѣдней степени искусственны и не объясняютъ ни фактовъ, ни въ фактахъ не получаютъ поддержки.

Политическая экономія о природѣ прибыли не можетъ сказать ничего больше, чѣмъ скажетъ всякій правильно составленный бухгалтерскій отчетъ или чѣмъ говоритъ ст. 101 (470) нашего «Положенія о промысловомъ налогѣ»:

> Чистою прибылью, подлежащею платежу процентнаго сбора съ прибыли, считается разность, исчисленная по отчету предпріятія за истекшій операціонный годъ, между суммою валового дохода и (нижеслѣдующими) дѣйствительными изъ него расходами и отчисленіями за тотъ же годъ [2]).

4. Политическая экономія можетъ лишь ссылкой на положеніе рынка объяснить, почему въ одномъ случаѣ есть прибыль, а въ другомъ случаѣ ея не получается. Безплодность всѣхъ теорій прибыли, основанныхъ на желаніи объяснить фактъ реализаціи положительной цѣнностной разности, фактъ въ общей формѣ не требующій объясненій, а долженствующій быть положеннымъ въ основу объясненія всѣхъ явленій хозяйственной жизни, выступаетъ съ полной ясностью при сопоставленіи схоластически запутанныхъ или насильственно упрощенныхъ теорій прибыли съ прозрачно-яснымъ принципомъ всякой истинной теоріи ренты. Для выведенія дифференціальной ренты—а теоретическое понятіе ренты сложилось именно какъ понятіе дифференціальной ренты—не нужно ничего, кромѣ цѣнъ и извѣстной конъюнктуры, при ко-

[2]) Ср. ст. 14 Прусскаго закона о подоходномъ налогѣ 1891 г., которая предписала чистую прибыль отъ торговли и промышленности исчислять «на основаніи тѣхъ началъ, которыя предписываются для составленія инвентаря и баланса Торговымъ Уложеніемъ и вообще соотвѣтствуютъ обычаямъ добропорядочнаго купца» (der Reingewinn aus dem Handel und Gewerbebetrieb (ist) nach den Grundsätzen zu berechnen, wie solche für die Inventur und Bilanz durch das Handelsgesetzbuch vorgeschrieben sind und sonst dem Gebrauche eines ordentlichen Kaufmannes entsprechen. Въ 1906 г. редакція этой статьи, теперь 13, была нѣсколько измѣнена - въ этой новой редакціи бухгалтерское опредѣленіе предпринимательской прибыли выступаетъ еще яснѣе). Ср. Richard Maatz. Die kaufmännische Bilanz und das steuerbare Einkommen. Vierte Auflage. Berlin 1907. SS. 1—6, 96—126.

торой реализуемыя на рынкѣ цѣны превосходятъ въ той или иной мѣрѣ издержки производства.

Лица, предлагающія какое-нибудь благо, производятъ его съ различными издержками производства, каковыя всѣ экономически суть—цѣны. Когда спросъ таковъ, что все предложеніе данныхъ благъ можетъ найти сбытъ, лица, производящія съ меньшими издержками, реализуютъ ренту различныхъ размѣровъ. Рента есть не что иное, какъ положительная цѣнностная разность. Но всякій доходъ, основанный не на прямой и непосредственной продажѣ услугъ (т. е. проявленій человѣческой личности, не получающихъ вещной формы) носителемъ этихъ услугъ, т. е. всякій косвенный доходъ, есть, по своему существу, тоже реализація положительной цѣнностной разности. Для объясненія возможности такого дохода, въ какую бы форму онъ ни облекался, необходимо только понятіе цѣны и предположеніе такого соотношенія между предложеніемъ и спросомъ, при которомъ лицо, производящее издержки, можетъ получить цѣну, превышающую издержки. Возможно ли это,—опредѣляется, во-первыхъ, фактическимъ положеніемъ вещей, не зависящимъ отъ воли даннаго хозяйствующаго субъекта, и, во-вторыхъ, умѣніемъ послѣдняго приспособиться къ этой фактической обстановкѣ, т. е. его умѣніемъ калькулировать.

Рента, какъ ее конструировала теорія политической экономіи въ примѣненіи къ земледѣлію, вытекаетъ изъ неравенства въ издержкахъ производства при образованіи цѣны, соотвѣтствующей наивысшимъ издержкамъ. Неравенство издержекъ производства разныхъ предпріятій, есть, вопреки ученію о тенденціи издержекъ къ равенству, общій и постоянный фактъ хозяйственной жизни. Какимъ издержкамъ будетъ соотвѣтствовать цѣна,—рѣшается условіями рынка. Если эта цѣна ниже самыхъ низшихъ издержекъ производства,—ни одинъ предприниматель не реализуетъ прибыли. Такіе случаи вовсе не суть не возможныя и лишь воображаемыя явленія, они встрѣчаются въ дѣйствительной жизни. Въ этомъ случаѣ предприниматель реализуетъ только заработную плату и, поскольку не происходитъ переворота въ способахъ производства, уступаетъ мѣсто предпринимателямъ, выступающимъ формально въ этой роли, но по существу являющихся лишь рабочими. Это случай вытѣсненія капиталистическихъ предпріятій мелкими въ земледѣліи и промышленности

при условіяхъ: 1) стаціонарности техники и 2) переполненія рынка [3а]).

Нельзя говорить, что предприниматели вообще реализують прибыль. Традиціонная политическая экономія слишкомъ односторонне имѣетъ въ виду случаи хозяйственной удачи [3b]). Рядомъ съ положительными цѣнностными разностями, знаменующими успѣшное предпринимательство, реализуются отрицательныя цѣнностныя разности, что выражается въ неуспѣшномъ предпринимательствѣ, ведущемъ къ банкротству. Въ области предпринимательства провалъ и банкротство представляетъ такое же „закономѣрное" и „нормальное" явленіе, какъ и удача и обогащеніе. Если же будутъ настаивать на томъ, что предприниматели все-таки въ общемъ и цѣломъ реализуютъ прибыль, то этотъ фактъ объясняется не тѣмъ, что въ силу какого-то естественнаго или психологическаго процесса въ фантастическомъ состояніи экономическаго равновѣсія въ цѣнахъ реализуется предсуществующая цѣнамъ прибыль, а—какъ мы указывали—лишь тѣмъ, что условія снабженія всякой данной совокупности людей (даннаго общества) благами таковы, что организованныя въ формы предпріятій хозяйства имѣютъ фактическую возможность реализовать положительную цѣнностную разность и потому не склонны уступать мѣста чистымъ рабочимъ-предпринимателямъ. Это вытекаетъ изъ того основного факта, изъ котораго исторически вытекла и частная собственность, изъ ограниченности вещныхъ благъ, находящихся въ распоряженіи человѣчества. Въ этомъ смыслѣ можно говорить объ абсолютной прибыли такъ же, какъ говорятъ объ абсолютной рентѣ. Все зданіе предпринимательской дѣятельности поддерживается прежде всего со стороны спроса, поскольку оно покоится на томъ, что можно назвать, правда весьма неточно, абсолютной рентой или прибылью (съ нашей точки зрѣнія понятія ренты и прибыли тождественны). Со стороны же предложенія дѣйствуетъ постоянное стремленіе путемъ пониженія издержекъ—при данномъ или даже растущемъ спросѣ—либо уве-

[3а]) Случай, наблюдавшійся чрезвычайно явственно въ Павловскомъ замочномъ промыслѣ.

[3b]) Исключеніе составляютъ тѣ экономисты, которые, вслѣдъ за Германномъ, принимаютъ во вниманіе случаи неудачи. Въ особенности это относится къ Мангольдту, построившему понятіе Einbusse,—ущерба, какъ категоріи, равноправной съ прибылью.

личить разстояніе между издержками и цѣной, расчитанными на единицу товары, либо путемъ пониженія издержекъ и цѣны стимулировать спросъ и повысить количество реализуемаго товара и тѣмъ увеличить абсолютную массу прибыли, въ чемъ въ конечномъ счетѣ только и заинтересованъ предприниматель.

Представленіе, что, въ силу какого-то естественнаго или психологическаго закона, въ цѣнахъ реализуется какая-то предсуществующая цѣнамъ прибыль, аналогично тому представленію, что не въ обмѣнѣ и обмѣномъ устанавливаются цѣнностныя равенства, а въ обмѣнѣ и обмѣномъ признаются равными какія-то количества, равенство которыхъ заранѣе, до обмѣна, дано. Оба эти представленія совершенно фантастическія. Прибыли создаются въ обмѣнѣ такъ же, какъ самая цѣна, но уже изъ цѣнъ. Въ общемъ реализація цѣнностныхъ разностей протекаетъ въ формѣ «предпринимательства», опирающагося на владѣніе и пользованіе своимъ или заемнымъ капиталомъ. Но есть случаи, когда въ формѣ цѣнностной разности реализуется и чисто трудовой „нефундированный“ доходъ. Это мы имѣемъ, напримѣръ, въ доходѣ извозчика, промышляющаго отъ хозяина. Извозчикъ обязанъ доставлять хозяину опредѣленную сумму денегъ, и разность между всей его выручкой и этой суммой и составляетъ доходъ извозчика. Тотъ фактъ, что извозчикъ не просто продаетъ трудъ, а реализуетъ цѣнностную разность между выручкой и тѣмъ ежедневнымъ взносомъ, который онъ обязанъ отдавать хозяину, дѣлаетъ задачу охраны труда извозчиковъ такой трудной. Будучи по существу рабочимъ, по «фигурѣ» своего дохода извозчикъ есть самостоятельный, несущій извѣстный «рискъ» промышленникъ, или предприниматель, который долженъ для полученія наибольшаго дохода стремиться достигнуть наибольшей положительной цѣнностной разности. Фигура «косвеннаго дохода» и элементъ «риска» тѣсно связаны между собой, составляя экономическое существо и психологическую характеристику «предпринимательства».

5. Кладя въ основу объясненія всѣхъ явленій образованія доходовъ цѣну, какъ первичное данное, мы оставляемъ въ сторонѣ проблему образованія цѣны изъ субъективныхъ оцѣнокъ. Признавая, что общія положенія субъективной теоріи цѣнности несомнѣнно уяснили многое въ психологіи явленія цѣны, мы самой дедукціи цѣны изъ субъективныхъ оцѣнокъ не придаемъ особеннаго значенія. Цѣна, конечно, есть явленіе психическое, и

образованіе цѣнъ требуетъ психологическаго объясненія, но такое объясненіе имѣетъ для политической экономіи значеніе съ одной стороны, предварительное, а, съ другой стороны, такія психологическія положенія о цѣнѣ дѣйствительно плодотворны лишь въ контекстѣ конкретнаго описанія фактовъ. Это ясно обнаруживается и на самой новѣйшей попыткѣ объяснить возникновеніе цѣнъ изъ субъективныхъ оцѣнокъ. Мы имѣемъ въ виду работу Лифманна [1]). Въ этой попыткѣ, какъ и во всѣхъ вообще писаніяхъ Лифманна сильную сторону составляетъ эмпирически-реалистическій уклонъ мысли автора. Но тѣмъ не менѣе его попытка дедукціи цѣны поражаетъ тѣмъ, что въ ней реальныя экономическія явленія, которыя могутъ быть объяснены только изъ цѣны, привлекаются для объясненія цѣны. Лифманъ строитъ понятіе выручки (Ertrag), какъ разности между издержками и полезностью, и изъ этого понятія выводитъ цѣну. Тутъ совершается основная ошибка. Какъ мы уже подчеркивали, полезность и издержки соизмѣримы лишь при помощи цѣны-цѣнности. Безъ понятія цѣны такимъ образомъ нельзя построить понятія выручки.

Лифманнъ, какъ большинство авторовъ, трактующихъ тотъ же вопросъ, забываетъ далѣе, что, представляя себѣ хозяйствующаго субъекта сравнивающимъ полезности и издержки, мы представленіе объ измѣримости, или количественной сравнимости этихъ элементовъ, образующееся въ процессѣ обмѣна, проицируемъ въ изолированное хозяйство. Полезность и выручка количественно сравнимы при помощи понятія цѣнности (субъективной), которое для изолированнаго безобмѣннаго хозяйства замѣщаетъ и замѣняетъ понятіе цѣны.

Въ такой конструкціи для изолированнаго хозяйства, какъ она ни законна, есть всегда нѣкоторая доля условности, ибо полезности и издержки непосредственно вовсе несравнимы. Сравненіе ихъ осуществляется лишь при помощи чисто раціоналистической операціи сведенія—ради упорядоченія хозяйственной дѣятельности—качественно различныхъ моментовъ этой дѣятельности къ количественному единству. Въ денежномъ хозяйствѣ такое сведеніе качественнаго разнообразія къ количественному едини-

[1]) Die Entstehung des Preises aus subjectiven Wertschätzungen въ Archiv für Sozialwissenschaft. XXIV Band (1912). SS. 1—54, 406—469.

ству, конечно, прямо дано тѣмъ, что всѣ качественно разнообразныя блага и всѣ затраты имѣютъ одно количественное выраженіе въ цѣнахъ. Отсюда возможность непосредственнаго сравненія издержекъ и выручки въ денежно-мѣновомъ хозяйствѣ. Я останавливаюсь здѣсь на попыткѣ Лифманна потому, что, несмотря на указываемую основную ошибку, эта работа всетаки знаменательна и заслуживаетъ вниманія, какъ симптомъ подготовляющагося преодолѣнія нѣкоторыхъ традиціонныхъ мнимыхъ понятій политической экономіи, въ частности концепціи т. н. распредѣленія.

«Идея распредѣленія, вмѣстѣ съ тѣсно связаннымъ съ нею ученіемъ о вмѣненіи, составляетъ одну изъ самыхъ темныхъ главъ и одну изъ самыхъ зловредныхъ и нереальныхъ теорій ученія о хозяйствѣ»—говоритъ Лифманнъ [5a]), и справедливо протестуетъ противъ универсалистической исходной точки ученія о распредѣленіи—«искуственно конструируемаго понятія совокупнаго дохода или совокупной прибыли на капиталъ». Слѣдуетъ однако сказать, что идея вмѣненія вовсе не обязательно должна быть расширяема до идеи распредѣленія. См. выше нашу главу II этого отдѣла.

Отсюда явствуетъ, что мы отклоняемъ и столь популярное въ американской литературѣ понятіе „психическаго дохода“ [5b]); это понятіе безполезно для политической экономіи, какъ науки, исходной точкой которой является понятіе цѣны. Для экономиста доходъ восходитъ къ цѣнѣ. Нельзя достаточно энергично подчеркнуть, что цѣна есть для политической экономіи основное данное, поддающееся регистраціи и могущее служить для идіографическаго описанія экономической дѣятельности, понимаемаго въ смыслѣ статистики.

Но идіографія хозяйственной жизни не можетъ ограничиваться однимъ «категорическимъ исчисленіемъ»; она должна быть расширена до цѣлостнаго и всесторонняго описанія жизни экономическихъ атомовъ—отдѣльныхъ хозяйствъ.

[5a]) L. c. Ss. 432—433.

[5b]) Понятіе „психическаго дохода“ введено американскимъ экономистомъ Феттеромъ (см. его цитированныя выше „Principles“ pp. 43—45, 571): „Цѣнность благъ, идущихъ въ потребленіе, есть производное тѣхъ пріятныхъ психическихъ впечатлѣній, созданію которыхъ они способствуютъ, а эти психическія дѣйствія образуютъ психическій доходъ... Объективный доходъ иногда называется „реальнымъ“ доходомъ, но онъ, конечно, не является доходомъ въ самомъ существенномъ смыслѣ“.

Въ этомъ правота и значеніе того движенія въ пользу созданія ученія о частномъ хозяйствѣ, которое недавно возникло въ Германіи. Это движеніе однако далеко еще не осознало ни матеріальнаго значенія, т. е. значенія по содержанію, ни методическаго мѣста той научной задачи, которая даетъ себя знать въ немъ [6]).

6. Обозрѣвая классификацію доходовъ: 1) по феноменологическому признаку отношенія дохода къ цѣнѣ и 2) по количественному соотношенію дохода къ потребительнымъ тратамъ и сопоставляя эти двѣ классификаціи, мы можемъ окончательно построить, исходя изъ цѣны, общее понятіе ренты. Въ «феноменологической» классификаціи ренты выступаетъ передъ нами какъ предпринимательская рента, т. е. какъ положительная цѣнностная разность между издержками и валовымъ доходомъ. Но то мѣсто, которое въ феноменологической классификаціи занимаютъ издержки, въ классификаціи по признаку отношенія къ потребительнымъ тратамъ занимаютъ эти послѣднія. Между издержками и потребительными тратами существуетъ полная аналогія. Такъ же какъ издержки, потребительныя траты могутъ быть представлены въ рядѣ цѣнъ. Издержки (издержки производства) и потребительныя траты могутъ быть объединены въ понятіи траты вообще, или просто траты. Такимъ образомъ и вторая классификація доходовъ обнаруживаетъ существо дохода, какъ нѣкой положительной цѣнностной разности. Эта положительная цѣнностная разность есть основная форма всякаго такъ называемаго чистаго дохода, независимо отъ его источника или характера. Ее я называю рентой вообще или попросту рентой. Понятіе ренты можетъ однако имѣть еще другой смыслъ: рента можетъ быть представлена не только какъ положительная цѣнностная разность, полученная путемъ вычитанія суммы тратъ изъ суммы реализованныхъ цѣнъ, ее можно также представить, какъ положительную цѣнностную разность между однимъ доходомъ и другимъ ему однороднымъ. Ренту какъ цѣнностную разность между реализованной цѣной и тратой можно назвать рентой всеобщей. Ренту какъ разность между двумя однородными доходами можно назвать рентой специальной.

Тотъ видъ ренты, или положительной цѣнностной разности, который усматривается при сопоставленіи валового дохода съ

[6]) См. экскурсъ VIII: Ученіе о частномъ хозяйствѣ.

потребительными тратами, можно назвать внутрихозяйственной рентой, такъ какъ онъ реализуется какъ бы внутри даннаго хозяйства установленіемъ извѣстнаго соотношенія между полученіями и тратами хозяйствующаго субъекта.

Тотъ же видъ ренты, который усматривается изъ сопоставленія валового дохода и издержекъ производства, можно назвать рентой внѣшнехозяйственной, ибо онъ реализуется, въ формѣ косвеннаго дохода, какъ бы въ отношеніяхъ хозяйствующаго субъекта къ внѣшнему для него хозяйственному міру установленіемъ извѣстнаго соотношенія между тѣмъ, что хозяйствующій субъектъ уплачиваетъ «на сторону», и тѣмъ, что онъ въ цѣнахъ получаетъ «со стороны». Различеніе ренты внутрихозяйственной и внѣшнехозяйственной — если мнѣ предложатъ другіе термины, лучшіе, я охотно приму ихъ — существенно для пониманія конкретнаго процесса капитализаціи. Въ процессѣ же капитализаціи обнаруживается соотношеніе между капиталомъ и рентой, т. е. той формой дохода, которою обусловливается самое образованіе и бытіе «капиталовъ», о чемъ у насъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Наше понятіе внутрихозяйственной ренты, хотя и говоритъ о потребительныхъ тратахъ, отнюдь не должно быть отождествляемо съ субъективистическимъ понятіемъ потребительскаго излишка, или потребительской ренты (consumers surplus, consumers rent), введеннымъ Маршалломъ:

«Цѣна, которую кто-либо уплачиваетъ за какую-нибудь вещь, не можетъ никогда превышать и изрѣдка лишь равняется суммѣ, которую данное лицо предпочтетъ уплатить за то, чтобы не лишиться даннаго предмета, иначе говоря, удовлетвореніе, получаемое отъ какой-либо покупки, по общему правилу превосходитъ ту жертву, которая заключается въ уплатѣ цѣны; такимъ образомъ данное лицо извлекаетъ изъ своей покупки нѣкоторый излишекъ удовлетворенія. Превышеніе цѣны, которую данное лицо склонно въ крайнемъ случаѣ уплатить для того, чтобы не лишиться какого-либо предмета, надъ цѣной, которую оно дѣйствительно уплачиваетъ, есть экономическое мѣрило этого прибавочнаго удовлетворенія. Его можно назвать «потребительскимъ излишкомъ» [7]).

---

[7]) Alfred Marshall, Principles of economics. Vol. I. Fifth edition, p. 124. По нѣмецкому переводу, сдѣланному съ 4-го изд., S. 165.

Ненужность этой концепціи столь же очевидна, какъ и ненужность концепціи «психическаго дохода». Субъективныя, внутрипсихическія явленія оцѣнки лежатъ, такъ сказать, въ преддверіи цѣнъ, приводя къ ихъ установленію. Но нельзя внутрипсихическую, чисто субъективную категорію потребительскаго излишка (нѣмецкіе переводчики Маршалла говорятъ Konsumentengewinn) выводить изъ сравненія цѣнъ и конструировать какъ цѣнностную разность, подобную реальнымъ, или объективнымъ цѣнностнымъ разностямъ, реализуемымъ въ осязательной формѣ денежныхъ доходовъ[8a]).

7. Въ краткихъ чертахъ я постараюсь опредѣлить отношеніе моего пониманія ренты къ существующимъ ея конструкціямъ. Совершенно ясно, что понятіе внѣшнехозяйственной ренты (какъ общей, такъ и спеціальной) воспринимаетъ и воспроизводитъ то обобщеніе понятія ренты классической школы, которое восходитъ къ Герману, Шеффле и Мангольдту[8b]).

Заслуга и сила Германна заключается въ томъ, что онъ связываетъ понятіе и феноменъ ренты съ понятіемъ и феноменомъ капитала, — ибо именно въ этой связи заключается опредѣленность понятія ренты, какъ косвеннаго и производнаго, по нашей терминологіи, дохода, всегда поддающагося капитализаціи по тому или иному «ключу». Общее понятіе ренты, какъ извѣстно, Германнъ строитъ, разсматривая «прибыль отъ постояннаго капитала» (Gewinn vom fixen Kapital) «подъ вліяніемъ растущихъ цѣнъ на продуктъ» и различая случаи: 1) когда «постоянные капиталы поддаются умноженію»; 2) когда этого нѣтъ, и, въ первомъ случаѣ различая комбинаціи, при которыхъ вновь вступающіе капиталы (Германнъ тутъ прямо употребляетъ выраженіе Produk-

[8a]) См. Emil Lederer. Versuch einer reinen und realistisch-empirischen Theorie des Konsumentenmonopols въ Archiv für Socialwissenschaft XXXV (1912). SS. 101—114, который, возражая противъ пониманія потребительской ренты, какъ разности оцѣнокъ (субъективныхъ), принимаетъ формулировку, данную Маршалломъ (разность цѣнъ), не замѣчая однако, что тутъ съ одной, дѣйствительной цѣной сопоставляется другая, воображаемая или предполагаемая. Разсужденіе Ледерера, показывая тщету практической идеи монополіи потребителей, на мой взглядъ еще ярче обнаруживаетъ и тщету теоретической концепціи потребительской ренты.

[8b]) См. дополнительныя замѣчанія о литературѣ по вопросу о рентѣ въ приложеніи.

tionsmittel — средства производства) по производительности: 1) равняются, 2) превосходятъ, 3) отстаютъ отъ капиталовъ, ранѣе уже вложенныхъ въ производство.

Шеффле и Мангольдтъ расширили понятіе ренты, распространивъ ея принципъ на прямые доходы[9]). Но это распространеніе, какъ оно ни правильно, всетаки менѣе интересно и существенно по своимъ выводамъ, чѣмъ установленіе понятія ренты съ капитала—именно потому, что въ случаѣ прямого дохода менѣе возможна капитализація ренты, хотя теоретически она вполнѣ мыслима (какъ извѣстно, Вальрасъ и его школа оперируютъ съ понятіемъ «личныхъ капиталовъ»).

Понятіе внутрихозяйственной ренты до сихъ поръ съ полной ясностью не выдвигалось въ литературѣ. Между тѣмъ, во-первыхъ, оно существенно для эмпирическаго ученія о сельскохозяйственномъ доходѣ и его капитализаціи; во-вторыхъ, устанавливая связь между образованіемъ капитала и потребленіемъ, оно есть то теоретическое понятіе, на которомъ должно покоиться эмпирическое же ученіе о сбереженіи, какъ специфическомъ, въ психологическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, процессѣ, имѣющемъ огромное реальное значеніе.

Такимъ образомъ понятія дохода и ренты подводятъ насъ вплотную къ понятію капитала. Оно должно быть разсматриваемо и уясняемо съ той же точки зрѣнія, съ которой мы обсуждали здѣсь основныя проблемы и положенія политической экономіи.

[9]) Въ развитіи возрѣній на ренту вообще всего лучше оріентируетъ небольшая, но обстоятельно написанная книга автора, принадлежащаго къ школѣ Вальраса-Парето: B. Samsonoff. Esquisse d'une théorie générale de la rente suivie d'une critique des principales opinions émises sur le même sujet. Lausanne, 1912. Самъ авторъ находится подъ властью двухъ идей: 1) экономическаго равновѣсія и 2) различенія статики и динамики въ экономикѣ. Эти двѣ идеи, критику которыхъ мы дадимъ позже, тѣсно между собою связаны и характерны для новѣйшей политической экономіи въ ея самыхъ проницательныхъ представителяхъ (Кларкъ, Шумпетеръ). Онѣ составляютъ тотъ доктринальный грузъ, который мѣшаетъ ей рѣшительно и послѣдовательно встать на почву эмпиризма. На этомъ основаніи покоится та субтильная экономическая схоластика, въ которую такъ часто впадаютъ и наиболѣе блистательные представители новой, опирающейся на понятіе субъективной цѣнности, экономической науки.

Содержаніе

ПЕРВАГО ВЫПУСКА ВТОРОЙ ЧАСТИ

„Хозяйство и цѣна“.

— - —

Предисловіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. **Проблема производства.**

I.

II.

хожденіе интересовъ разныхъ хозяйствующихъ субъектовъ. Значеніе этого указанія (стр. 27—29). 5. Нѣсколько критическихъ замѣчаній о проблемѣ „максимума производительности“ (стр. 29—32).

III.

1. Понятіе блага. Экономически благо означаетъ полезность или услугу: всякій продуктъ (всякая вещь) до конца разлагается на услуги (стр. 32—35). 2. Иллюстрація отраженія теоретической неясности въ статистической практикѣ (стр. 36—39). 3. Противопоставленіе „вещей“ и „услугъ“ съ точки зрѣнія экономической весьма условно. Человѣкъ не есть вещь только въ силу особаго, обусловленнаго морально-общественными соображеніями, положенія человѣческой личности въ правѣ. Экономически человѣкъ есть такой же „источникъ“ услугъ, какъ и любое животное. „Источники благъ“ такъ же разлагаются на „блага“, какъ „вещи“ разлагаются на „услуги“ (стр. 39—40). 4. Связь между натуралистическимъ и универсалистическимъ мотивомъ, создаваемая категоріей производства (стр. 40—42).

ГЛАВА ВТОРАЯ. Проблема вмѣненія.

I.

1. Хозяйственныя блага суть необходимо блага, носящія на себѣ знакъ цѣны, выражаемыя или выразимыя въ деньгахъ (стр. 43—46). 2. Общая постановка проблемы вмѣненія (стр. 46—49).

II.

1. Что такое производственное вмѣненіе? Разсужденія Стракоша о производительности культурныхъ растеній, основанныя на методѣ О. Келльнера. Переходъ проблемы производственнаго вмѣненія въ проблему вмѣненія цѣнностнаго (стр. 49—52). 2. Цѣнностное вмѣненіе есть по существу калькуляція. Калькуляція знаетъ только цѣны (стр. 52—54). 3. Расширеніе проблемы цѣнностнаго вмѣненія въ проблему распредѣленія. Правомѣрно ли такое расширеніе? (стр. 54—55).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Проблема т. н. распредѣленія.

1. На какихъ предпосылкахъ основана концепція распредѣленія, какъ „дѣлежа“, и какъ возникла проблема распредѣленія? Концепція распредѣленія есть методическое упрощеніе дѣйствительности (стр. 56—58). 2. Въ какой мѣрѣ правомѣрна такая методическая операція? Необходимый „атомизмъ“ политической экономіи. Въ анализѣ взаимодѣйствія экономическихъ атомовъ въ качествѣ основного элемента выступаетъ цѣна. Нѣсколько замѣчаній о математической дедукціи въ политической экономіи. Проблема распредѣленія, какъ проблема

образованія доходовъ изъ цѣнъ, есть проблема не номографическая, а идіографическая (стр. 58—64). 8. „Цѣна" и „деньги" какъ связанныя между собой понятія: для того, чтобы изъ субъективныхъ цѣнностей можно было бы вывести цѣны, необходимо предположить существованіе денегъ, а деньги предполагаютъ цѣны (стр. 64—70).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **Идіографія хозяйственной жизни какъ методическое требованіе и научная программа. (Политическая экономія и бухгалтерія).**

1. Два положенія, имѣющія руководящее значеніе для экономической идіографіи (стр. 71—72). 2. Вопросъ о соотношеніи между политической экономіей и бухгалтеріей. Два ряда записей бухгалтеріи (стр. 72—73). 3. Оцѣнка капитала, назначеннаго для производства. Три возможныя рѣшенія (стр. 73—75). 4. Съ точки зрѣнія практическихъ заданій бухгалтеріи всѣ оцѣнки должны быть возводимы къ фактически уплаченнымъ цѣнамъ. Критика подчиненія бухгалтерской оцѣнки теоретическому понятію цѣнности (стр. 75—79). 5. Оцѣночныя данныя въ бухгалтеріи. Т. н. „списываніе", какъ цѣнностное выраженіе натуральнаго факта производственной траты внутри даннаго хозяйства. Раціональный методъ списыванія (стр. 79—83). 6. Практическое несовершенство бухгалтерскихъ операцій вообще и списыванія, въ частности, не колеблетъ основного значенія бухгалтеріи для статистической идіографіи хозяйственной жизни. Идея частнохозяйственной статистики. Значеніе осознанія бухгалтеріи, какъ преддверья экономической статистики (стр. 83—88).

ГЛАВА ПЯТАЯ. **Цѣна и доходы.**

1. Различеніе и группировка доходовъ. Группировка доходовъ по признаку ихъ отношенія къ феномену цѣны. Доходы прямые, косвенные и производные (стр. 89—92). 2. Классификація доходовъ по ихъ количественному соотношенію съ потребительными тратами. Классификація доходовъ по ихъ величинѣ (классификація „статистическая") (стр. 92). 3. Вопросъ о томъ, откуда получается предпринимательская рента, или т. н. прибыль? Прибыль получается благодаря правильному учету и успѣшной реализаціи цѣнъ предпринимателемъ. Смыслъ, который заключается въ теоріи эксплоатаціи: она вѣрно указываетъ какъ юридическій титулъ, въ силу котораго совершается присвоеніе положительной цѣнностной разности, такъ и ту соціальную почву, на которой создается возможность такого присвоенія для нѣкоторыхъ категорій лицъ. Ограниченное количество вещныхъ благъ какъ единственное абсолютное условіе образованія т. н. нетрудовыхъ доходовъ въ обществѣ, основанномъ на частной собственности (стр. 92—95). 4. Безплодность всѣхъ теорій прибыли и прозрачная ясность принципа теоріи ренты. Разъясненіе общаго понятія ренты, какъ положительной цѣнностной разности. Политическая экономія должна принимать во вниманіе и факты экономи-

ческой неудачи, т. е. случаи реализаціи отрицательной цѣнностной разности. Прибыль вытекаетъ изъ соотношенія цѣнъ, а не въ цѣнахъ реализуется какая-то предшествующая цѣнамъ прибыль. Иногда въ формѣ цѣнностной разности реализуется трудовой доходъ (стр. 95—98). 5. Почему мы оставляемъ въ сторонѣ проблему образованія цѣны изъ субъективныхъ оцѣнокъ? Замѣчанія о взглядахъ Лифманна: вопреки Лифманну не понятіе цѣны слѣдуетъ выводить изъ понятія „выручка", а понятіе „выручка" изъ понятія цѣны. Симптоматическое значеніе работъ Лифманна (стр. 98—101). 6. Дальнѣйшее обобщеніе и расчлененіе понятія ренты. Рента общая и спеціальная, внѣшнехозяйственная и внутрихозяйственная (стр. 101—103). 7. Отношеніе моего пониманія ренты къ существующимъ конструкціямъ ренты (стр. 103—104).

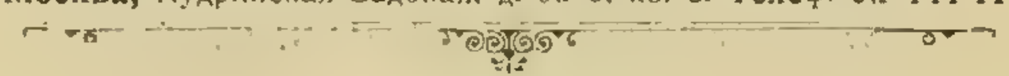
Замѣченныя опечатки

ПЕРВАГО ВЫПУСКА ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Страница и строка.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
7 (367), примѣчаніе 7	См. экскурсъ IV	См. экскурсъ VII
21 (381), 13 снизу (примѣчаніе)	Bewehnungsvorgang	Bewegungsvorgang

Издательство В. П. РЯБУШИНСКАГО.

Москва, Кудринская-Садовая, д. № 6, кв. 6. **Телеф. № 144-11.**

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. СБОРНИКИ.

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ.

Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Книга первая.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.—Предисловіе. — ***. Міросозерцаніе народа и духъ арміи. — **Кн. Г. Н. Трубецкой.** Россія какъ великая держава. — **Брутъ.** Казенное возсозданіе флота. — **Я.** На новый путь. — **Л. М. Болховитиновъ.** Россія на Дальнемъ Востокѣ. — **Л. М. Болховитиновъ.** Колонизаторы Дальняго Востока. — **Н. Л. Кржижановскій.** Развитіе и роль подводнаго флота при современныхъ условіяхъ войны.

VIII+302 стр. Цѣна **1** руб. **50** коп.

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ.

Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Книга вторая.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. — **W.** Воздушный флотъ. — **Л. М. Болховитиновъ.** Священный долгъ. — **С. А. Котляревскій.** Русская внѣшняя политика и національныя задачи. — **Бобровъ.** Возстановленіе силы. — **Л. Н. Яснопольскій.** Финансы Россіи и ихъ подготовленность къ войнѣ. — **Записка** о мѣрахъ, необходимыхъ для ускоренія и удешевленія кораблестроенія, представленная въ коммиссію инженеръ-генерала Рерберга членами Госуд. Думы **А. Ф. Бобянскимъ, Н. Н. Львовымъ, М. В. Челноковымъ** и **А. А. Федоровымъ.** — **П. Б. Струве.** Экономическая проблема „Великой Россіи“. — ***. Основы подготовки командного состава арміи.—**Уралецъ.** Почему казаки обѣднѣли?—**П. А. Т.** Желѣзнодорожный вопросъ въ Персіи и Великій Индійскій путь. — **Брутъ.** Слѣпые.—**Кн. Г. Н. Трубецкой.** Нѣкоторые итоги русской внѣшней политики.

368 стр.+1 карта. Цѣна 2 руб.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И РАБОТЫ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ И ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗНАНІЯМЪ,

издаваемыя подъ редакціей **П. Б. Струве.**

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

† В. К. ДМИТРІЕВЪ.

Критическія изслѣдованія о потребленіи алкоголя въ Россіи.

Съ предисловіемъ П. Б. Струве и 4-мя діаграммами.

XII+283 стр. Цѣна 3 рубля.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе редактора „Изслѣдованій и работъ“.—Введеніе.—**Часть первая: Критическій разборъ данныхъ русской алкогольной статистики.** Гл. 1. Общій обзоръ источниковъ алкогольной статистики. Гл. 2. Данныя акцизнаго періода и нѣкоторыя данныя изъ болѣе ранняго періода. Гл. 3. Данныя „переходнаго“ періода.—**Часть вторая: Потребленіе спиртныхъ напитковъ въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями народной жизни.** Гл. 1. Непосредственное вліяніе повышенія акциза на душевое потребленіе алкоголя. Гл. 2. Вліяніе на потребленіе алкоголя числа питейныхъ заведеній. Гл. 3. Потребленіе спиртныхъ напитковъ и урожаи. Гл. 4. Потребленіе спиртныхъ напитковъ и періодическія колебанія промышленности (неземледѣльческой). Гл. 5. Вліяніе на общее потребленіе алкоголя перехода отъ спорадическаго къ привычно-регулярному потребленію. Гл. 6. Значеніе психическаго настроенія народныхъ массъ. Гл. 7. Роль физіологическаго оскудѣнія рабочаго организма (подъ вліяніемъ переутомленія). Глава 8. Причины систематическаго паденія „средняго уровня“ потребленія съ начала 1887 г. Гл. 9. Данныя о душевомъ потребленіи чая и сахара, какъ вспомогательный матеріалъ для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ алкогольной статистики. Глава 10. Сохраняютъ ли полученные въ предыдущихъ главахъ выводы силу и при господствѣ казенной продажи вина? Заключеніе.

Изъ предисловія П. Б. Струве: «Авторъ не нуждается въ особой рекомендаціи онъ отнюдь не новичекъ въ экономической литературѣ. Ему принадлежитъ теоретическая работа по теоріи политической экономіи: «Экономическіе очерки. Опытъ органическаго синтеза трудовой цѣнности и теоріи предѣльной полезности». Этотъ трудъ по единодушному отзыву проф. Спб. Полит. Инст. А. А. Чупрова, прив.-доц. Моск. Унив. Н. Н. Шапошникова и проф. Берлин. Унив. В. О. Борткевича—свидѣтельствуетъ о крупномъ теоретическомъ дарованіи автора. Предлагаемая работа относится къ другой области. Мнѣ думается, что какія бы возраженія ни вызывали нѣкоторые выводы автора, его критическія изслѣдованія о потребленіи алкоголя въ Россіи получатъ значеніе руководящаго труда по этому вопросу. Авторъ превосходно распоряжается своимъ матеріаломъ и обнаруживаетъ въ своемъ анализѣ именно то рѣдкое дарованіе теоретика, которое получило такое рѣшительное признаніе со стороны названныхъ выше компетентныхъ ученыхъ».

Печать тотчасъ по выходѣ труда **В. К. Дмитріева** отмѣтила его выдающійся интересъ и научную основательность. См. „Русскія Вѣдомости“ (№ 223 за 1911 г.), „Вѣстникъ Европы“ (октябрь 1911 г.), „Рѣчь“ (отзывы **М. И. Туганъ-Барановскаго** и **А. С. Изгоева**), „Утро Россіи“ (№ 208) и рядъ провинціальныхъ органовъ.

Л. Н. ЯСНОПОЛЬСКІЙ.

ОЧЕРКИ РУССКАГО БЮДЖЕТНАГО ПРАВА.

I. Историческій обзоръ составленія нашихъ государственныхъ росписей и бюджетная реформа Татаринова.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. Гл. 1. Документы нашего бюджетнаго дѣла въ XVII столѣтіи.—Гл. 2. Русское бюджетное дѣло въ эпоху Петра Великаго.—Гл. 3. Разложеніе бюджетнаго дѣла при преемникахъ Петра и его возстановленіе при Екатеринѣ II.—Гл. 4. Время Павла I. Бюджетное законодательство Сперанскаго и практика нашего бюджетнаго дѣла въ царствованіе Александра I.—Гл. 5. Николаевская эпоха.—Гл. 6. Бюджетная реформа. Основныя начала ея. Публикованіе росписей.—Гл. 7. Начало работъ Специальной Комиссіи. Разборъ Комитетовъ казенныхъ и общественныхъ.—Гл. 8. Дальнѣйшая работа Специальной Комиссіи. Бюджетная реформа въ Гос. Совѣтѣ.—Заключеніе.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

П. Б. СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Хозяйство и общество.—Цѣна-цѣнность.

Введеніе. О нѣкоторыхъ основныхъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія. **ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.** Хозяйство и общество. **Глава первая.** Хозяйство.—Хозяйственный и соціальный строй. **Глава вторая.** Основной дуализмъ общественно-экономическаго процесса и идея естественнаго закона. **ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.** Цѣна-цѣнность. **Глава первая.** Нѣкоторыя основныя положенія о цѣнѣ и цѣнности. **Глава вторая.** Цѣна указная и цѣна вольная. Этюды и матеріалы по исторической феноменологіи цѣны. **Глава третья.** Указная цѣна и деньги. **Глава четвертая.** Новѣйшая эволюція формъ цѣны. Стр. XXXV+358.

Цѣна **3** руб. **50** коп.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

П. Б. СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Выпускъ I.

Глава I. Проблема производства. Глава II. Проблема вмѣненія. Глава III. Проблема т. н. „распредѣленія". Глава IV. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава V. Цѣна и доходы. Стр. I—III+108.

Цѣна **2** рубля.

 ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ (готовится къ печати).

П. Б. СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Выпускъ II.

Глава I. Доходъ и капиталъ. Глава II. Идея экономическаго «равновѣсія» и различеніе статики и динамики въ политической экономіи. Глава III. Заключеніе.— Экскурсы, приложенія и указатели ко всѣмъ тремъ выпускамъ.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ (готовится къ печати).

В. М. ШТЕЙНЪ.

ТВОРЧЕСТВО и ВЛАСТЬ въ ХОЗЯЙСТВѢ.

Критика натуралистическихъ и соціологическихъ ученій въ политической экономіи.

Введеніе. **Очеркъ первый.** Натурализмъ въ теоретической экономіи. **Очеркъ второй.** Общество и личность въ хозяйствѣ. **Очеркъ третій.** Потребители и предприниматели.

Съ предисловіемъ **П. Б. Струве.**

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ (готовится къ печати).

Л. Н. ЯСНОПОЛЬСКІЙ.

ОЧЕРКИ РУССКАГО БЮДЖЕТНАГО ПРАВА.

II. Развитіе нашего бюджетнаго законодательства послѣ реформы 1862 г. и бюджетное право Госуд. Думы.

СОДЕРЖАНІЕ: Гл. 1. Бюджетная централизація и децентрализація.—Гл. 2. Развитіе единства бюджета.—Гл. 3. Порядокъ разсмотрѣнія бюджета.—Гл. 4. Объединеніе бюджетнаго періода.—Гл. 5. Борьба съ сверхсмѣтными кредитами въ нашемъ бюджетѣ.—Гл. 6. Бюджетная отчетность. Попытки кодификаціи бюджетнаго законодательства. Гл. 7. Переходъ къ конституціонному строю. Проекты переходной эпохи.— Гл. 8. Бюджетное право Гос. Думы и законодательныхъ актовъ 1905—1906 гг.— Гл. 9. Бюджетная практика Гос. Думы, Гос. Совѣта и Совѣта Министровъ. Заключеніе.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ (готовится къ печати).

Я. М. БУКШПАНЪ.

ОЧЕРКИ МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Опытъ статистико-экономическаго изслѣдованія промысловъ въ связи съ критическимъ пересмотромъ ученія о формахъ промышленности вообще.

I. Введеніе. О формахъ промышленности. 1. Виды мелкой промышленности. 2. Форма промышленности въ промысловой статистикѣ. **II. Опыты статистико-экономическаго обслѣдованія мелкой промышленности.** А. Производство гнутыхъ (тонетныхъ) стульевъ на Волыни и въ Полѣсьѣ (на основаніи обслѣдованія 1910 г.) В. Столярно-мебельное производство въ Варшавѣ (на основаніи обслѣдованія 1913 г.). **III. О конкуррентоспособности мелкой промышленности.**

Съ предисловіемъ **П. Б. Струве.**

Людвигъ БЕРНГАРДЪ, проф. Берлинск. Универс.

БОРЬБА ПОЛЯКОВЪ ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ ВЪ ПРУССІИ.

(Die Polenfrage. Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat).

Съ разрѣшенія автора перев. съ 2-го нѣм. изд. А. С. ИЗГОЕВЪ.
Съ предисл. П. Б. СТРУВЕ и вступит. статьей А. С. ИЗГОЕВА.
XIV+584 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: **КНИГА ПЕРВАЯ: Организація поляковъ въ Пруссіи.** 1. Господство польской «эмиграціи» (1831—1862). 2. Господство польской фракціи въ Берлинѣ (1864—1893). 3. Нынѣшняя организація польскаго населенія въ Пруссіи. **КНИГА ВТОРАЯ: Польская финансовая система.** 1. Центральное управленіе польскаго Союза товариществъ. 2. Союзный Банкъ. 3. Сѣть польскихъ товариществъ. 4. Кредитная политика поляковъ. **КНИГА ТРЕТЬЯ: Борьба за землю.** 1. Выработка методовъ борьбы. 2. Мѣры противодѣйствія со стороны нѣмцевъ. Заключеніе. Польскій рабочій вопросъ.

П. Б. Струве говоритъ въ своемъ предисловіи, между прочимъ, слѣдующее: «Увлекательно, прямо мастерски написанное изслѣдованіе Бернгарда есть поучительнѣйшій разсказъ о томъ, какъ культура и дисциплина возродили польскую національность и создали и продолжаютъ создавать сильную польскую демократію, способную противостоять нѣмецкой культурѣ и ея политической носительницѣ—прусской государственности... Хотѣлось бы, чтобы замѣчательная книга Бернгарда не затерялась въ нашемъ книжномъ морѣ, чтобы ея факты и выводы, имѣющіе общее значеніе и въ то же время полные такого жизненнаго смысла для насъ, русскихъ, проникли въ общественное сознаніе и послужили тому дѣлу внутренней критики и идейнаго воспитанія, которое есть необходимое условіе успѣшной борьбы за политическое обновленіе и культурное возрожденіе нашей родины».

БРУКСЪ АДАМСЪ.

НОВАЯ ДЕРЖАВА.

Авторизованный переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія
Г. А. КОЙРАНСКАГО.
Предисловіе профессора И. Х. ОЗЕРОВА.
LV+212 стр. Цѣна 1 р. 75 к.

Изъ предисловія И. Х. Озерова: ..на 14-мъ собраніи американской экономической ассоціаціи Бруксъ Адамсъ прочелъ интересный докладъ „О расширеніи иностранной торговли Соединенныхъ Штатовъ“. Авторъ сдѣлалъ здѣсь попытку изобразить человѣческую исторію, какъ постоянное перемѣщеніе энергіи съ востока на западъ; еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова Ниневія держала въ своихъ рукахъ супрематію, затѣмъ она переходила къ грекамъ, римлянамъ, къ Испаніи, Голландіи, Англіи, и въ настоящее время послѣдняя уступаетъ свое мѣсто Соединеннымъ Штатамъ . . . .

Предлагаемая вниманію публики книга Брукса Адамса является . . . . . развитіемъ этой идеи.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Петроградъ, Лѣсной пр. (бывш. Нюстадская), 6.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора «Введеніе въ метафизику» Перев. С. Гессена и М. Грюнвальдъ. Стр. 238. Цѣна 1 р. 50 к.

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный перев. съ франц. В. Флеровой. Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332. Цѣна 1 р. 75 к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. В. Г. Малахіевой-Миронович и М. В. Шикъ. Подъ ред. С. В. Лурье. Стр. 518. Цѣна 2 р. 50 к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ее презирающимъ. Монологи Перев. съ нѣмецк. С. Л. Франка. Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика Томъ въ 150 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія С. Л. Франка. Стр. 256. Цѣна 1 р. 80 к.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна 3 р.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна 1 р.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города Стр. 36. Цѣна 15 к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). Русская литература по ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. Вып. первый (декабрь 1911 г.—декабрь 1912 г.). Библіографическій обзоръ. Стр. 55. Цѣна 60 к. (Изданіе распродано.) Вып. второй (декабрь 1912 г.—декабрь 1913 г.). стр. 56. Цѣна 60 к. Вып. третій (декабрь 1913 г.—декабрь 1914 г.) Стр. 50. Цѣна 60 коп.

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. Стр. 40. Цѣна 60 к.

ПЕТРЪ СТРУВЕ. Гр. С. Ю. Витте. Опытъ исторической характеристики. Отд. оттискъ изъ Русской Мысли. Цѣна 25 коп.

А. Н. МАНДЕЛЬШТАМЪ. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. Стр. 68. Цѣна 75 коп.

Печатается

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ В. Ф. Гефдинга съ послѣдняго изданія.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Лѣсной просп. [бывш. Нюстадская], 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

Продолжается подписка на 1916 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ дост. и перес. въ Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Россіи . . . . 18 р.	13 р. 50 к.	9 р.	4 р. 50 к.
За границу. . . . 20 „	15 „ — „	10 „	5 „ — „
На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи			1 „ 75 „

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 75 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Петроградѣ, въ главной конторѣ журнала: Лѣсной просп. (бывш. Нюстадская), д. 6 (близъ Финляндскаго вокзала): въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20. кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ и большихъ провинціальныхъ городовъ.

2007088071